

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ LXXXVIII.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

ИСТОРИЯ СТИЛИХОНА.

ГЛАВА I.

Характеръ Исторіи Римской Имперіи въ IV столѣтіи. — Задача изслѣдованія. — Взглядъ на источники. — Пособія.

Два главнымъ образомъ вопроса занимали Римское Государство въ періодъ Имперіи до IV вѣка: «какой лучше порядокъ вещей: старый, или новый, только что наступавшій? Что возьметъ верхъ въ борьбѣ, — язычество или Христіанство?». Ко времени, когда Стилихонъ выступаетъ на историческое поприще, оба эти вопроса были рѣшены окончательно. Древній міръ отжила; его убѣжденія, его вѣрованія не находили ни въ комъ сочувствія; уже не существовало прежнихъ формъ и быта общественнаго и частнаго; они должны были уступить свое мѣсто новымъ, гораздо лучшимъ: такъ идея объ единовластвіи, которую такъ ненавидѣлъ, на которую съ такимъ ожесточеніемъ нападали древніи Римлянинъ, подавила и уничтожила собою духъ Республики; въ послѣдней половинѣ IV столѣтія и въ голову никому не приходило возстановить древній порядокъ вещей. Язычество, съ такимъ упорствомъ ратовавшее противъ Христіанства, должно было уступить поле батыи несравненно чистѣйшему ученію и, не смотря на энергическія мѣры Юліана подавить Евангеліе, должно было пасть.

Теперь выдвигаются на первый планъ другія отношенія; другіе вопросы, доселѣ бывшіе второстепенными, требуютъ отъ Рима рѣшенія, это: «отношенія Римлянъ къ варварамъ и къ Востоку»; теперь вопросъ шель о томъ, «кто кого одождетъ — Римляне Германцевъ, или, на-оборотъ, Германцы Римлянъ, и оста

нуты ли соединенными Востокъ и Западъ, или кто изъ нихъ возьметъ перевѣсъ. Оба эти вопроса решались задолго до Стилихона и, когда онъ явился, были въ полномъ ходу.

Стилихонъ неутомимо работалъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ въ пользу Западной Имперіи. Прославившись при Феодосіи Великомъ, какъ вѣрный и искусный полководецъ въ войнахъ съ варварами, Стилихонъ постоянно продолжаетъ борьбу съ ними до самой несчастной кончины своей.

Рядомъ или, лучше сказать, въ тѣснѣйшей связи съ этимъ стараніемъ Стилихона усмирить варварскія племена, идетъ его стремленіе — раздѣленную на двѣ части Римскую Монархію соединить въ одну и, когда это оказалось невозможнымъ, дать рѣшительный перевѣсъ Западной половинѣ надъ Восточною, чтобы тѣмъ легче обуздывать варваровъ.

Для успѣшнаго дѣйствованія въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, Стилихонъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться неограниченною властію въ Государствѣ и двигать огромными силами. Такъ и было. Онъ былъ полный властелинъ въ Имперіи, и тысячи варваровъ подъ его начальствомъ сражались противъ варваровъ. Такое огромное вліяніе Министра на ходъ государственныхъ дѣлъ не могло не возбудить зависти въ Императорѣ, значеніе котораго падало. Возникли въ Исторіи Стилихона новыя отношенія — отношенія вождя къ Императору. Императоръ, достигши совершеннолѣтія, старался превозмочь вліяніе своего Министра. Такъ какъ онъ нашелъ себѣ сочувствіе въ національной гордости Римлянъ, не терпѣвшей усиленія варваровъ въ Имперіи, и въ зависти нѣкоторыхъ мелочныхъ душъ, желавшихъ низринуть Министра и его приверженцевъ, чтобы занять ихъ мѣста въ Государствѣ, то открывается любопытная борьба: съ одной стороны — между Императоромъ и остаткомъ Римскаго элемента, съ другой — между Стилихономъ и варварами.

Такимъ образомъ троеклаго рода отношенія входятъ въ Исторію Стилихона: отношенія Имперіи къ варварамъ, отношенія ея къ Востоку и наконецъ отношенія полководца, командующаго варварскими легіонами, къ Императору и Римскому элементу. Прослѣдимъ всѣ эти отношенія, какъ они развивались подъ влія-

нiемъ Стихикона, съ краткимъ указанiемъ на начало и прѣшнее ихъ развитiе, и составляетъ задачу нашего труда.

Разсматривая съ этой точки зрѣнiя Исторiю Стихикона, я представлю подробности событiй его дѣятельности и заключу свой историческiй очеркъ краткою характеристикою этого замѣчательнаго мужа. Считаю нужнымъ объяснить одно обстоятельство: я старался возможно отчетливо и полно обрисовать характеръ каждаго лица, имѣвшаго болѣе или менѣе тѣсную связь съ Стихиономъ: потому что не лзя не согласиться, что извѣстный ходъ событiя, хотя отчасти, но обуславливается личностiю дѣятеля, а съ другой стороны потому, что въ характерѣ извѣстнаго лица отражаются характеристическiя особенности времени, въ которое это лице жило, и народа, среди котораго дѣйствовало.

Что касается источниковъ, то имѣтъ ни одного Писателя, который бы безпристрастно, полно, отчетливо и съ знанiемъ дѣла изложилъ Исторiю этого замѣчательнаго времени. Многiе писали объ немъ, но ни одинъ Писатель не имѣтъ всѣхъ этихъ качествъ: поэтому здѣсь будетъ не излишне, если я установлю свой взглядъ на источники, изъ которыхъ почерпнулъ свѣдѣнiя для своего труда.

Источниками для меня служили творенiя Клавдиана, Историки Византийскiе и нѣкоторые Духовные Писатели.

Клавдианъ занималъ значительную должность при Дворѣ Говорiя, и своимъ возвышенiемъ обязанъ былъ Стихикону, покровительствомъ котораго пользовался до конца его жизни и, кажется, съ нимъ вмѣстѣ погибъ. Понятно, что безпристрастiя не лзя искать въ его творенiяхъ, тѣмъ болѣе, что рѣчи свои онъ читалъ большею частiю въ присутствiи Стихикона. Впрочемъ, мы не можемъ безусловно принять только взглядъ его на событiя: потому что большая часть ихъ представлена въ не вѣрномъ свѣтѣ, а въ томъ или другомъ, смотря по цѣли сочиненiя; въ дѣйствительности же событiй, по моему мнѣнiю, не лзя сомнѣваться, потому что странно было бы предположить, чтобы Клавдианъ предъ лицомъ собранiя сталъ говорить о такихъ событiяхъ, которыхъ вовсе не случалось; напротивъ, онъ пользуется фактомъ для подтвержденiя той или другой мысли, и со-

общаетъ его, какъ нѣчто вѣдѣтъ извѣстное, а потому не вдается въ подробности его. Отъ такого пользованія фактами произошло то, что у Клавдіана немного можно найти мѣстъ, гдѣ онъ послѣдовательно и полно излагаетъ происшествія; по большей части они разбросаны по разнымъ его сочиненіямъ, и только, при помощи другихъ источниковъ и долгаго соображенія, можно опредѣлить время, когда то или другое событіе случилось, и причины, которыя произвели его. Не малое затрудненіе къ отысканію истины въ твореніяхъ этого Писателя представляютъ поэтическая форма его сочиненій, которая въ многихъ мѣстахъ чрезвычайно искусственна, и самыя названія предметовъ, заимствованныя изъ мифологическаго и древнѣйшаго міра. Не смотря однакожь на всѣ эти недостатки, Клавдіанъ служилъ мнѣ главнымъ источникомъ до 404 года, — дагѣ котораго у него нѣтъ свѣдѣній, — особенно въ томъ случаѣ, когда дѣло касалось отношеній Западной Имперіи и Стилихона къ Константинопольскому Двору; почти каждое твореніе Клавдіана историческаго содержанія касается этого пункта, а нѣныя даже главною идеею своею имѣютъ эти отношенія: здѣсь хотя отрывочно и въ нѣкихъ мѣстахъ преувеличенно, но вполне представлена политика обоихъ Дворовъ. Я могъ смотрѣть, и кажется справедливо, на мысли Клавдіана о политическихъ дѣлахъ, какъ на мысли самого Стилихона, подъ вліяніемъ котораго онъ дѣйствовалъ. Клавдіанъ былъ для Стилихона органомъ выраженія его политическихъ идей.

Историки Византійскіе не представляютъ большаго знанія дѣла, иногда даже дѣлаютъ важные пропуски, но за то отличаются безпристрастіемъ и простотою изложенія. Таковы сочиненія Ксанпія, который довелъ Исторію до времени ссылки Св. Іоанна Златоуста, и Олимпіодора, который началъ свой рассказъ съ 407 года, сказавъ напередъ о прежней дѣятельности Стилихона. Они важны въ томъ отношеніи, что были современники Стилихона и, по положенію своему въ обществѣ, могли знать многое. Впрочемъ, сочиненіями ихъ я пользовался въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ въ позднѣйшее время и собранныхъ въ *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Этими Писателями пользовался Зосимъ при составленіи своей статьи о царствованіи Арка-

дія и Гонорія, которая служила для меня главнымъ источникомъ въ изложеніи отношеній Стиліхона къ Императору.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я обращался къ духовнымъ Писателямъ Оробію, Юрмиду и друг. Эти Писатели, какъ видно, по-своему понимали Стиліхона и положеніе Имперіи въ его время и, очевидно, были предубѣждены противъ него. Они были читателями Римскаго могущества и славы, и не хотѣли думать, чтобы въ варварѣ было что-нибудь доброе. Они принадлежали къ тому остатку Римлянъ, которые, не имѣя силъ преодолѣть варваровъ въ Италіи, звалили на нихъ различные пороки и преступленія.

При такихъ разнородныхъ и разногласящихъ источникахъ, и не имѣя ни одного Писателя, на котораго можно было бы опереться безъ опасенія повредить истинѣ, я не могъ при изложеніи событій близко держаться источниковъ, но долженъ былъ выбирать изъ всѣхъ только то, что согласно съ духомъ происшествій и истинною. Отсюда видна неизбежность множества цитатъ, чтобы читатель могъ тотчасъ повѣрить мои положенія, основанныя на источникахъ.

ГЛАВА II (1).

Молодость Стиліхона. — Стиліхонъ при Ктезифонскомъ Дворѣ. — Борьба Имперіи съ Готами. — Краткій очеркъ отношеній Имперіи къ Германцамъ. — Битва при Адрианополѣ и подвигъ Стиліхона въ ней. — Θεодосій Великій и его нѣры противъ Готовъ. — Стиліхонъ — начальникъ партизановъ. — Его бракъ. — Дѣйствія его на Дунаѣ. — Походъ противъ Евгенія. — Отношенія Θεодосія къ Западу. — Битва съ Евгеніемъ. — Награда Стиліхону. — Характеръ дѣятельности его при Θεодосіи.

Отецъ Стиліхона былъ происхожденіемъ Вандагъ и занималъ въ Восточной Имперіи въ царствованіе Валента одну изъ важнѣйшихъ воинскихъ должностей (2). Онъ былъ суровъ и

(1) Исторія Стиліхона до смерти Θεодосія Великаго мы заимствуемъ единственно изъ Клавдіана; ни Зосимъ, ни другіе Писатели ничего объ немъ до сего времени не сообщаютъ. Къ сожалѣнію, и сдѣлалъ, разсѣянный въ Клавдіановыхъ рѣчахъ, отрывочны и не полны.

(2) Claud. lib. I de laud. Stilich. v. 37. Это была одна изъ знатныхъ Вандальскихъ семействъ, поселившихся въ Панноніи въ царствованіе Аврелиана.

строгъ съ подчиненными, и любовь его, казалось, сосредоточивалась на единственномъ его сынѣ: онъ ничего не щадѣлъ, чтобы воспитать Стилихона по обычаямъ Римлянъ, и самъ занимался развитіемъ его тѣлесныхъ силъ. По мѣрѣ того, какъ Стилихонъ подрасталъ, отецъ все болѣе и болѣе убѣждался, что сынъ его пойдетъ далеко, и онъ не могъ нарадоваться, когда тотъ наконецъ сталъ юношею. Это было со стороны отживавшаго старика не увлеченіе его родительскаго сердца; вѣтъ: было бы совершенно справедливо думать такъ о Стилихонѣ и со стороны всякаго, руководимаго однимъ безпристрастно-холоднымъ разсужденіемъ. Съ прекрасною наружностію, соединяя напористость и глубину ума; пылокъ воображенію, столь свойственное варварскимъ народамъ, Стилихонъ еще въ самой ранней молодости привлекалъ къ себѣ вниманіе и уваженіе многихъ. Онъ былъ такъ хорошъ, что народъ сбѣгался смотрѣть на него: онъ былъ умнѣе в доводъ, рѣчь его отличалась такою силою и остроуміемъ, что его мнѣніе о томъ или другомъ предметѣ, въ томъ или другомъ случаѣ, бывало закономъ для молодежи. Впрочемъ, онъ не находилъ удовольствія въ буйныхъ ночныхъ играхъ, въ которыхъ проводила время богатые молодые люди того времени; не по сердцу прикладывалъ ему и тѣ беззаботные кружки молодыхъ людей, которые собирались въ Афинахъ слушать уроки Сократовъ и Ригорозъ, среди которыхъ и онъ, слѣдуя обычаю вѣка, жилъ нѣсколько времени; не лежала у него душа къ ліберальнѣйшимъ, и софистическимъ тонкостямъ, которыми тогдашніе Ученые образовывали юношество и которыми завершалось высшее образованіе молодого челоука; къ шумящимъ рукоплесканіямъ, которыя весьма часто оглашали аудиторіи и прерывали рѣчь наставниковъ; къ заманчивой борьбѣ партій, на которыя раздѣлялись кружки тогдашнихъ студентовъ и изъ которыхъ каждая, избравъ себѣ профессора, старалась преодолѣть остальныхъ численностію, вліяніемъ, удачливостію; наконецъ къ обѣдамъ, которые давалъ профессоръ своимъ студентамъ, доставлявшимъ ему гонорарій, и на которыхъ ученые пренія смѣнялись часто разгульными иѣвами. У Стилихона и въ эту пору его жизни шатура была настолько

крѣпка, чтобы не увлечься этимъ обольстительнымъ положеніемъ; уже въ эту пору жизни умъ его былъ настолько зрѣлымъ, чтобы увидѣть всю тщету этой жизни; способности его развились такъ скоро и были такъ хороши, что ему нужно было немного времени и труда, чтобы усвоить всю сухость и бесплодность тогдашней учености; а между тѣмъ онъ чувствовалъ потребность въ дѣятельности, къ тому же былъ честолюбивъ: ему хотѣлось какъ-нибудь выдвинуться изъ толпы. Не мудрено, что сынъ знатнаго Генерала и обладающій такими качествами вскорѣ появился при Дворѣ Валента; тамъ онъ былъ замѣченъ Императоромъ, который, вѣроятно въ награду за какой-нибудь подвигъ, вскорѣ возложилъ на него важное порученіе: не смотря на свою молодость, Стихиконъ былъ отправленъ Посломъ къ Персамъ для заключенія съ ними союза. Это было вскорѣ послѣ того, какъ кончилась неудачная для Римлянъ война съ Персидскимъ Царемъ Сапуромъ за замѣщеніе Армянскаго престола.

Прекрасный, статный молодой Римскій легатъ, прибывъ въ Ктезифонъ, очаровалъ своимъ умомъ важныхъ Персидскихъ вельможъ. Народъ изумлялся той необыкновенной физической силѣ и ловкости, которыя онъ показывалъ на охотѣ мѣсть съ придворными за дикими звѣрями; а мужественная красота его заставляла биться сильнѣе обыкновеннаго сердце не одной Персіянки (3). Сдѣлавъ столь выгодное для себя впечатлѣніе на Персовъ, Стихиконъ умѣлъ склонить въ пользу Константинопольскаго Двора многихъ вельможъ; посольство его увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ: такъ какъ при Ктезифонскомъ Дворѣ тяготались войною и желали спокойствія, то миръ былъ заключенъ скоро. Этотъ миръ тѣмъ скорѣе долженъ былъ возвысить Сти-

(3)

Stupere severi

Parthorum proceres et plebs praeterea videndi

Flagravit stadio, defixaeque hospite pulchro

Persides arcanum suspicavere calorem.

Si quando sociis tecum venantibus ibunt,

Quis Stilichone prior ferro penetrare leones

Cominus, aut longe virgatas figere tigres?

Flectenti faciles Medus tibi cessit habenas.

Torq uebas refugum Parthis mirantibus arcum. — Ibid.

лихона, чѣмъ былъ необходимѣе для Имперіи въ это время: потому что вскорѣ Римляне должны были вступить въ борьбу съ гораздо сильнѣйшимъ врагомъ, чѣмъ Персы, — съ Готами.

Это было не первое вторженіе въ области Римской Имперіи со стороны Германцевъ (4). Бореніе Рима съ ними началось уже давно; начало его не предвѣщало Германцамъ той великой будущности и высокой роли, которыя, по волѣ Провидѣнія, достались имъ въ послѣдствіи. Сначала, когда Германцы раздѣлялись на множество мелкихъ племенъ и поколѣній, вторженія ихъ въ дремучихъ лѣсахъ при-Рейнскихъ въ области Имперіи не сопровождались важными результатами ни для нихъ самихъ, ни для Римлянъ. Поднявая въ первый разъ руку на Германцевъ, Римъ видѣлъ въ нихъ только новыхъ людей, не узнавалъ приближенія новыхъ временъ и съ ними новаго порядка вещей. Римскій народъ такъ долго жилъ своею собственною, самостоятельною жизнью, у него было такъ много вѣры въ свое величіе, что не могъ онъ тотчасъ же почувствовать всю великость опасности, приходившей извнѣ, не могъ тогда же привести въ свое сознаніе мысль, что не вѣчно даже и его всемірное владычество. Такъ было до Рождества Христова. Послѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу (при Августѣ) Германцы стали смѣлѣе, и набѣги ихъ чаще и опустошительнѣе. Римъ сталъ придумывать средства къ ихъ усмиренію. Тиверій былъ первый, который, послѣ опытовъ нѣсколькихъ лѣтъ, усомнился въ прочности Римскихъ завоеваній въ Германіи. Событія не замедлили оправдать мысль Тиверія. Каждое вновь возрастающее поколѣніе приносило съ собою меньше вѣры въ силу Римскаго оружія, больше страха предъ именемъ Германцевъ. Траянъ, нѣсколько лѣтъ съ честию сторожившій Имперію отъ нападений Сѣверныхъ варваровъ, принесъ съ собою на престолъ убѣжденіе — провести постоянную границу между Римлянами и Германцами. Въ слѣдствіе его иѣръ и политики Римскаго правительства *divide et impera*, Германцы столько же разъ должны были смиряться, сколько возмущались и, слѣдовательно, не имѣли большого влія-

(4) Руковод. къ Всеобщ. Истор. Лоренца. Ч. II. Отд. I. — Судьбы Италіи. Соч. Кудрявцева. Глава I.

нія на Имперію. Съ третьяго же столѣтія по Р. Х., когда Германскій міръ вдругъ принимаетъ другой видъ; когда древнія имена описанныхъ Тацитомъ народовъ исчезаютъ, а на мѣсто ихъ образуются подъ новыми именами большія массы; когда на Сѣверѣ Германіи утвердились Саксы, а по Юго-Востоку развились Готы; когда, въ слѣдствіе нашествія этихъ народовъ, возникли Франки и Аллеманы, и когда къ тому же возродилась Персидская нація, съ этого времени отъ Эвфрата до устья Рейна воинственные народы въ видѣ большой дуги обложили Римскую Имперію и, какъ бы по данному знаку обнаживъ мечъ, вдругъ устремились на нее. Что ни придумывало Римское Правительство къ отращенію варваровъ, огромными массами вторгавшихся въ Имперію, все было напрасно. Въ началѣ второй половины IV вѣка Германцы стали уже твердою ногою въ Римскомъ мірѣ; это лучше всего видно изъ того, что множество Римскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ были Германскаго происхожденія; но ни нравы, ни образованіе ихъ не могли еще имѣть господствующаго вліянія на Римскую жизнь; напротивъ теперь, когда вдругъ цѣлыя войска ихъ съ женами и дѣтьми вторгались въ Имперію, отношеніе измѣнилось и міръ, сдѣлавшійся теперь повсюду Христіанскимъ, быстро переходитъ въ характеръ варварства. Нобему нѣтъ ничего удивительнаго, что отецъ Стихона и овъ самъ достигли значительныхъ должностей въ государствѣ. Эти нашествія варваровъ на Римскую Имперію должны были еще болѣе увеличиться, когда изъ Азии двинулись Гунны и произвели неурядица между Готами. Готская нація раздѣлялась тогда на двѣ различныя и политически отдѣльныя части. Поселившіеся со времени Авреліана въ Дакію и на Дунаѣ назывались Весть-Готами и были управляемы родоначальниками, носившими названіе судей. Готы же, поселившіеся въ восточней Россіи, къ которымъ также принадлежали Германскія племена Ругійцы, Гепиды, Герулы и Вандалы, назывались Ость-Готами и находились въ то время подъ правленіемъ Царя Германрика. Его царство простиралось отъ береговъ Балтійскаго моря до Дона и по своей обширности и могуществу было славнѣйшимъ послѣ Римскаго и Персидскаго. Но оно не выдержало напора Гунновъ и, въ слѣдствіе этого, Ость-Готе-

ское дворянство оставило страну; также и Весть-Готы уклонились отъ борьбы съ Гуннами и обратились къ Императору съ просьбою о дозволеніи поселиться на Римской землѣ. Просьба ихъ была исполнена; но вскорѣ между ними и Римскими чиновниками открылись несогласія, а потомъ дѣло дошло и до войны. Разбивъ Римлянъ на-голову при Марціанополѣ, Готы начали опустошать Фракію. Съ ними соединились другіе варвары, съ давнихъ временъ поселившіеся здѣсь, или принятые въ Римскую военную службу; также Гунны и Аланы перешли чрезъ Дунай, никѣмъ тогда не охраняемый, и пристали къ Готамъ, чтобы дѣлать съ ними добычу и опасности войны; Фракіійскіе рудокопы также возмутились и показали непріятелямъ горныя проходы. Въ продолженіе всего 377 года дѣйствія противъ Готовъ были безуспѣшны: они перешли чрезъ Гемусъ и опустошали открытую страну до самой Фессаліи. Надлежало стряпиться за существованіе государства, если скоро не будетъ положено конца распространенію ихъ опустошеній.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Стилихонъ, въ началѣ 378 года, возвратился изъ Ктезифона. Императоръ Валентъ очень былъ радъ успѣшному окончанію посольства и въ награду за это далъ Стилихону начальство надъ нѣсколькими легіонами. Присоединивъ къ главному своему войску всѣ легіоны, которые прежде находились въ Азіи, теперь уже, въ слѣдствіе мира, безопасной со стороны Персовъ, Валентъ двинулся противъ непріятелей, между тѣмъ какъ его племянникъ Граціанъ шелъ къ нему на помощь съ силами Запада. Но, увлеченный нетерпѣніемъ, Валентъ вознамѣрился рѣшить дѣло до прибытія Граціана, и 9 Августа 378 года, при Адрианополѣ, напалъ на варваровъ. Здѣсь Готы храбро встрѣтили Римлянъ и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, нанесли имъ такое страшное пораженіе, что Амміанъ сравниваетъ его съ Каннскимъ: двѣ трети войска и большая часть генераловъ остались на мѣстѣ, и самъ Императоръ погибъ. Когда все въ Римскомъ войскѣ или пало или въ безпорядкѣ бѣжало, Стилихонъ единственно личною храбростію успѣлъ сомкнуть обрѣдѣвшіе колонны своей дивизіи, съ блестящимъ успѣхомъ отбивался отъ напавшихъ

на него враговъ и благоразумнымъ отступленіемъ спастъ себя и остатокъ своихъ солдатъ.

Послѣ этой битвы побѣдители — Готы такъ усилились въ Имперіи, что она была на одинъ шагъ отъ паденія. Императоръ Граціанъ, соединившій теперь Востокъ съ Западомъ, чувствовалъ, что не сумѣетъ управиться съ варварами и вѣдѣлъ, что только человекъ съ необыкновенными способностями будетъ въ состояніи сколько-нибудь поправить дѣло, и потому въ 379 году вызвалъ ко Двору Θεодосіа, который былъ извѣстенъ, какъ отличный генералъ, а по смерти своего отца жилъ частнымъ человекомъ въ Испаніи, занимаясь управленіемъ своего наследственнаго имѣнія. Императоръ далъ ему титулъ Августа и послалъ его на Востокъ, съ тѣмъ, чтобы очистить его сперва отъ варваровъ. Для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли, Θεодосій счелъ за лучшее вести войну оборонительную, или, лучше сказать, партизанскую, т. е. нападать на непріятели тамъ, гдѣ онъ вовсе не ожидалъ, наносить ему вредъ въ небольшихъ схваткахъ и, разбивая его такимъ образомъ по частямъ, въ то же время поселять между самими варварами раздоръ. Планъ этотъ, какъ не лъзя лучше, сообразовался съ стѣсненнымъ положеніемъ Имперіи и съ характеромъ самихъ варваровъ, обыкновенно при всякомъ нападеніи дѣйствовавшихъ всѣми своими силами, и есть несомнѣвый признакъ генія Θεодосія.

Но, очевидно, такой многосложный образъ дѣйствій требовалъ для Θεодосія помощниковъ, которые, въ совершенствѣ понимая его виды, въ то же время имѣли бы способность осуществить ихъ и на дѣлѣ. Стихонъ, хорошо знакомый съ нравами и военными приѣмами варваровъ, наводнившихъ Имперію, бывший еще въ полной силѣ и въ первомъ цвѣтѣ дѣтъ, выступившій въ свѣтъ съ горячею любовію къ дѣятельности, успѣвшій своимъ посольствомъ составить себѣ репутацію искуснаго дипломата и, что важнѣе въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, отличившійся въ несчастной Адрианопольской битвѣ, — Стихонъ при своемъ честолюбіи не могъ оставаться въ то время въ неизвѣстности. Θεодосій, авизшись на Востокъ, на перваго его обратилъ свое вниманіе, и когда ближе сошелся съ этимъ

молодымъ генераломъ, душевно полюбилъ его. Начальствуя самъ надъ главною арміею, Θεодосій вѣрлялъ Стилихону небольшие отряды для нападенія въ-расплохъ на варварскіе полки (5). Стилихонъ оправдалъ мнѣніе о себѣ Императора; не изнѣженный, подобно вельможамъ своего времени, онъ явилъ неутомимую дѣятельность въ отправленіи возложеннаго на него порученія; большую часть времени проводилъ въ лагеряхъ (6), раздѣлялъ съ солдатами всѣ трудности и опасности походной жизни (7), упражнялъ ихъ военными экзерциціями. Дѣйствуя то мѣрами строгости, то снисхожденія, а больше своимъ примѣромъ, онъ скоро вводилъ въ вѣрваемые ему когортахъ дисциплину, и при этомъ умѣлъ поставить себя къ солдатамъ въ такое отношеніе, что они любили его. Слѣдуя плану войны, предначертанному Θεодосіемъ, Стилихонъ съ своими летучими легіонами не давалъ покоя Готамъ, билъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ и когда видѣлъ, что силы непріятеля далеко превосходятъ его, поспѣшно и безъ урона отступалъ; главное, что онъ имѣлъ въ виду въ этой войнѣ, — чтобы нападать на непріятеля въ-расплохъ, развлекать его силы и тѣмъ доставлять случай Императору успѣшнѣе дѣйствовать съ главною арміею. Успѣхи его были блистательны; онъ отбивалъ у Готовъ провіантъ, умѣлъ отрѣзывать другъ отъ друга отдѣльные варварскіе корпуса и изъ неоднократныхъ боевыхъ схватокъ, неизбѣжныхъ при такомъ образѣ веденія войны, всегда выходилъ побѣдителемъ (8).

Готы скоро почувствовали слѣдствія мудрыхъ распоряженій Θεодосія. По прошествіи четырехъ лѣтъ послѣ Адрианопольской битвы, вожди ихъ (по смерти Фритигерна у Готовъ не было одного, всѣми призваннаго главы) увидѣли невозможность долѣе бороться съ Римлянами, и одинъ за другимъ спѣшили заключать съ Θεодосіемъ отдѣльные договоры, такъ что въ 383 году Готы во всѣхъ мѣстахъ были приведены къ покорности и къ мирному заселенію назначенныхъ имъ областей.

(5) De laudibus. Stilich. lib. I. v. 75 et sqq.

(6) Ibid. Assiduus castris aderat, rarissimus urbi.

(7) Ibid. 122—129.

(8) De laud. Stilich. lib. I 92—99.

Весть-Готамъ отведены были мѣста во Фракіи, а Ость-Готамъ во Фригіи и Лидіи. Какъ ни много трудился самъ Θεодосій, чтобы получить этотъ желанный результатъ, но онъ сознавалъ, что Стилихонъ былъ для него во время этой войны правою рукою. Въ награду за его подвиги, Θεодосій отдалъ ему въ замужство родную свою племянницу Серену, дочь брата своего Гонорія. Этотъ бракъ еще болѣе приблизилъ Стилихова къ Θεодосію и не могъ не проложить ему дороги къ самымъ высшимъ чинамъ и должностямъ государственнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ дѣятельномъ и твердомъ Императорѣ, каковъ былъ Θεодосій, налагая на него обязанность постоянно и вѣрно служить въ пользу интересовъ своего державнаго покровителя и родственника.

Услуги Стилихова цѣнагобились скоро. Хотя Готы были усмирены и война съ ними окончилась, но были другіе варварскіе вароды, которые постоянно тревожили Римскія владѣнія то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, и совершенное усмиреніе которыхъ возможно было только подъ условіемъ совершеннаго ихъ истребленія. Конечно, этого выполнить было не лзя, еслибы даже и захотѣлъ Θεодосій, — при томъ разслабленіи, въ какомъ находилась тогда Имперія, и при томъ потоки варваровъ, который съ всеокрушающею силою устремлялся на нее; но тѣмъ не менѣе Θεодосій не могъ оставаться равнодушнымъ къ ихъ набѣгамъ на Имперію. Самъ лично онъ не могъ предпринять противъ нихъ экспедиціи: потому что, съ одной стороны, важныя дѣла призывали его на Западъ, а съ другой потому, что все его вниманіе устремлено было на главныхъ варваровъ — Готовъ, которые своимъ поселеніемъ въ Имперіи образовали первое Германское военное государство. Онъ надѣлся, что Готы въ слѣдующемъ же поколѣніи примѣнятъ свой характеръ и сольются съ Римлянами въ одну націю по духу и образованію, и, безъ сомнѣнія, для осуществленія этой надежды онъ долженъ былъ постоянно находиться внутри Имперіи или по крайней мѣрѣ недалеко отъ предѣловъ ея и бдительно наблюдать за ними, предотвращая между ними всякое волненіе. Въ этомъ случаѣ, Θεодосій нѣлъ вѣроятную нужду въ чело-вѣкѣ искусномъ въ дѣлѣ борьбы съ варварами и преданномъ ему.

Кто же могъ быть такимъ, кромѣ Стилихона? Стилихонъ былъ въ душѣ солдатъ; онъ безъ сожалѣнія оставлялъ удовольствія Двора, при которомъ, какъ супругъ молодой родственницы Императора, занималъ самое видное мѣсто, и улеталъ на поле брани. Онъ особенно былъ полезенъ Θεодосію въ томъ отношеніи, что не требовалъ отъ него много войска, а обыкновенно, получивъ отъ Императора вѣскольکو заводовъ Римскихъ солдатъ, пополнялъ этотъ небольшой отрядъ цѣлыми когортами варваровъ, имъ самими набранныхъ, и находилъ средства содержать ихъ безъ особенныхъ издержекъ для государственной казны (9); впрочемъ, главнымъ правиломъ Стилихона было имѣть при себѣ небольшое войско, но за то изъ отборныхъ молодцовъ, преданныхъ ему и готовыхъ идти съ нимъ, куда онъ ни захочетъ. Такимъ образомъ съ немногочисленною арміею онъ расположился по берегамъ Дуная, гдѣ главнымъ образомъ происходили неурядицы, и началъ громить нестройныя толпы варваровъ; гдѣ имъ показывались ихъ дружины, онъ быстрымъ натискомъ или разсѣивалъ ихъ или поставлялъ въ такое положеніе, что имъ оставалось или погибнуть или положить оружіе. Стилихонъ сталъ грозой для варваровъ и они присмирѣли (10). Онъ пробылъ тамъ до 393 года, когда событія, потрясшія Западъ Имперіи и заставившія Θεодосіа принять въ нихъ участіе, приваляли туда и его.

Это было возмущеніе Аргобастра (11). Отношенія Θεодосіа къ Западу начались вскорѣ по заключеніи договора съ Готами. Въ 383 г. Британскіе легіоны провозгласили Максима, военнаго сподвижника и соотечественника Θεодосіа, Императоромъ и немного спустя онъ утвердился въ Галліи. Граціанъ, Императоръ въ этой части Имперіи, былъ вѣроломно оставленъ всѣми, и во время своего бѣгства въ Галлію къ своему брату Валентиніану былъ убитъ солдатами Максима, посланными за нимъ въ погоню. Θεодосій, озабоченный дѣлами на Востокѣ, согласился на признаніе Максима въ санѣ Императора въ Галльской префектурѣ; но тотъ не удовольствовался этими владѣніями и, пользуясь враждою Юстинны (она держалась арианства), пра-

(9) De laudib. Stil. lib. I 116 et seq.

(10) Ibid. 83 seq.

(11) Руковод. къ Всеобщ. Ист. Лоренца.

жившей Италією и Африкою, вмѣсто малолѣтняго своего сына Валентиніана, съ Епископомъ Амвросіємъ и вооружавшему тѣмъ противъ себя Православныхъ, вознамѣрился лишить юнаго Императора принадлежащей ему части, и въ 387 году перешелъ Альпы. Θεодосій явился защитникомъ Валентиніана и съ войскомъ, составленнымъ изъ Готтовъ, Гунновъ и Аланъ, двинулся къ Аквилеѣ, гдѣ была главная квартира Максима. Война кончилась скоро. Максимъ не былъ приготовленъ къ оборонѣ и, когда его приверженцы увидѣли свою опасность, то почли за лучшее заслужить милость Θεодосія и выдали своего Императора. Солдаты, мстя за смерть Граціана, умертвили его. Чтобы предотвратить возмущенія, Θεодосій остался на Западѣ и управлялъ имъ до 391 года, когда онъ возвратился на Востокъ, оставивъ Валентиніану, достигшему теперь совершеннолѣтія, государство въ хорошемъ устройствѣ. Вскорѣ молодой Императоръ поссорился съ своимъ Министромъ Аргобастромъ. Желая освободиться изъ-подъ его зависимости, — потому что Аргобастръ захватилъ всю власть въ свои руки, — Валентиніанъ хотѣлъ дать ему отставку; но тотъ, умертвивъ его, возложилъ корону на своего прежняго секретаря, Ритора Евгенія, достигшаго, по его милости, чина *Magistri officiorum*. Θεодосій не призналъ его Императоромъ и въ 394 году вооружился. Сознавая однакожъ трудность борьбы, — потому что и Аргобастръ дѣлалъ сильныя приготовленія, — Θεодосій вызвалъ Стилихона съ береговъ Дуная и, послѣ надлежащаго приготовленія, въ Августѣ явился лицомъ къ лицу предъ мятежникомъ, занявшимъ съ Евгеніємъ твердую позицію между Альпами и Адриатическимъ моремъ. Ни одинъ писатель не опредѣляетъ степени и рода заслуги Стилихона въ происшедшей здѣсь битвѣ; но, безъ сомнѣнія, онъ занималъ трудный и важный постъ и много содѣйствовалъ побѣдѣ Θεодосія: потому что Θεодосій, соединившій послѣ этой побѣды Востокъ съ Западомъ, сдѣлалъ Стилихона главнымъ конюшимъ и главнокомандующимъ конницею и пѣхотою (*Magister utriusque militiae*) и, слѣдовательно, возвелъ его въ самый высшій чинъ (12). Вскорѣ Θεодосій умеръ и Стилихонъ является главнымъ дѣтелемъ въ Имперіи.

(12) *Laus Sereuae. 94 et seq. Zos. V, 4.*

Доселѣ Стилихонъ былъ только орудіемъ Θεодосія Великаго для выполненія его плановъ; онъ дѣлалъ все по указанію своего Императора, въ точности исполняя всѣ его предписанія. Доселѣ онъ нисколько не выѣшивался въ интриги Двора: потому что почти все время проводилъ въ лагерѣ; но тѣмъ не менѣе онъ зналъ все, что дѣлалось при Дворѣ, получая свѣдѣнія чрезъ своихъ агентовъ и въ особенности чрезъ свою супругу Серену, женщину энергическую и дальновидную (13). Ему нечего было опасаться многочисленныхъ своихъ враговъ, которыхъ онъ нажилъ себѣ быстрымъ своимъ возвышеніемъ. Расположеніе къ нему Императора и привязанность солдатъ служили ему вѣрнымъ ручательствомъ за его спокойствіе и безопасность; словомъ, до смерти Θεодосія, Стилихонъ былъ второстепеннымъ, въ своихъ дѣйствіяхъ вполнѣ зависящимъ лицомъ; славныя дѣла Θεодосія затмѣвали собою подвиги другихъ лицъ; вотъ почему современные писатели весьма мало говорятъ о дѣятельности Стилихона при жизни этого Государя. Но со смертію Θεодосія характеръ дѣятельности его измѣняется: онъ является вполнѣ самостоятельнымъ дѣтелемъ на политическомъ поприщѣ. Чтобы понять и вѣрно оцѣнить его послѣдующую дѣятельность, бросимъ краткій взглядъ на то положеніе, въ которомъ находилась тогда Имперія и, на основаніи предыдущаго изслѣдованія, покажемъ тѣ черты, которыя характеризовали тогдашнее время.

Глава III.

Положеніе Сѣверныхъ и Восточныхъ границъ въ Имперіи въ началѣ 395 года. — Характеръ отношеній между различными арміями и одной провинціи къ другой и въ особенности Востока къ Западу. — Усиленіе варварскаго элемента въ Имперіи. — Нравы. — Распоряженія и смерть Θεодосія. — Планъ Стилихона въ отношеніи къ Востоку. — Серена. — Оппозиція противъ него въ Римѣ. — Походъ противъ варваровъ.

Положеніе Имперіи въ началѣ 395 года, не взирая на всѣ мѣры и усилія, которые предпринималъ Θεодосій къ его улучшенію, было крайне затруднительно. Хотя варвары постоянно

(13) Ibid. 230 et seq.

были поражаемы то ямъ сивимъ, то Стилхонемъ; но сила ихъ не была сокрушена. Они были слабы потому, что были раздвинены между собою въ сѣвастіе политики Римскаго правительства; но кто могъ поручиться, что они никогда не соединятся въ одну массу и не будутъ тревожить Имперію? Притомъ же все вниманіе Θεодосіа было устремлено преимущественно на пограничныя варварскія дружины, жившія по Дунаю и вершинѣмъ Рейна. Но въ глубинѣ Сѣвера и на отдаленномъ Востокѣ лежали новые слои варварскихъ народностей (14), которыя, будучи оставлены безъ вниманія правительствомъ въ тяжелое время Имперіи, жили по всей своей волѣ и все съ большою и большою силою напирала на государство, подвигаясь все ближе и ближе къ его центру.

А что было внутри Имперіи? Тамъ въ то время, какъ она съ отчаяннымъ усиліемъ отбивалась отъ внѣшнихъ враговъ и видѣла вновь грядущія опасности отънѣ, происходило разложение безпримѣрное. Тамъ войско совершенно отдѣлилось отъ народа и не жило съ нимъ одною мыслію; даже легіоны не хотѣли имѣть ничего общаго между собою, такъ что каждая армія, — Британская, Германская, Испанская, желала себѣ полной самостоятельности и подчиненія своей власти цѣлаго народа. Мы видѣли, какъ войско самовольно провозгласило Императоромъ Максима, какъ солдаты умертвили Граціана и потомъ Максима. Эти факты, кажется, достаточно оправдываютъ нашу мысль. Впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ мы не замедлимъ объяснить это дѣло подробнѣе. Нисколько не благоприятнѣе для Имперіи смотрѣли другъ на друга и различныя ея провинціи. Въ это время во всѣхъ покоренныхъ Римскимъ оружіемъ странахъ созрѣвала мысль, что приходитъ конецъ Римскому владычеству, являлось желаніе самостоятельной жизни, всѣ зависимости отъ Рима. Особенно это замѣчалось на Востокѣ, который, какъ мы увидимъ, явно стремился отдѣлиться отъ Запада и идти своею, особою дорогою.

Не мудрено, впрочемъ, что между войскомъ и народомъ было такое разединеніе. Единство жизни и дѣйствій въ различ-

(14) De laud. Stilich. lib. I. 129 sqq.

ныхъ арміяхъ какого бы то ни было Государства, единство всего войска съ народомъ можетъ быть только тогда, когда чувство народности съ одинаковою силою проникаетъ и захватываетъ, такъ сказать, всё сословія въ Государствѣ. А могло ли это быть, могло ли не истощиться въ ридяхъ Римскаго войска это чувство, когда обѣ арміи—и Восточная и Западная, на которыя главнымъ образомъ теперь было раздѣлено все войско, были, какъ уже намъ извѣстно, наполнены варварами; когда высшія должности, и военныя, и гражданскія, и придворныя, были заняты варварами? Варварскій элементъ долженъ былъ еще болѣе усилиться съ поселеніемъ внутри Имперіи Гатевъ и нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ дружинъ (15). Онъ, вопреки ожиданіямъ Θεодосія Великаго, не слился съ Римлянами; но, удержавъ всё свои національныя особенности, сдѣлался господствующимъ въ Имперіи. Всѣ важнѣйшія дѣла въ Имперіи рѣшали варвары. Противъ Максима воевали варвары, битву съ Евгениемъ рѣшили варвары; Стилихонъ начальствовалъ также надъ ними въ походахъ противъ варваровъ. Остатокъ чистыхъ Римлянъ былъ слабъ, даже ничтоженъ въ сравненіи съ варварскимъ элементомъ; вся его реакція противъ варваровъ ограничивалась цокуда одними тайнѣ составляемыми и безплодными замыслами и общеніемъ варваровъ въ нечѣжестѣ и развратѣ. Такимъ образомъ Римская Имперія въ это время было Варварскою Римскаго Имперіею; изъ Римскаго оставался только механизмъ государственнаго устройства, одѣвъ формы управленія Имперіею, въ которыхъ

(15) Claud. De laud. Stil. lib. I. Прославляя Стилихона, Поэтъ удивляется, какъ онъ могъ управлять Государствомъ, гдѣ было столько различныхъ націй и войскъ:

Nil inter geminas acies, seu libera frenis
 Ausa manus certe. Nec tantis dissona linguis
 Turba, nec armorum cultu diversior unquam
 Confluxit populus. Totam Pater undique secum
 Moverat auroam. Mistis hic Colchus Jbiris
 Hic mitra velatus Arabs, hic crine decoro
 Armenius, hic pictis aces, fucataque Medus,
 Hic gemmata niger tentoria fixerat Judus,
 Hic Rhodani procera cohors, hic miles alumnus
 Oceani и проч.

выражались обязанности различных должностных лиц и проявлялись отношенія разных провинцій, сословій и чиновъ между собою и къ Императорской власти; лица же, двигавшія механизмъ, управлявшія тою или другою частію Имперіи, тою или другою частію служебной дѣятельности, вожди, Министры, Префекты, все это и остальное было варварское. Имперія была похожа на варвара, одѣтаго въ Римскую тогу.

Если варвары занимали высшія должности въ государствѣ, если сами Римляне вели развратную жизнь, то понятно, что безкорыстнаго служенія на пользу Имперіи ожидать отъ чиновниковъ было трудно. Варваръ, получавшій какое-нибудь мѣсто, видѣлъ въ немъ средство къ удовлетворенію своего честолюбія и нисколько не помышлялъ о пользѣ общей; все его стараніе клонилось къ тому, чтобы казаться Римляниномъ. Римлянинъ савонникъ не лучше смотрѣлъ на вѣтряную ему должность: потому что ему требовалось очень много денегъ, чтобы покрыть издержки пышной жизни. Естественнымъ слѣдствіемъ такого взгляда на государственную службу было то, что всякой старался получить подоходнѣе мѣстечко: развился обычай покупать должности (16). Купившій себѣ извѣстное мѣсто обыкновенно заботился вознаградить себя за издержки, понесенныя имъ при полученіи его. И это дѣлалось, разумѣется, на счетъ мѣста. Народъ страдалъ отъ лихоимства Префектовъ; расплодилось ужасное количество нищихъ; земледѣліе упало. Къ этому присоединились всеобщій развратъ; всѣ роды и степени пороковъ шли мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Всѣ эти общія положенія, при послѣдующемъ нашемъ изложеніи, оправдаются частными случаями, и мы ихъ приводимъ теперь для того, чтобы, повторимъ, съ надлежащей точки зрѣнія смотрѣть на личность Стилихона, которому суждено было жить въ историческомъ дѣятели въ это мрачное время.

(16) Всѣ Писатели единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. До какой степени распространился въ то время этотъ обычай, всего яснѣе видно изъ показанія Зосима. Говоря о Стилихонѣ, онъ приводитъ въ доказательство его добросовѣстности то, что онъ не продавалъ должностей, между тѣмъ какъ это было обыкновеннымъ дѣломъ. Zos. lib. V, c. 34.

Въ такомъ жалкомъ состояніи находилась Имперія въ началѣ 395 года, когда Императоръ Θεодосій лежалъ на одрѣ болѣзни, быстро идя къ могилѣ. У него оставались два сына: 18-лѣтній Аркадій и Гонорій одинацати лѣтъ. Оба сына Императора и отъ природы не имѣли хорошихъ способностей, а данное имъ воспитаніе нисколько не содѣйствовало къ исправленію врожденныхъ недостатковъ. Θεодосій понималъ, что его дѣти будутъ плохими правителями. Сознаніе неспособности дѣтей управлять цѣлою Имперією, и издавна утвердившаяся мысль, что только тогда будетъ поддерживаться благосостояніе Имперіи, когда власть раздѣлится между нѣсколькими лицами, заставили умирающаго раздѣлить Монархію между обоими сыновьями, Аркадій получилъ себѣ въ удѣлъ Востокъ, а Гонорій долженъ былъ управлять Западомъ; до совершеннолѣтія же его правленіе должно было находиться въ рукахъ Стилихона. Зосимъ (17), Клавдіанъ (18), Олимпіодоръ (19) говорятъ, что Стилихонъ получалъ опеку надъ обоими сыновьями и власть въ обѣихъ частяхъ Имперіи; но, безъ сомнѣнія, это не вѣрно: потому что странно предположить, чтобы Императоръ отдалъ подъ опеку и совершеннолѣтняго своего сына, и въ этомъ случаѣ свидѣтельства Евнапія (20), Оровія (21) и Іорнава (22), утверждающихъ противное, т. е. что Стилихонъ сдѣланъ опекуномъ одного Гонорія, кажутся намъ гораздо основательнѣйшими. Впрочемъ, изъ всѣхъ этихъ разногласящихъ показаній основательно можно вывести слѣдующее: за нѣсколько недѣль до своей смерти, Θεодосій призываетъ къ себѣ Стилихона; «вотъ — говоритъ онъ — я умираю и оставляю двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ слишкомъ молодъ, а другой слабъ и тѣломъ и духомъ; пекись о воспитаніи Гонорія и правь во время его малолѣтства Западомъ; но не упускай изъ вниманія о Востока и, если его постигнетъ какая-нибудь

(17) Zos. lib. V, c. 34.

(18) Claud. De laud. Stil. lib. II. Клавдіанъ во многихъ мѣстахъ подтверждаетъ эту мысль.

(19) Corpus Script. Hist. Byzantinae. Pars I, p. 448.

(20) Ibid. p. 112.

(21) На послѣднихъ страницахъ его Исторіи.

(22) De Regn. success. 121.

опасность, или на помощь къ Аркадію. (23). Этотъ нашъ выводъ изъ свидѣтельствъ всѣхъ Писателей вообще и Клавдіана въ особенности исполнѣнъ имѣетъ историческую достовѣрность: потому что, раздѣляя Имперію на двѣ части, Θεодосій вовсе не оставлялъ мысли, что Востокъ и Западъ должны составлять одно политическое цѣлое, и эта мысль продолжала дѣйствовать долго еще въ Средніе вѣка (24). Раздѣленіе, сдѣланное Θεодосіемъ, было не что иное, какъ слѣдствіе давно утвердившагося хода событій обычая, и какъ мѣра (о чемъ мы уже упоминали) къ лучшему управленію Имперію.

Стилихонъ однакожь думалъ объ этомъ совершенно иначе. Онъ не принималъ въ расчетъ хода событій въ Имперіи, слѣдствіемъ котораго, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, необходимо должно быть, рано или поздно, это раздѣленіе и полагалъ, что Монархія Римская только тогда можетъ держаться противъ варваровъ, когда различныя ея части будутъ находиться подъ влѣстію одного, когда этотъ одинъ будетъ двигать всею массою силъ ея (25). Исходя изъ этой мысли и, безъ сомнѣнія, много побуждаемый къ тому честолюбіемъ, Стилихонъ тотчасъ же послѣ смерти Императора (17 Января) вознамѣрился захватить власть въ обѣихъ Имперіяхъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать на варваровъ и продолжать въ отношеніи къ нимъ начатое Θεодосіемъ, т. е. слитіе ихъ въ одинъ народъ съ Римлянами. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли онъ считалъ необходимымъ напередъ привлечь на свою сторону обѣ арміи, и Западную и Восточную, стоявшія тогда въ Италіи, и вдохнуть въ обитателей Государства мысль о славѣ Рима и объ исключительномъ правѣ его на господство надъ всѣми землями, входящими въ составъ

(23) De IV cons. Novog. v. 433.

(24) Ручов. къ Всеобщ. Ист. Лоренца. II-й части отд. I, стр. 186.

(25) Этотъ взглядъ Стилихона, обличающій въ немъ, съ одной стороны, необыкновенную гордость души, которая хочетъ подчинити своей волѣ духъ народа и времени, управлять имъ по своему произволу и дать другое направленіе событіямъ, а съ другой — великій умъ правителя, можно найти въ вѣсколькихъ мѣстахъ у Клавдіана: премушественно онъ изложенъ въ рѣчи Стилихона, произнесенной солдатамъ предъ битвою около Поллеаніи. De bello getico. 565—568. In Eutrop. lib. 393—400.

Имперіи. Съ этою плѣю Стилихонъ отправился въ Италію вскорѣ послѣ того, какъ получилъ наставленіе отъ умирающаго Теодосія, какимъ образомъ управлять государствомъ, и далъ ему клятву въ вѣчной и неизмѣнной вѣрности его фамиліи. Онъ такъ умно распорядился, что когда пришла туда вѣсть о смерти Императора, обѣ арміи были на его сторонѣ и казались преданными ему всею душою, на Востокъ же были отосланы только инвазіи и ни къ чему неспособные солдаты. Немедленно послѣ того Стилихонъ отправился въ Римъ — этотъ вѣчный городъ, уже низшедшій-было на степень провинціального города: потому что Императоры со времени Діоклитіана и особенно Константина Великаго являлись пребываніе большею частію въ другихъ городахъ, особенно въ Миланѣ. Римъ, по мысли Стилихона, сдѣланъ былъ снова резиденціею Императора и средоточнымъ пунктомъ Имперіи, снова получилъ прежній блескъ и старинное значеніе Консульства, Сената и другихъ древнѣйшихъ учрежденій (26), которыя пали-было совершенно, продолжая существовать только по имени. Если не по сущности дѣла, то по крайней мѣрѣ по наружности все это должно было болѣе или менѣе сильно дѣйствовать на современниковъ и показывать имъ, что время паденія Рима еще не пришло, что онъ еще хочетъ управлять дѣлами міра, и что Востокъ еще долженъ покорствоваться предъ Западомъ.

Въ то самое время, какъ самъ Стилихонъ такимъ образомъ на Западѣ начиналъ свою самостоятельную дѣятельность, на Востокѣ онъ имѣлъ помощниковъ, которые должны были дѣйствовать согласно съ его намѣреніями. Въ этомъ отношеніи особенно для него полезною является супруга его Серена. Эта женщина была вѣрною и постоянною спутницею какъ домашней, такъ и политической жизни своего супруга; поэтому я считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь отступленіе и сказать о прежней судьбѣ ея (27). Серена родилась въ Испаніи; лишившись отца еще въ дѣтствѣ, она была принята Теодосіемъ вмѣстѣ съ своею сестрою Германдіею и воспитана имъ, какъ собственная его

(26) Эти распоряженія Стилихона отрывочно изложены у Кассіана въ его книгахъ *De laudibus Stilichonis*.

(27) *Claud. Laus Serenae*.

дочь. Когда Θεодосій получилъ Восточный престолъ, то взялъ и Серену ко Двору. Тамъ она пользовалась неограниченною любовію и довѣренностію своего великаго дяди. Въ часы печали и внутренняго душевнаго волненія, вѣрѣдко выпадавшіе въ жизни Великаго Θεодосія, когда не смѣли приблизиться къ нему ни жена, ни дѣти, одна Серена входила къ нему, сохраняя величавое спокойствіе на прекрасномъ лицѣ, и своею рѣчью, полною жизни, какой-то особенной прелести и любви къ своему благодѣтелю, умѣла возстановить миръ и тишину въ его душѣ. Чтеніе Гомера и Виргилія, и вообще образованіе въ школахъ Θεодосія, который часто повѣрялъ ей свои тайны и разсуждалъ съ нею о политическихъ дѣлахъ, развили въ ней положительное и серьезное направленіе, ставили ее далеко выше ея возраста и пола и возбуждали въ современникахъ справедливое удивленіе къ ея какъ душевнымъ, такъ и тѣлеснымъ качествамъ. Соединяя съ умомъ ядратымъ, точнымъ рѣдкую въ то время чистоту нравовъ, она мало принимала участія въ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ Двора. Здѣсь она впервые увидѣла Стихихона и въ немъ нашла составленный ею идеалъ мужичины и полюбила его не пылкою, изступленною любовію Испанки, но спокойною и вѣстѣ съ тѣмъ незыблемою привязанностію, которая свойственна только положительно-энергической думѣ. Сдѣлавшись его женою, Серена главною цѣлію своей жизни поставила себѣ благо своего супруга и сосредоточила всѣ свои заботы на своемъ семействѣ. Рѣдкая жена была такъ привязана къ интересамъ своего мужа и при этомъ рѣдка такъ хорошо понимала ихъ, какъ Серена. Обладая умомъ дальновиднымъ, она въ отсутствіе Стихихона съ необыкновенною неутомимостію и постоянствомъ слѣдила за ходомъ дѣлъ въ Имперіи; разгадывала, къ чему клонились интриги придворныхъ и замыслы враговъ Стихихона и обо всемъ доводила до его свѣдѣнія. Отъѣзжая въ Италію, Стихихонъ поручалъ ей строго наблюдать за всѣми дѣлами при Дворѣ и за различными смутами, необходимо слѣдующими за кончиною Государя. Она должна была главнымъ образомъ овладѣть особою Гонорія (28) и не допускать ни чьего на него вліянія, послѣ чего немедленно должна была отправиться на Западъ и ѣхать въ Римъ.

(28) De VI consulatu Honorii. 90 et seqq.

Серена привезла Стилихону съ Востока неслашкомъ благопріятныя для его плановъ вѣсти: то, что по смерти Θεодосіа произошло въ Константинополѣ, рѣшительно противодѣйствовало его замысламъ относительно Востока, и ничего не общало ему, кромѣ трудной борьбы. Впрочемъ, ниѣя въ своемъ распоряженіи обѣ арміи, Стилихонъ не страшился этой борьбы и, безъ сомнѣнія, тотчасъ же сталъ бы приводить въ исполненіе свой планъ, есѣябы важныя дѣла на Западѣ не требовали тамъ его присутствія и рѣшительныхъ съ его стороны мѣръ. Стилихону прежде, чѣмъ онъ могъ сдѣлать что-нибудь изъ Восточнаго своего проекта, предстояло выдержать борьбу внутри Имперіи Западной и съ нѣкоторыми Германскими племенами, жившими во Рейну. Тѣмъ бѣольшая опасность угрожала вліянію Стилихона, что враги какъ внѣшніе, такъ и внутренніе поднимали свои головы въ одно время (29). Италіянская аристократія, не имѣвшая никакой силы при Θεодосіи и не могшая, какъ мы видѣли, воспретятствовать повсюдному развитію варварскаго элемента, со смертію Императора пробудилась и задумала показать свою силу. Хотя распоряженія Стилихона и льстили Римской гордости; но Римляне досадовали, что виновникъ этихъ распоряженій варваръ, а съ другой стороны видѣли, что имъ отъ этихъ измѣненій нисколько не лучше: потому что они были только на словахъ, а нисколько не на дѣлѣ, и власть осталась въ рукахъ варвара. Многія знатныя и богатыя фамиліи повели интриги, явно клонившіяся къ низверженію Стилихона, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію его власти; къ нимъ присоединились и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ варваровъ, желавшихъ или завладѣть во время малолѣтства Государя властію вмѣсто Стилихона, или не имѣть за своими дѣйствіями на службѣ строгаго надзора Министра. Придворные чиновники, Префекты провинцій и другіе должностныя лица, почти всѣ хотѣли утвердить свое значеніе въ Государствѣ, и отстранить Стилихона, поживиться на счетъ Имперіи. Они рассчитывали, что, въ отсутствіе Министра, который долженъ былъ идти противъ варваровъ, не трудно будетъ захватить власть въ свои руки.

(29) Claud. in Ruf. lib. II. Eusebii Corp. Script. hist. Byzant. Pars I. Zosom. lib. V, c. I.

Но на дѣлѣ вышло, что они жестоко обманулись, и какъ видно, плохо знали опекуна Императора. Какъ ни ничтожна была эта оппозиція противъ Стилихона въ сравненіи съ его талантами, но она могла имѣть худыя послѣдствія для него, если бы онъ оставилъ ее безъ вниманія. Стилихонъ очень хорошо понималъ, что при ужасномъ эгоизмѣ, при непомерной алчности богатства—всеобщихъ и господствовавшихъ тогда порокахъ, при ненависти Римлянъ къ варварамъ, нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и всѣми мѣрами скорѣе отдѣлаться отъ враговъ; онъ зналъ, что всѣ вѣрныя его управленію и начальству войска, въ которыхъ онъ главнымъ образомъ полагалъ и на которыхъ основывалъ свое могущество, — войска, при всей привязанности своей къ нему, могутъ склониться на сторону его враговъ, если многіе изъ сихъ послѣднихъ не пожалѣютъ своихъ огромныхъ доходовъ на ихъ угощеніе (30). Дѣйствуя быстро, Стилихонъ въ короткое время истребилъ внутреннихъ своихъ враговъ то рукою палача, то темницею, то ссылкой. Впрочемъ, погибли немногіе главные виновники оппозиціи. Стилихонъ не хотѣлъ проливать крови, а главное — онъ имѣлъ въ виду лишь обезсилить своихъ враговъ, лишить ихъ средствъ дѣйствовать противъ себя (31); для того онъ лишалъ ихъ имуществъ, которые переходили по обыкновенію въ казну, находившуюся въ его распоряженіи, и тѣмъ усиливала его средства. Конечно, многіе и недумавшіе воставать противъ правителя пострадали (32); но все одинъ человѣкъ на мѣстѣ Стилихона не сдѣлалъ бы лучше, коль скоро хотѣлъ утвердиться въ званіи Перваго Министра. Какъ бы то ни было, только Стилихонъ достигъ до того, что чрезъ мѣсяца полтора всѣ были покорными его слугами и онъ спокойно могъ предпринять походъ противъ возмущившихся варваровъ (33).

Сдерживаемые въ границахъ покорности оружіемъ и мѣрами *Θαλασσία*, варварскіе народы въ Германіи и на Рейнѣ и

(30) *Zos. lib. V, c. 1.*

(31) Евсепій такъ говоритъ объ этомъ распоряженіи Стилихона: *Ὁ δὲ Στελῆχων οὐκ ἐφάνευσε τοὺς ἀνθρώπους, ἀλλὰ τῇ ἀισχυρῶς ἡγάγετο πάντα ἀφαιρούμενος, καὶ πρὸς τὸ βαρύναντον, ὡς φησι Μένανδρος, τὴν πενίαν θύρον καὶ... λέγων καὶ συστέλλων.*

(32) *Zos. lib. V, 1.*

(33) *Claud. De laud. Stil. lib. 1.*

вообще облегаемые Сѣверъ Западной Имперіи, съ извѣстнаго о смерти Императора вдругъ изволновались. Явленіе, конечно, не новое для Имперіи; но, въ тогдашнемъ ея состояніи, это само по себѣ незначительное волненіе, могло имѣть гибельныя послѣдствія для Рима и чрезвычайно неблагоприятныя для Восточнаго проекта Стилихона: ибо оно могло служить сигналомъ къ возстанію и для другихъ варваровъ, въ разныхъ областяхъ Имперіи обитавшихъ и къ разнымъ границамъ прилегавшихъ, и потому требовало отъ Римскаго правительства рѣшительныхъ дѣйствій, по крайній мѣрѣ Стилихонъ считалъ это дѣломъ не первой важности. Это было вскорѣ послѣ Смерти Θεодосіа, въ Февралѣ мѣсяцѣ. Стилихонъ, не заирая на холодъ и непогоду, быстро двинулся къ Сѣвернымъ предѣламъ и такъ перепугалъ варваровъ, не ожидавшихъ такого быстрого движенія Римскаго полководца въ земли Германіи, что нѣкоторые изъ нихъ, не вступая въ битву, убѣжали въ горы и лѣса, а другіе, будучи окружены имъ, положили оружіе и сдарились. Съ началомъ весны положеніе дѣлъ въ Западной Имперіи было такъ хорошо и благоприятно для Стилихона, что онъ считалъ это время весьма удобнымъ къ выполненію своихъ замысловъ относительно Востока. Но какъ тамъ новое явленіе, еще мало замѣчаемое Западомъ, а между тѣмъ давно совершавшееся — именно *сознаніе возможности и необходимости самостоятельнаго политическаго существованія, отвѣстности отъ Запада*, теперь пришло къ концу и совершенно уяснилось, то открывается замѣчательная и любопытная для Исторіи борьба между Востокомъ и Западомъ, которая должна была рѣшить вопросъ: останутся ли соединенными между собою Востокъ и Западъ. Тамъ какъ въ этой борьбѣ къ общему интересу приившался частный тѣхъ, которые стояли во главѣ враждебныхъ сторонъ: то она принимаетъ характеръ отчаяннаго жемлоубоя, допускающаго всѣ возможныя средства, лишь бы только обезсилить противника.

ГЛАВА IV.

Отношенія между Востокомъ и Западомъ до Стилихона. — Руфимъ. — Его характеръ и образъ дѣйствій въ Государствѣ и личнымъ его отношеніямъ къ

Стилихону. — Руфина признается верховным в Имперіи. — Движеніе изъ Альпанъ. — Пораженіе ихъ Стилихономъ. — Аудіенція Руфина съ Императоромъ. — Зоговоръ Стилихона противъ Руфина. — Смерть Руфина.

Отношенія Рима къ Востоку всегда были таковы, что они ничего не имѣли общаго между собою. Покоренный владычеству Рима частію оружіемъ, частію политикою Римскаго правительства, Востокъ удержалъ за собою и свой родной языкъ, и свои обычаи, и всѣ особенности, отдѣлявшія его отъ Запада, признавая надъ собою только верховную власть сперва Ресублики Римской, а потомъ Императора. Римъ не произвелъ на него огромнаго, радикальнаго вліянія, какового бы можно было ожидать отъ его могущества, напротивъ самъ подпалъ его вліянію. Римская молодежь хотѣла учиться такъ, какъ учатся въ Греціи. Сперва дѣти знатнѣйшихъ Римлянъ, а потомъ за ними и весь народъ спѣшили выучиться Греческому языку, нанять себѣ учителя Грека и толпами отправлялись въ Аѳины слушать уроки Греческихъ риторомъ и софистомъ. Повѣстно, что вмѣстѣ съ образованіемъ съ Востока переходили въ Римъ и многіе обычаи и условія жизни частной. Такимъ образомъ совершенно оправдывалось на дѣлѣ то, что сказалъ еще Гораций: *Graecia sarta ferunt victorem cepit* (34). Повсемѣстное сознаніе такого огромнаго нравственнаго вліянія, какое произвелъ Востокъ на Римъ и на Италію, со-временемъ не могло не пробудить тамъ желанія независимости и политической жизни. Это желаніе начало выказываться съ конца втораго вѣка, когда войско опять получило такое значеніе, что по своему произволу, кого хотѣло, выбирало въ Императоры, если являлось вѣсколько претендентовъ на престолъ. Каждый почти, желавшій быть Императоромъ, но встрѣчавшій сильнаго соперника въ лицѣ другаго Императора, искалъ и находилъ себѣ убѣжище и подкрѣпленіе на Востокѣ: такъ Песценній Нигеръ держался тамъ противъ Септимія Севера; замѣчательно, что когда Нигеръ погибъ въ неравной борьбѣ, Византія съ безпримѣрнымъ упорствомъ защищалась (196 г.) противъ побѣдителя его.

(34, Claud. De laud. Stil. lib. II, ep. I, v. 186.

Конечно, это были только проблески стремления Востока къ независимости, но событія на Западѣ не замедлили раздуть эти искры. Поражаемая отвѣтъ Германцами, раздражаемая внутри деспотизмомъ войска в честолюбіемъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, искавшихъ престола, и отсюда междоусобными войнами, истощенная голодомъ и моровою язвою, Имперія къ концу третьяго столѣтія заключала въ себѣ всѣ признаки распаденія на свои составныя части. Чтобы воспрепятствовать этому, Діоклетіанъ нашелся вынужденнымъ раздѣлить Императорскую власть между нѣсколькими лицами. Но этимъ раздѣленіемъ Римъ самъ, тамъ сказать, поднималъ крылья Востоку, имъ покоренному, и самъ вдыхалъ въ него сознание собственныхъ силъ: потому что въ этомъ раздѣленіи выигралъ болѣе всѣхъ Востокъ, а проигралъ Римъ. Глава Имперіи жилъ на Востокѣ и управлялъ имъ,—чѣмъ, конечно, не замѣчая, можетъ быть, того, выражалъ предпочтеніе его предъ Римомъ, потерявшимъ теперь свое прежнее значеніе средоточія Имперіи.

Не изнуренный въ такой степени, какъ Западъ, борьбою съ варварами, заключавшей въ своемъ составѣ гораздо болѣе единства, Востокъ окончательно созналъ свои силы, и, когда Христіанство одержало и правило тамъ свою побѣду надъ язычествомъ, онъ смѣло сталъ смотрѣть въ глаза Западу, какъ равный равному. Въ время войнъ Императоровъ Восточныхъ съ Западными Востокъ является какъ бы самостоятельною державою, и замѣчательно, что каждый Императоръ, оставшійся побѣдителемъ въ междоусобной войнѣ, тамъ смѣшалъ утвердить свою реваншцію. Вообще во весь періодъ времени отъ Діоклетіана до Θεодосія Великаго, — періодъ кровопролитныхъ войнъ, страшныхъ ударовъ, наносимыхъ Имперіи варварами, Востокъ опять выигралъ болѣе, нежели всѣ другія части Государства. Изъ вышепредставленнаго много очерка отношеній Θεодосія Великаго къ Западу, когда онъ былъ Восточнымъ Императоромъ, не лзя не видѣть, что Востокъ въ отношеніи къ Западу являлся какимъ-то посредникомъ, судіею; и обстоятельство, что самъ Θεодосій жилъ на Востокѣ и старшему своему сыну далъ Востокъ, тогда какъ младшій получилъ себѣ въ удѣлъ Западъ, не могло не способствовать къ рѣшительному

утвержденіе тамъ чувства собственного политическаго достоинства и независимости отъ Римскаго вліянія (35).

Не удивительно послѣ этого, что Константинопольскій Дворъ не обнаружилъ ни малѣйшаго сочувствія къ замысламъ Стихихона относительно Востока. Хотя онъ не имѣлъ средствъ противиться Стихихону, но все-же не призналъ его притязаній справедливыми, и въ Константинополѣ всѣ были въ какомъ-то напряженномъ состояніи, не зная, что дѣлать въ этомъ случаѣ. Но болѣе всѣхъ намѣренія Стихихона встревожили Руфина, который успѣлъ утвердиться при Восточномъ Дворѣ въ качествѣ Перваго Министра. Этотъ человекъ, первый установившій политику Восточнаго Двора въ отношеніи къ Западу, — политику, началомъ которой было — не имѣть ничего общаго съ Италіею; родился въ Галліи; отецъ его владѣлъ тамъ богатыми помѣстьями (36). Слѣдующій непотѣрнымъ честолюбіемъ, а еще болѣе корыстолюбіемъ и властолюбіемъ, Руфинъ рѣшился оставить свою родину, гдѣ жилъ въ совершенной неизвѣстности, и искать счастья въ Константинополѣ. Это было въ царствованіе Императора Валента, когда Имперію громилъ варвары и когда, слѣдовательно, она находилась въ самомъ стѣсненномъ состояніи и когда, думая, онъ, всего скорѣе можно добиться виднаго мѣста въ Государствѣ. Соединяя съ привлекательною наружностію умъ хитрый, пронырливый, коварство величайшее, Руфинъ, посредствомъ своихъ происковъ, успѣлъ свести знакомство съ нѣкоторыми придворными и умѣлъ поправить ихъ; онъ не щадилъ для нихъ своихъ денегъ, за то они доставали ему мѣсто при Дворѣ и наконецъ такъ приближали къ Императору Валенту, что онъ оказывалъ ему особую довѣренность, и когда Восточный престолъ занялъ Θεодосій, онъ игралъ при Дворѣ не послѣднюю роль и имѣлъ у себя очень много кліентовъ. Тутъ онъ столкнулся съ Стихихономъ и возненавидѣлъ его со всею силою зависти и злобы

(35) Claud. In Rufinum lib. II. Zos. lib. V. Euphras. Claud. De laud. Stil. I II. In Ruf. lib. I.

(36) Слѣдствія о жизни Руфина, столь замѣчательнаго въ исторіи Восточной политики, которыхъ я считаю умѣстными и даже необходимыми, помѣстить въ своемъ трудѣ (потому что онъ имѣетъ глѣбѣйшую связь съ Стихихономъ), сообщаются Кладіаномъ во 1-й и 2-й его книгахъ о Руфинѣ.

души. Для такого честолюбиваго человека, каковъ былъ Руфинъ, дѣйствительно быстрое возвышеніе Стилихона, а потому родство его съ Императоромъ было крайне непріятно и, какъ любимецъ Θεодосія не старался быть съ нимъ слишкомъ вѣжливымъ и нерѣдко изобличалъ нѣкоторыя изъ его темныхъ дѣлъ, то это послужило для него сигналомъ къ началу враждебныхъ дѣйствій противъ родственника Императора. Впрочемъ, Стилихонъ былъ такъ силенъ и благосклонностію Императора, и собственными средствами, что при его жизни онъ всегда могъ бороться съ этимъ честолюбцемъ, безъ всякаго опасенія пасть или даже ослабнуть въ этой борьбѣ. Но тѣмъ не менѣе Руфинъ не упускалъ ни одного случая, чтобы помѣшать успѣхамъ Стилихона какъ въ его походной жизни, такъ и при Дворѣ, и если его интриги въ этомъ отношеніи оставались безуспѣшны, за то онъ подвѣги своего врага представлялъ въ такомъ видѣ, что они въ глазахъ простаковъ не имѣли никакого или по крайней мѣрѣ большаго значенія. Чувствуя превосходство своихъ силъ и значенія при Дворѣ и въ Государствѣ, Стилихонъ мало обращалъ вниманія на всѣ его интриги; но тѣмъ не менѣе питалъ къ нему непримиримую ненависть и вражду. Вражда эта получила болѣе основанія, когда Руфинъ, по смерти Θεодосія, при помощи своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, успѣлъ получить при Восточномъ Дворѣ мѣсто Перваго Министра (37), не смотря на всѣ успѣха Стилихона и въ особенности Серены воспрепятствовать этому, сталъ по своему произволу управлять Государствомъ отъ имени слабоумнаго Ариадія и, что наконецъ всего важнѣе, желая отдалить Западнаго Министра отъ вѣдѣтельности въ дѣла Востока, всѣми силами началъ стараться поставить оба Двора въ недружелюбныя отношенія. Политика Руфина, очевидно, имѣла цѣлію единственно упрочить личное свое значеніе и могущество въ Государствѣ, и потому вскорѣ, по-видимому, должна была измѣниться; но какъ она вполне согласовалась съ направленіемъ умовъ на Востокъ, желавшихъ, какъ уже извѣстно, отдѣлиться отъ Запада, то она послужила началомъ и для даль-

(37) Руфинъ прежде, нежели сталъ во главѣ управленія Востокомъ, имѣлъ чинъ *Magistri officiorum*.

нѣйшихъ непріязненныхъ отношеній Востока къ Западной части Имперіи. Во всякомъ случаѣ, она противорѣчила какъ личнымъ интересамъ Стилихона, нежелаваго уступить мѣсто Перваго Министра при Восточномъ Дворѣ кому бы то ни было, тѣмъ болѣе своему врагу, такъ и еще болѣе государственными его предначертаніямъ: поэтому онъ твердо рѣшился низринуть своего врага, думая, что съ паденіемъ главы министерства, нерасположеніе прочихъ сановниковъ къ нему и Западу не представитъ для него большихъ затрудненій въ исполненіи Восточнаго проекта. Мы уже видѣли, что Стилихонъ запасъ довольно средствъ, чтобы вести усиленнѣе это дѣло, и видѣли также, что Константинопольскій Дворъ страшно смутился, когда узналъ о распоряженіяхъ Западнаго Министра. Дѣйствительно, командуя обѣими арміями, Восточною и Западною, Стилихонъ, безъ всякаго опасенія потерпѣть неудачу, могъ идти на Востокъ, гдѣ не было войска, и удалить Руфина отъ дѣлъ правленія; но онъ въ то же время чувствовалъ, что такое самовластіе, такой рѣшительный шагъ надѣлають слишкомъ много шума, а если какимъ-нибудь образомъ ему не посчастливится, то произведутъ даже междоусобную войну. Посему онъ нашелъ нужнымъ переимѣнить планъ дѣйствій относительно Востока и Руфина, и не много подождать, тѣмъ болѣе, что его вниманія и силъ требовали дѣла на самомъ Западѣ. Между тѣмъ, какъ Стилихонъ отправился въ походъ на Рейнъ, можно было надѣяться, что обстоятельства, происходившія при Константинопольскомъ Дворѣ, обратятся въ его пользу.

Пользуясь слабостію своего Императора, Восточный Министръ, для удовлетворенія своего корыстолюбія и честолюбія, дѣйствовалъ не только несправедливо, но и безразсудно. Желая утвердить за собою мѣсто Перваго Министра, но не имѣя войска, Руфинъ полагалъ въ одномъ богатствѣ найти опору своего могущества, и чтобы пріобрѣсть больше денегъ, продавалъ должности, отнималъ богатства у богатыхъ людей, помѣстья у помѣщиковъ, вводя на нихъ различныя обвиненія. Многіе изъ богачей и людей знатныхъ, чтобы избѣжать гнѣва Министра, добровольно уступали ему свои помѣстья, въ надеждѣ по крайней мѣрѣ получить за это какую-нибудь должность въ государствѣ. Рѣдкій сынъ богатой фамиліи получалъ наследство послѣ

смерти своихъ родителей: оно поступало въ казну Руфима (38). Понятно, что такой способъ правленія государствомъ доставилъ Руфиму несметное богатство. Человѣкъ съ умомъ, холодно все разсуждающимъ, съ волею твердою, неуклонно стремящемуся къ одной цѣли, можетъ всегда употребить богатство въ свою пользу: такъ поступалъ съ богатствомъ Стилихонъ, который также, какъ мы видѣли, частію изъ своихъ видовъ, а больше изъ политическихъ, лишилъ многихъ богатства: богатство утвердило его могущество. Но Руфимъ, такъ сказать, оцѣнилъ, когда умиралъ въ рукахъ своихъ огромныя сокровища. Удовлетворивъ своей алчности къ богатству, Руфимъ началъ безумно самовластвовать; пытки, казни, проскрипціи, изгнанія стали весьма обыкновенными явленіями въ Константинополѣ (39). Кажется, излишне упоминать, что кліенты и агенты его вполне слѣдовали примѣру своего патрона и начальника и при всякомъ случаѣ прибегали къ своимъ рукамъ вымущества не только людей зажиточныхъ, но и послѣднее достояніе, хотя бы это стоило головы обладателямъ вѣтвля (40). Народъ безплодно ропталъ на самовластіе временщика и отчаявался когда-нибудь освободиться отъ его тиранніи; Руфимъ же не обращалъ на это никакого вниманія, и чтобы власти своей дать прочтѣйшее основаніе, задумалъ женить Императора на своей дочери. Аркадій страшно боялся своего Министра, и потому не трудно было склонить его на этотъ бракъ, хотя къ нарѣченной своей невѣстѣ не чувствовалъ онъ ни малѣйшаго расположенія. Но эта-то попытка и нанесла ударъ вліянію Руфима. Стилихонъ зналъ объ всемъ этомъ и съ радостію принялъ участіе въ этихъ, столь благопріятныхъ для него, придворныхъ распряхъ: онъ послалъ въ Константинополь своихъ агентовъ, которые должны были еще болѣе разпалить всеобщую ненависть противъ Руфима. Руфимъ хотѣлъ скрывать свое намѣреніе до самой свадьбы; но еще болѣе усилившееся надменностію выдалъ самъ себя и хитрые придворные все разгадали. Для уничтоженія намѣренія Министра, которое, еслибы исполнилось, было бы для многихъ гибелью, придворные избрали слѣ-

(38) Claud. De laud. Stil. lib. I. In Ruf. lib. I et II. Zoa. lib. V. c. I.

(39) Ibid.

(40) Zoa. lib. V.

дующее средство: они обратили вниманіе Императорское на Вандию, дочь одного Франка, по имени Баудо, и успѣли въ немъ возбудить любовь къ ней. Баудуъ Евтропій, поддерживаемый агентами Стилихона и дѣйствуя за одно съ Западнымъ Министромъ (41), потому что самъ хотѣлъ первенствовать въ государствѣ, такъ искусно велъ всѣ эти придворныя интриги, что Руфинъ замѣтилъ обманъ не прежде, какъ уже послѣ брака Аркадія съ Евлокіею. Это случилось въ то самое время, когда Стилихонъ, усмиривъ Сѣверныхъ варваровъ, возвратился изъ похода; онъ не могъ не порадоваться, что врагъ его отъ этого случая потерялъ много изъ своего прежняго вѣсу въ государствѣ и при Дворѣ и потому, нимало не медля, выразилъ явное намѣреніе отправиться за Востокъ въ Аркадію и тамъ управлять такъ же, какъ и на Западѣ. А чтобы не показаться самовластнымъ, Стилихонъ объявилъ, что Императоръ Θεодосій, умирая, завѣщалъ ему управлять обѣими частями Имперіи (42). Стилихонъ въ этомъ случаѣ рассчитывалъ на несомнѣнный успѣхъ: онъ полагалъ, что теперь безъ труда можно низвергнуть Руфина, когда противъ него вооружены всѣ сословія и самъ Императоръ не любитъ его; что же касается остальнаго Двора, то Стилихонъ думалъ, что, раздираемый партіями, онъ не въ состояніи будетъ противиться его желанію, и, не имѣя военной силы, побѣдится противодѣйствовать ему, особенно коль скоро онъ явится туда съ войскомъ.

Расчетъ Стилихона однакожъ далеко не былъ вѣренъ. Мы уже видѣли, съ какими неудовольствіемъ и негодованіемъ приняты Константинополь и весь народъ извѣстіе объ этомъ намѣреніи Стилихона; разныя партіи при Дворѣ, когда узнали объ этомъ, соединились и, если онъ ничего не могли сдѣлать вопреки Стилихону, то это нисколько имъ не мѣшало видѣть въ его намѣреніяхъ нарушеніе правъ Имперіи и желаніе междоусобной войны, и возбуждать народъ къ оппозиціи. Руфинъ, съ своей стороны, рѣшился испытать всѣ средства, чтобы удержать за со-

(41) Zos. lib. c. VIII. Claud. In Eutrop. lib. I. Зосимъ говоритъ о Евтропійѣ что онъ былъ ревностный соучастникъ Стилихона во всѣхъ его умыслахъ противъ Руфина.

(42) Zos. lib. V, c. 4.

бою нѣсто Перваго Министра и держаться противъ Стилихона или, если пасть, то во крайней мѣрѣ не даромъ, но достаточно отпущеннымъ. Така какъ опасность грозила болѣе всѣхъ ему, его личнымъ интересамъ: то, покада прочіе савоншники Восточнои Имперіи ограничивали отношенію противъ Стилихона одними жалобами на несправедливость его притязаній, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу.

Въ своемъ затруднительномъ положеніи, Руфинъ рѣшился искать у варваровъ опоры для своего колеблющагося могущества и вліянія въ государствѣ и съ нихъ оными выступить противъ Западнаго Министра. Онъ рассчитывалъ такъ: «Если варвары явятся въ Имперію, то Стилихонъ уже не подумаетъ идти на Востокъ: ему тогда нужно будетъ быть готовымъ къ защитѣ предѣловъ Западной Имперіи, которую варвары не преринути потревожить; вступивъ же съ ними въ борьбу, онъ потеряетъ войско, которое доселѣ дало ему такое огромное преимущество въ силахъ предъ Восточнымъ Дворомъ, а слѣдовательно съ нимъ вѣстѣ и великую охоту къ притязаніямъ на управленіе Востокомъ; между тѣмъ, когда будетъ обезсиленъ этотъ врагъ, онъ (Руфинъ) выиграетъ очень много въ отношеніи къ внутреннимъ своимъ врагамъ; они должны будутъ тогда замолчать съ своими интригами, а онъ приобрететъ, какую захочетъ, власть въ государствѣ: потому что варвары всегда будутъ крѣпкимъ оплотомъ для его могущества (43)». Составивъ себѣ такой планъ, Руфинъ, при первомъ наступленіи весны 393 года, вошелъ въ союзъ съ равными варварскими племенами, жившими въ вышней Южной Россіи, Сербіи, Галліи, Молдавіи, Валахіи. Не нужно представлять себѣ вѣстѣ съ Клавдіемъ этотъ союзъ явную и намеренною извѣною Государству; не нужно думать, что Руфинъ призвалъ варваровъ съ намереніемъ опустошить Имперію въ отищеніе за ненависть къ нему всѣхъ сословій: потому что это рѣшительно не приносило Руфину пользы и нисколько не сообразовалось съ характеромъ Министра, который во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ искалъ положительной выгоды для себя; напротивъ, этотъ союзъ должно представлять призваніемъ варваровъ на службу

(43) Claud. in Ruf. lib. I. Zoa. lib. V, 5.

Имперіи, что было въ то время, какъ видно изъ предыдущаго моего изложенія, дѣломъ весьма обыкновеннымъ. А по всей вѣроятности, этотъ союзъ заключенъ былъ не тайно, какъ думаетъ Клавдіанъ, но съ согласія другихъ государственныхъ мужей, желавшихъ притязаніе Западнаго Министра на власть на Востокѣ отразить силою: если варвары опустошили области Имперіи, то это еще не доказываетъ нагѣренной наглости со стороны Министра, а только указываетъ на ихъ характеръ, отличительною чертою котораго было грабить и опустошать вездѣ, гдѣ только не было препятствія. Такимъ образомъ хотя Руфинъ не имѣлъ желанія разорвать свою Имперію, но варвары, изъ-за Дона и изъ Задунайскихъ странъ быстро перешедши чрезъ *Caspra Clausura* и сѣянныя горы Арменіи, и вступивъ въ Азіатскія провинціи, начали грабить ихъ жителей. Каппадокія, Киликія и вся Сирія много отъ нихъ потеряли (44). Въ то же самое время другіе варвары пришли въ Европейскія области Имперіи и, не имѣя для себя дѣла и не получая достаточно денегъ отъ правительства, воспользовались беззащитнымъ положеніемъ государства, и то же начали грабить. Готы, поселившіеся во Фракіи, нисколько не мѣшали имъ продолжать опустошеніе, не смотря на то, что, по договору съ Θεодосіемъ Великимъ, обязывались защищать Имперію отъ враговъ и вообще служить къ ея пользѣ; напротивъ, многіе, увлеченные ихъ примѣромъ, сами пристали къ нимъ; тогда дѣйствія варваровъ сами собою обратились въ формальную войну. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, они, подобно разбойникамъ, нестройными, но многочисленными толпами бродили по землямъ Македоніи, Фессаліи, Панионіи, перѣдко появлялись во Фракіи въ виду Константинополя, знаменуя свой слѣдъ опустошеніемъ. Руфинъ увидѣлъ наконецъ, что варвары вовсе не заботятся его интересами, и нисколько не обращаютъ вниманія на выгоды Имперіи, и что они своимъ поведеніемъ способны не столько поддержать его могущество, сколько ускорить его паденіе. Понявъ, что называется, изъ огня въ пламя, Руфинъ началъ искать средствъ поскорѣе удалить ихъ изъ

(44) In Ruf. lib. I et II.

Имперіа. Правительство было того же мѣнія, и потому рѣшилось вступить съ ними въ переговоры: Руфинъ, назначенный полномочнымъ посланникомъ, указалъ имъ на Италію и уговаривалъ ихъ напасть на нее, обѣщая имъ за это награду; но какъ переговоры съ ними на первый разъ не имѣли успѣха, и они не дали рѣшительнаго отвѣта, то правительство нашу нужнымъ прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, чтобы облегчить тягостное положеніе Имперіа. Дворъ раздѣлился на партіи: одна, въ главѣ которой стоялъ Руфинъ, предлагала призвать на службу Имперіа Гунновъ. Руфинъ рассчитывалъ употребить этотъ воинственный и свирѣпый народъ какъ для усмиренія варваровъ, такъ еще болѣе для исполненія своей заветной мысли — отразить силы Западнаго Министра ихъ силами. Другіе же, болѣе добросовѣстные сановники, вопреки намѣренію Руфина, хотѣли призвать Стилихона на помощь Государству (45). Такъ какъ эта партія была многочисленнѣе первой и одерживала явный перевѣсъ надъ нею, то Руфинъ употреблялъ съ своей стороны все, что только отъ него зависѣло, чтобы воспрепятствовать исполненію ее намѣренія: потому что съ исполненіемъ его сами собою рушились бы всѣ доселѣ веденныя имъ дѣла противъ Стилихона, и допустить Стилихона съ войскомъ до Константинополя значило приготовить самому себѣ погубель. Руфинъ вторично и уже тайно отправился въ варварскій лагерь, и князь на этотъ разъ онъ предлагалъ имъ не одни обѣщанія денегъ, а самыя деньги, то главная цѣль его достигалась: варвары удовольствовались этою наградою и тѣмъ, что они доселѣ награбили себѣ, оставили страну, быстро пошли къ Альпамъ и выразили явное намѣреніе, перешедши ихъ, вторгнуться въ Италію и тамъ тревожить Стилихона. Руфинъ рассчитывалъ, что возвращавшись недавно изъ похода, Западный Министръ не вдругъ соберется съ силами, чтобы отразить враговъ, а тѣмъ менѣе побѣдить ихъ; онъ полагалъ, что дѣла на Сѣверѣ на долгое время привлекутъ вниманіе Стилихона и заставятъ его поневолѣ дать варварамъ время еще болѣе усилиться.

(45) Claud. In Ruf. lib. I et II.

Но Руэнимъ жестоко обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Дѣйствительно, Стиляхону нужно было пребыть на Рейнѣ не два мѣсяца, а гораздо долѣе, чтобы возстановить тамъ спокойствіе и порядокъ, и вскорѣ, какъ мы увидимъ, тамъ опять вспыхнуло возмущеніе; но онъ не считалъ нужнымъ остаться тамъ долѣе, когда свѣдѣнія о дѣлахъ Восточныхъ, получаемыя имъ чрезъ агентовъ и Серену, удостовѣрили его, что гораздо болѣе и безъ труда выиграетъ онъ, если оставитъ Рейнъ, возвратится въ Италію и оттуда пойдетъ на Константинополь. По-сему въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ явился въ Римѣ, чтобы съ наступленіемъ лѣта начать свои дѣйствія противъ Константинопольскаго Двора. Вѣсть о томъ, что Руэнимъ призналъ въ Имперію варваровъ, на первый разъ смутила его, и онъ отложилъ до времени свою поѣздку на Востокъ; но скоро потомъ, узнавъ о несчастныхъ свѣдѣніяхъ для Имперіи Восточной отъ этого признанія, онъ увидѣлъ возможность и это обстоятельство обратить въ свою пользу: оно давало ему законный поводъ вмѣшиваться въ дѣла Востока. Но въ то самое время, когда Стиляхонъ приготовлялся къ походу противъ Варваровъ, опустошавшихъ Востокъ, вдругъ разнеслась молва, что они появились у Альповъ. Теперь опасность грозилъ Западной Имперіи и Стиляхонъ, хотя почиталъ ее не важною, но долженъ былъ опять на время оставить свой Восточный проектъ. Неослабленный, вопреки ожиданію Руэнима, походомъ на Рейнскихъ варваровъ, Стиляхонъ съ необыкновенною быстротою повелъ свое войско, составленное изъ различныхъ народовъ, Галловъ, Персовъ, Прирейнскихъ обитателей, и неожиданно явился въ Юлійскихъ Альпахъ, гдѣ кочевали варвары. Главною цѣлью Стиляхона было не допустить ихъ до вторженія въ Италію, и безъ того много потерпѣвшую въ прошедшія войны, разбить ихъ въ предѣлахъ Восточной Имперіи и притомъ же силами Востока (у него здѣсь подъ начальствомъ была Восточная армія), а потомъ уже, какъ извѣстную Государству отъ опасности и потому имѣющему такое право на благодарность его, двинуться на Константинополь. Не приготовленные къ этому неожиданному нападенію, варвары скоро были вытѣснены изъ ущелій Альпійскихъ. Разсѣянные и безъ труда разбитые по частямъ, они вскорѣ однакою уснѣ-

ли соединиться и, занявъ въ Шиперинъ, въ одной изъ Приальпійскихъ долинъ, выгодную позицію, укрѣпились (46). Здѣсь, въ ожиданіи нападенія Стилихона, который неутомимо преслѣдовалъ и билъ отдѣльные отряды варваровъ, главная масса ихъ сосредоточила свои силы и приготовилась дать отпоръ. Должна, гдѣ засѣли они, примыкала съ двухъ сторонъ къ горамъ, которыя, заграждая всякой путь къ это мѣсто, образовали около нея тупой уголъ; съ этихъ сторонъ варвары были непреступны. Двѣ остальные стороны были укрѣплены слѣдующимъ образомъ: одна изъ нихъ была обнесена нарочно сдѣланнымъ землянымъ валомъ, предъ которымъ вырытъ былъ глубокий ровъ; а другую защищала стѣна, которую варварская фортификація устроила изъ тѣлѣтъ, тѣсно одна къ другой прижатыхъ и обтянутыхъ сырыми воловьими шкурами. Эта сторона была слабѣйшая, и потому здѣсь была поставлена цѣлая половина варваровъ. Управившись съ отдѣльными варварскими отрядами, Стилихонъ устремился всею массою бывшихъ съ нимъ легионовъ на это временное, но сильное укрѣпленіе. Вдругъ разгромить этотъ варварскій улусъ не было никакой возможности; Стилихонъ обложилъ его и началъ дѣлать приготовленія къ приступу.

Между тѣмъ быстрое движеніе Стилихона за Альпы, разсѣпаніе имъ однихъ варваровъ и стѣсненіе другихъ повергло Руфина въ отчаяніе: потому что такіа рѣшительныя и успѣшныя дѣйствія Стилихона противъ варваровъ вдругъ рушили весь планъ и всѣ замыслы его. Онъ не могъ не видѣть, что Стилихонъ, по истребленіи укрѣпившихся въ Приальпійской Илирийской долинѣ варваровъ, лантисъ въ Константинополѣ и тамъ, шокончивъ съ нимъ дѣло, т. е. умертвивъ его, возьметъ власть въ свои руки. Мы видѣли, что такъ думалъ распорядиться и самъ Стилихонъ. Руфинъ, чувствуя, что теперь не только колеблется его вліяніе, но и положеніе его становится весьма опаснымъ; что, ему придется разстаться не только съ занимаемымъ имъ мѣстомъ, но и съ житіемъ, — чувствуя все это и сообразивъ, онъ

•(46) Claud. In Ruf. lib. II. Объ этомъ походѣ Зосимъ даже не упоминаетъ, Клавдіанъ же подробно рассказываетъ объ немъ; также можно найти въ некоторыхъ сочиненіяхъ объ этомъ нашествіи варваровъ у Созомена (VIII, 1) и у Сопрата (Hist. eccles. VI, 1).

счесть нужнымъ подкрѣпить себя матеріальными средствами. Но гдѣ же было искать этихъ средствъ? Призвать въ Имперію Гунновъ, или какое-нибудь другое варварское племя? Но весь Дворъ и Сенатъ были противъ этого; да притомъ же опыты показали, что варвары помышляютъ болѣе о своей добычѣ, чѣмъ о пользѣ того, на чью службу приходить. Въ умѣ Руфима блеснула, по-видимому, счастливая мысль. Онъ потребовалъ аудіенціи у Императора; соображенія, какія онъ ему представилъ, всего лучше опредѣляютъ политику Руфима и всего Восточнаго Двора. «Стилюхонъ — говоритъ онъ Императору — ищетъ моей гибели; тебѣ, Императоръ, я поручаю мою жизнь, и умоляю спасти меня, не для меня, но для тебя, которому я служу: потому что съ гибелью моею онъ овладѣетъ всѣмъ Востокомъ и присоединитъ его къ Западу. Человѣкъ этотъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромныя средства и въ своей власти много земель, и вѣнша-тельство его въ наши дѣла ничѣмъ другимъ не лзя объяснить, какъ желаніемъ власти на Востокѣ». Увидя, что рѣчь произвела на Императора желанное дѣйствіе, т. е. что онъ слушалъ ее какъ бы со страхомъ, Руфимъ тотчасъ же предложилъ ему средство поправить Восточныя дѣла. «Пусть — продолжалъ онъ — Стилюхонъ со всѣмъ своимъ могуществомъ останется въ покоѣ и объ насъ нѣтъ дѣла ему заботиться: посему пусть очиститъ немедленно Иллирію, а Восточную армію при-шлетъ въ Константинополь; имѣя войско, мы и безъ него управимся съ своими врагами». Сенатъ и Дворъ нашли мысли Министра вполне основательными; Императоръ немедленно послалъ къ Стилюхону грамоту за своею подписью, заключавшую въ себѣ требованіе оставить Иллирію и прислать Восточныя легіоны.

Это было въ Августъ мѣсяцъ. Стилюхонъ между тѣмъ стоялъ въ Иллиріи почти два мѣсяца не безъ дѣла; осажденные варвары были доведены имъ до такого состоянія, что имъ предстояло или сдаться, или быть истребленными. Стилюхонъ легко могъ бы безъ боя, голодомъ погубить ихъ; онъ такъ и рассчитывалъ; но солдаты, наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, требовали, чтобы онъ ихъ велъ на бой. Въ твердой надеждѣ на побѣду, Стилюхонъ уже двинулъ на приступъ свое войско, правый флангъ

котораго составляли Галлы, гѣльи — Армяне, а центръ — отборные солдаты, всегдашніе его сподвижники, — какъ въ это самое время прибылъ курьеръ отъ Императора Аркадія. Какъ ни велико было его негодованіе, когда онъ узналъ содержаніе грамоты, но онъ подчинилъ свое чувство холодному разсужденію и отдалъ приказъ войску остановиться и тѣмъ легіонамъ его, которые входили въ составъ Восточной арміи, готовиться къ немедленному отправленію въ Константинополь. Хотя солдатамъ и неурядливо было, что они, простоявъ такъ долго около этого улуса съ цѣлю разорить его и получить добычу, и будучи близки къ этой плѣнѣ, теперь должны отратиться ни съ чѣмъ, но они повиновались любимому своему Генералу. Стилихонъ съ своей стороны имѣлъ важныя причины такъ распорядиться. Съ одной стороны, требованіе Восточнаго Двора было справедливо: Восточная армія рано или поздно должна была идти въ Константинополь; а съ другой, онъ видѣлъ, что осажденные имъ варвары нисколько не опасны, и что послѣ урока, данного имъ, они не захотятъ долѣе оставаться въ Иллиріи, еслибы даже были оставлены въ покое: посему не считалъ нужнымъ терять солдатъ Западной арміи изъ-за дѣла другаго Двора въ предстоящемъ ему приступѣ противъ варваровъ, которые, безъ сомнѣнія, стали бы драться со всѣмъ варварскимъ ожесточеніемъ. А между тѣмъ такое распоряженіе доставляло ему немало пользы: отославши Восточные легіоны въ Константинополь, Стилихонъ имѣлъ случай однажды навсегда разомъ и безъ труда освободить себя и всю Империю отъ злаго врага Руфина, который, какъ носился слухъ, для своего подкрѣпленія, ко вреду Имперіи, находится въ тайной перепискѣ съ Аларихомъ, Готескимъ вождемъ. Стоило только со стороны Стилихона затронуть какъ-нибудь помыслы отсылаемыхъ на Востокъ солдатъ, возбудить въ нихъ недовѣсть къ Руфину, которому они и безъ того не были преданы, и расположить въ свою пользу генерала, которымъ ихъ туда поведетъ, и наипроче можно было ручаться, что Восточному Министру не забавится отъ гибели. Стилихонъ хорошо зналъ духъ своихъ солдатъ, зналъ, что они не терпѣли надъ собою ни чьей безусловной власти. Непосредственно послѣ того, какъ пришелъ нужнымъ исполнить требованіе Восточнаго Двора, онъ

въ рѣчи къ отправалявшимся солдатамъ коротко коснулся тѣхъ походовъ, въ которыхъ они съ нимъ поражали враговъ, и возбуждъ въ нихъ этимъ чувство осязанія своего достоинства, тутъ же иронически сказалъ: «ступайте на Востокъ, щадите враговъ, полѣгъ васъ стоящихъ: такъ велитъ Руфинъ!» Рѣчь Стихихона тотчасъ же оказала свое дѣйствіе: своевольные солдаты, показывая знаки своей преданности и покорности Стихихону, въ то же время оглашали воздухъ проклятіями и угрозами Руфину. Послѣ сего оставалось только найти такого человѣка, который бы сѣмъ угрозы солдатъ противъ Руфина привести въ исполненіе. Стихихонъ имѣлъ преданнаго генерала, по имени Гайну, который уже давно злобилъ на Руфина за то, что тотъ, не имѣя ни талантовъ, ни заслугъ, захватилъ себѣ въ руки такую власть. Можетъ быть, Гайна и самъ хотѣлъ воспользоваться мѣстомъ Министра при Восточномъ Дворѣ: поэтому охотно согласился содѣйствовать умерщвленію Руфина. Для этой цѣли онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ арміею, отправляемою на Востокъ. Когда войска въ Ноябрь 395 года подошли къ Константинополю, то Императоръ, согласно съ древнимъ обыкновѣніемъ и съ требованіемъ Гайны, вышелъ принять орудя и огражденіе своего трона. Руфинъ, ничего не предвидѣвшій и мечтавшій съ прибытіемъ войска господствовать еще самовластнѣе, чѣмъ прежде, и уже съ презрѣніемъ отзывавшійся о Стихихонѣ, былъ въ главѣ свиты, которая сопровождала Императора. Между тѣмъ, какъ Министръ привѣтствовалъ солдатъ, хвалилъ ихъ за усердіе къ Восточной Имперіи и Императору, полки медленно обходили со всѣхъ сторонъ мѣсто, гдѣ стоялъ Императоръ съ свитою, какъ будто для того, чтобы подойти поближе и послушать, что говорятъ тамъ. Руфинъ ничего не замѣчалъ, увлечшійся своею рѣчью; кончивши все, что хотѣлъ сказать солдатамъ, онъ обратился къ Императору, который между тѣмъ во все время молчалъ и замѣтно тяготился этой церемоніей, и сказалъ ему: «Вотъ теперь-то наконецъ пришло время, когда ты безопасно (намекая на притязаніе Западнаго Министра) можешь сидѣть на тронѣ и я свободно буду править дѣлами на твою пользу.» Въ это время сходявшіеся полки со всѣхъ сторонъ окружили свиту Императора и послышался звукъ обна-

жаемого оружiя. «Ошибаешься, подлець», — закричалъ Гайна, выскочившій изъ копейки изъ терпѣнаго гордымъ и самонадѣяннымъ тономъ рѣчи Руфина: «тебѣ не удастся оковать насъ цѣпями, какъ плѣнниковъ; ты воображалъ, что мы будемъ твоими покорными слугами, — мы, которые постоянно поражали враговъ Имперiи. Ошибаешься; а вотъ тебѣ привѣтъ, который посылаетъ тебѣ Стилихонъ». При этомъ, по данному имъ знаку, солдаты бросились на Руфина (47). Провзвѣнный копьями и мечами, Руфинъ молча рухнулъ къ ногамъ растерзаннаго и объятаго ужасомъ Императора. Обезображенный трупъ его валили по городу, самымъ ужаснѣйшимъ образомъ надѣваясь надъ нимъ (48). Такъ кончился первый годъ послѣ кончины Императора Феодосiя.

Казалось, что теперь Стилихонъ легко приобрѣтетъ влiянiе на дѣла Восточной Имперiи. Всѣ обстоятельства, по-видимому, клонились къ его пользѣ: войска, какiя были на Востокѣ, съ своимъ полководцемъ были преданы ему, непрiязненные племена варваровъ были прогнаны изъ Имперiи, и Стилихонъ въ той мысли, что со смертiю Руфина уничтожились всѣ препятствiя къ достиженiю власти на Востокѣ, тотчасъ же проявилъ намѣренiе отправиться въ Константинополь и взять тамъ въ свои руки бразды правленiя. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное: Стилихонъ прежде, нежели могъ предпринять что-нибудь противъ Востока, долженъ былъ позаботиться о защитѣ Сѣверныхъ предѣловъ Западной Имперiи, которымъ угрожали опять возмущавшiеся Германцы, а между тѣмъ Константинопольскiй Дворъ обнаружилъ явное неудовольствiе къ намѣренiю Западнаго Министра и въ лицѣ Евтропiя приготовлялъ всевозможныя средства,

(47) Claud. In Rut. lib. II.

Unus per medios audendi pronior ense
 Prosiluit exerto, dictisque et vulnere tortus
 «Haec petit, hac Stilicho, quem jactas pellere, dextra
 «Te ferit: hoc absens invadit viscera ferro».
 Sic satur, meritoque latus transverberat ictu.

(48) Zon. lib. c. I: Καὶ ὁ μὲν ἀφ' ἡμέτης τῆς δεξιᾶς, ὁ δὲ τὴν ἐτέραν ἔκοπτεν, ὁ δὲ τὴν κεφαλὴν τοῦ τράχηλου χωρήσας ἀπῆει, παύνας αἰδῶν ἐπινικίους. Ἐκ τοσούτου δὲ ἐπετάχασαν ὥς τὴν μεῖρα πανταχῇ τῆς πόλεως περνᾶν, αἰτεῖντες ἀγγύριον δοῦναι τῷ ἀπλῆς τοῦ ὕς πρὸς τὴν χάνοντα.

чтобы воспрепятствовать его исполненію. Пользуясь этими обстоятельствами и отношеніями, опять поднялись Готы и их вождь Аларихъ обнаружилъ теперь свои замыслы, еще прежде родившіеся въ его головѣ, и предпринялъ походъ на Грецію. Такъ какъ Стилихонъ выступилъ въ противъ Готовъ, то онъ долженъ былъ выдержать борьбу въ одно время и съ ними и съ политикою Константинопольскаго Двора. Въ слѣдствіе вліятельства Восточнаго Двора, не смотря на успѣхи Стилихона, первая Готская война не принесла Западной Имперіи ровно никакой пользы и, доставивъ его противнику то, чего онъ домогался, кончилась совершеннымъ отдаленіемъ Востока отъ Запада, или образованіемъ Византійской Имперіи независимо отъ Латинской.

(Продолженіе впереди).

ИСТОРИЯ СТИЛИХОНА.

(Продолженіе).

ГЛАВА V.

Походъ Стилихона въ Германію и Британію. — Евтропій. — Его внутренняя и вѣшняя политика. — Гайна. — Аларихъ. — Его замыслы и тайный союзъ съ Руфиніемъ. — Походъ его въ Грецію. — Распоряженія Стилихона. — Движеніе его противъ Алариха. — Военныя дѣйствія въ Пелопонезѣ. — Опасное положеніе Готтовъ въ Аркадіи. — Аларихъ въ Эпирѣ. — Политика Константинопольскаго Двора. — Окончательное отдѣленіе Востока отъ Запада, или образованіе Византійской и Латинской Имперій.

Въ то самое время, когда Стилихонъ изъ Иллирій приготвился отправиться въ Константинополь, дѣла въ Германіи заставили его отложить эту поѣздку до другаго, болѣе благопріятнаго времени. Воинственныя племена Рейна, какъ скоро узнали, что Стилихонъ находится въ войнѣ съ варварами, опять возмолвались. Это возмевіе сначала обнаружилось въ земляхъ, расположенныхъ по берегамъ Нѣмецкаго моря, оттуда проникло въ Британію и скорѣ разлилось по большей части Германіи; многіе варварскіе князья перешли ливію укрѣпленія, отдѣлившую Римскія владѣнія отъ Германіи. Стилихонъ взялъ своихъ отборныхъ солдатъ и скорымъ маршемъ пошелъ противъ Германцевъ, чтобы не допустить ихъ до предѣловъ Италіи. Къ счастью Стилихона, поднявшіеся теперь народы не имѣли въ своихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшаго единства и плана, а каждое племя дѣйствовало по благоусмотрѣнію своего предводителя. Мало того: нѣкоторые племена даже заводили ссоры между собою. При такихъ обстоятельствахъ, Стилихонъ скоро и безъ большого

Часть LXXXVIII. Отд. V.

труда умиралъ ихъ. Для водворенія же спокойствія въ этихъ земляхъ и на будущее время, Стилихонъ задался устройствомъ этихъ націй. Однихъ мирилъ, другимъ давалъ законы, между третьими, болѣе склонными къ беспокойству, строилъ укрѣпленія. А чтобы усилить себя для будущей дѣятельности, Стилихонъ многихъ варваровъ завербовалъ въ солдаты и размѣстилъ ихъ по легіонамъ (49). Это было тѣмъ необходимѣе, что съ отсылкою половины арміи на Востокъ, войско Западной Имперіи, послѣ непрерывныхъ походовъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, значительно уменьшилось, и что теперь важныя дѣла на Востокѣ, заставившія Стилихона оставить Германію, прежде нежели онъ тамъ окончательно водворилъ спокойствіе и порядокъ, требовали значительныхъ силъ.

Между тѣмъ какъ Стилихонъ, въ продолженіе почти всей зимы 396 года, жилъ въ Германіи, въ Константинополѣ воспользовались его отсутствіемъ, чтобы воспрепятствовать его поѣздкѣ на Востокъ. Едва только прошли впечатлѣнія, произведенныя на народъ убійствомъ Руфима, какъ взоры всѣхъ обратились на Западъ; всякой съ нетерпѣніемъ желалъ знать, что замышляетъ Римскій Министръ. Евнапій рассказываетъ, что каждаго, кто только пріѣзжалъ въ то время изъ Италіи, забрасывали вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «а что ты видѣлъ Стилихона? что онъ подѣлываетъ?» Это было не простое любопытство, но любопытство народа, которому угрожаетъ опасность. Если въ народѣ высказывались непріязненные чувства къ Западу и его регенту, то тѣмъ болѣе этого нужно было ожидать отъ Двора. Тамъ мѣсто Перваго Министра, какъ нужно было ожидать, занялъ внукъ Евтропій (50). Это былъ старикъ чрезвы-

(49) Политика Стилихона въ отношеніи къ Германскимъ народамъ и по томъ дѣйствія его тамъ подробно изложены у Клавдіана. *In Prim. Consul. Stil. lib I. v. 190 sqq. De Consulatu IV Novorii. 450 sqq.*

(50) Жизнь этого замѣчательнаго въ Исторіи политики Византійскаго лица описана Клавдіаномъ въ слѣдующихъ чертахъ: Евтропій былъ сынъ торговца невольниками и родился въ Африкѣ. Когда онъ былъ еще младенцемъ, отецъ слѣлалъ его внукомъ. Съ семилѣтнаго возраста его начинается его бродячая, полная нервостей и грубаго разврата жизнь. До 20 лѣтъ онъ переходилъ отъ одного господина къ другому, служа орудіемъ къ самому грубѣйшему разврату.

чайню хитрий и тѣмъ болѣе опасный для своихъ враговъ, что хитрость его была всегда прикрыта личиною простодушія. Прежде нежели онъ появился при Дворѣ, судьба бросала его изъ одной страны въ другую; онъ толкался среди людей всѣхъ націй, всѣхъ классовъ, видѣлъ много на своемъ вѣку и хорошаго и худаго, былъ во всевозможныхъ положеніяхъ жизни и глубоко изучилъ духъ тогдашняго общества; правда, въ своемъ бродячей жизни онъ не сохранилъ въ себѣ ни одного добраго чувства, но за то вынесъ знаніе, умѣнье быстро распознавать окружающихъ его людей, приноровиться къ обстоятельствамъ и извлекать изъ нихъ для себя пользу. Мы уже видѣли, какъ онъ искусно велъ интриги протязъ Руфина. Вступая въ управленіе дѣлами Имперіи, Евтропій въ дѣлахъ какъ внутреннихъ, такъ и вѣнскихъ послѣдовалъ политикѣ своего предшественника. Точно такъ же, какъ и Руфинъ, по вступленіи своемъ на мѣсто Министра, онъ первымъ долгомъ почелъ для себя укрѣпить это званіе за собою. Лучшимъ средствомъ для этого онъ считалъ удаленіе отъ Двора и отъ участія въ правленіи всѣхъ, кто только выдавался своею знатностію, или дѣлами доблести, или богатствомъ и въ особенности тѣхъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ и которымъ была извѣстна его прежняя темная жизнь. При этомъ дѣйствовала онъ не открыто, какъ Руфинъ, но болѣе тайно, различными интригами и вообще такъ осторожно, что не льзя было сказать, что это сдѣлалъ Евтропій; а между тѣмъ многіе были лишены жизни, или заключены въ темницу, или изгнаны единственно по его старанію. Имущества этихъ бѣдняковъ, которыхъ онъ прибавлялъ къ своимъ рукамъ, вмѣстѣ съ огромными богатствами Руфина, также перешедшими въ его сундуки, конечно, не могли не упрочить могущества внуха, тѣмъ болѣе, что онъ награбленными

Евтропій подавилъ въ себѣ чувство, которое рождался въ сльдствіе презрѣнія всѣхъ къ подобнымъ людямъ; онъ лстылъ людямъ и попадалъ нерѣдко за это въ foras богатѣйшихъ женщинъ. Черезъ нѣсколько времени онъ является при Дворѣ и, пользуясь расположеніемъ знатнаго вельможи Абулланція, быстро сталъ возвышаться. Claud. In Eutrop. lib. I.

(51) Zoa. lib. V, c. 8.

богатствомъ дѣлился съ другими лицами, занимавшими важныя должности въ Государствѣ (52). Впрочемъ, отъ этого видѣла казна его нисколько не уменьшалась: потому что онъ въ распредѣленіи должностей слѣдовалъ такому правилу, что кто болѣе давалъ ему денегъ, тотъ и мѣсто получалъ доходнѣе (53). Понятно, что такой человѣкъ, каковъ былъ Евтропій, не могъ равнодушно смотрѣть на притязанія Западнаго Министра. Онъ хорошо видѣлъ настроеніе умовъ въ Константинополѣ не въ пользу Стилихона, и, находя, что это какъ не лезъ болѣе благопріятствуетъ ему, смѣло выступилъ противъ него. Все его вниманіе было устремлено на Западъ и вся политика его клонилась единственно къ тому, чтобы не допустить Западнаго Министра до вѣншательства въ дѣла Востока. Какъ человѣкъ, который прежде былъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Стилихону и много содѣйствовалъ ему въ борьбѣ съ Руфиниомъ (54), Евтропій прекрасно понималъ всѣ его выходы на Востокъ и зналъ многіе его планы, какъ осуществить эти выходы на дѣлѣ. Теперь онъ понялъ, что для отклоненія путешествія Стилихона въ Константинополь необходимо прежде всего привлечь на свою сторону преданныхъ ему войска, которыя были присланы съ Гайною. Евнухъ угадалъ, гдѣ тутъ слабая сторона, и сталъ на нее дѣйствовать сколько рѣшительно, столько же и искусно; онъ понялъ, что прежде всего привязаться нужно за Гайну, склонить его на сторону Константинопольскаго Двора, и успѣлъ въ этомъ дѣлѣ, какъ не лезъ лучше.

Гайна былъ прекрасный солдатъ и, проведя почти всю жизнь въ лагерѣ, не могъ похвастаться умѣньемъ обращаться въ свѣтѣ; онъ привыкъ слова другихъ принимать, какъ говорится, за настоящую монету. Этотъ человѣкъ при томъ же и отъ природы не имѣлъ большой провицательности, такъ что онъ едва ли понималъ хорошо ходъ тогдашнихъ дѣлъ и, если могъ дѣйствовать съ успѣхомъ, такъ это только подъ мнѣніемъ другихъ. Впрочемъ, его солдатская душа заражена была страш-

(52) Zos. lib. V, c. 8.

(53) Claud. In Eutrop. lib. I, 180—210.

(54) Zos. lib. V, 8.

нымъ честолюбіемъ. Съ поля битвы попалъ въ блистательнѣйшій и утонченнѣйшій Дворъ того времени, онъ не оставилъ своихъ лагерныхъ привычекъ и, чувствуя свое значеніе, держалъ себя чрезвычайно высокомерно. Хитрый евнухъ и Императрица Евдоксія оказывали ему уваженіе и не щадили ласкательствъ (55). Это, конечно, льстило его самолюбію, и онъ, не замѣчая самъ того, склонился на ихъ сторону, а потомъ, когда ему торжественно былъ поднесенъ титулъ *Magistri Militum*, то онъ рѣшительно измѣнилъ видамъ Стилихона и посвятилъ свой мечъ и войско на защиту независимости Восточной Имперіи. Этого-то только и желалъ Евтропій. Когда такимъ образомъ поставлена была преграда вліянію Стилихона на дѣла Востока, тогда Евтропій сдѣлался свободнѣе и откровеннѣе въ своей политикѣ и съ добродушнымъ, своимъ обычнымъ смѣхомъ отзывался «о немъ и его неумѣстныхъ притязаніяхъ». Онъ не замедлилъ бы тотчасъ же выказать свои силы предъ Западнымъ Дворомъ, еслибы неустройства въ Азіатскихъ провинціяхъ не отвлекли отъ этого его вниманія. Варвары, вызванные Руфомъ, еще не думали оставлять Каппадокію и Сирію; пользуясь плохимъ состояніемъ Восточной арміи (потому что Евтропій, желая привлечь ее къ себѣ, ослабилъ дисциплину, дозволивъ солдатамъ разныя вольности, такъ что они выходили изъ всякаго повиновенія своимъ начальникамъ), къ нимъ присоединились другія варварскія племена; беззащитные жители Азіатскихъ провинцій должны были терпѣть отъ нихъ всякаго рода насилія. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ своеволю, Евтропій самъ поспѣшилъ въ началѣ весны 396 года съ большою частію арміи въ Азію. Дѣло могло исполниться хорошо и безъ него, — стараніемъ какого-нибудь опытнаго генерала; но Евтропій хотѣлъ ознаменовать себя военнымъ подвигомъ, чтобы показать себя вполне достойнымъ занимаемаго имъ мѣста. Впрочемъ, хотя онъ и выгналъ варваровъ, но за это избавленіе страна должна была поплатиться очень дорого: солдаты его грабили города и деревни вѣчѣмъ не снисходительнѣе самихъ варва-

(55) In Eutrop. lib. II, 220 sqq.

рою (56). Этотъ походъ Евтропія, равно какъ исключительное направленіе его политики на утвержденіе собственнаго могущества и на отчужденіе Востока отъ Запада, также экспедиція Стиліхона въ Германію, — всѣ эти обстоятельства, показывая состояніе обѣихъ Имперій въ 396 году, имѣютъ еще то значеніе, что они какъ не лъзя болѣе благопріятствовали давно задуманному замыслу Готескаго вождя (57).

У Вестъ-Готеовъ былъ въ то время главнымъ вождемъ Аларихъ. Съ самаго дѣтства мечъ и кочанъ со стрѣлами были любимую его забавою. Едва достигнувъ онъ юношескаго возраста, какъ со всѣмъ пыломъ дикой храбрости бросился на поле битвы, происходившихъ тогда между Готеями и Римлянами. Опасность для него не существовала. Обыкновенно впереди своей дружины скакалъ молодой Готъ противъ Римскихъ когортъ. Молодые и старые Готы изумлялись его отвагѣ и безстрашію и говорили: «вотъ такъ прямой Балъта (58) (смѣльчакъ)! хорошій будетъ Герцогъ» (59). Съ этою необыкновенною смѣlostію онъ соединялъ умъ быстрый, беспокойный, — умъ, который постоянно ищетъ все новаго, душу предпримчивую, жаждущую дѣятельности, и натуру въ высшей степени раздражительную. Прибавьте къ этому любовь Алариха къ своей націи, любовь сильную, безграничную, которая въ варварѣ охватываетъ всю душу, всѣ наклонности и стремленія, — и вы составите понятіе объ этой личности. Такому человеку, конечно, не была суждена участь большей части людей, которые скользя по жизненному пути, не оставляя послѣ себя и слѣда; родившись среди племени въ тотъ періодъ его существованія, когда силы его рвутся наружу, чтобы слѣлать что-нибудь, выходящее изъ

(56) In Eutrop. lib. I, 323—336. Свѣдѣнія объ этомъ походѣ находятся единственно у Клавдіана.

(57) Клавдіанъ положительно говоритъ, что одною изъ главныхъ причинъ вторженія Алариха въ Грецію было отсутствіе большей части войска, находившейся съ Евтропіемъ въ Азіи. Ibid.

(58) Аларихъ происходилъ изъ знатной и уважаемой Готеями фамиліи Балъта; это слово значитъ: «смѣлый, отважный».

(59) Jornand. De rebus Geticis. Cap. XXIX. In Eutrop. lib. I, 470—320. De bello Getico. 470—520. Petegny. Memoires. v. I.

ряда обыкновенныхъ вещей, — человѣкъ съ такою душою не могъ оставаться въ незнакомости; напротивъ, такъ какъ устройство его духа точь-въ-точь сообразовалось съ стремленіями его народа, было имъ родственно, то онъ долженъ былъ явиться вождемъ его и двинуть его силы къ совершенію чего-нибудь новаго. Еще когда онъ былъ юношей, въ головѣ его родилась мысль, или по крайней мѣрѣ проблески мысли — крѣпче соединить силы своей націи и потомъ, устремивъ ихъ на Имперію, годъ отъ году все болѣе слабѣющую, отнять у ней выгодную для поселенія землю и въ ней основать независимое царство. Мало-по-малу онъ приобрѣталъ вѣсь у Готеовъ и во мнѣніи ихъ заслонялъ собою другихъ вождей; а съ этими вмѣстѣ все болѣе росла его мысль. Когда, послѣ похода Готеовъ противъ Евгенія, Аларихъ, участвовавшій въ этомъ походѣ и вмѣшій случай видѣть и изучить военное искусство Римлянъ, явился въ главѣ націи, тогда онъ окончательно рѣшился приводить эту мысль мало-по-малу въ исполненіе и съ этихъ поръ онъ приобретаетъ важное историческое значеніе.

Первую попытку къ исполненію своего намѣренія Аларихъ обнаружилъ въ томъ, что, вопреки договору, нисколько не помогъ Имперіи, когда опустошали ее призванные Руфимомъ варвары, и даже не препятствовалъ, какъ мы уже знаемъ, нѣкоторымъ Готеамъ пристать къ грабителямъ. Мы также упомянули, что ходили слухи, будто Руфимъ находился въ тайной перепискѣ съ Аларихомъ. Слухи эти были вполнѣ справедливы. Не получивъ ожидаемаго результата отъ появленія въ Имперіи варваровъ, и не совсѣмъ надѣясь, что Стилихонъ исполнитъ требованіе Константинопольскаго Двора — не пришлетъ Восточную армію, Руфимъ счелъ за необходимое обезопасить себя съ другой стороны и обратилъ свое вниманіе на Вестъ-Готеовъ. Руфимъ очень хорошо понималъ, что равнодушіе, съ которымъ Готы смотрѣли, какъ варвары опустошали Македонію и Фракію, и нѣкоторое съ ихъ стороны участіе въ этомъ опустошеніи, при воинственности народа и честолюбіи вождя его, предвѣщаютъ явный разрывъ, и что скоро Аларихъ потревожитъ Имперію. Если онъ не въ состояніи былъ предотвратить это, то по крайней мѣрѣ видѣлъ возможность

извлечь изъ этого обстоятельства пользу для себя. Предположеніи Руфина сбылись. Аларихъ потребовалъ себѣ отъ Восточнаго Двора чина *Migistri militum* и земли для поселенія въ Иллирійской префектурѣ; но получилъ отказъ. Это значило объявленіе явного разрыва между Готами и Имперіей, и Аларихъ дѣйствительно думалъ и приготовлялся отомстить Имперіи за ея къ нему холодность. Руфинъ успѣшилъ во-время оказать услугу Готскому вождю, чтобы тѣмъ болѣе заставить его дѣйствовать сообразно съ своими выгодами. Немедленно онъ тайно далъ знать Алариху, что съ своей стороны готовъ содѣйствовать ему въ достиженіи его цѣлей. Аларихъ, еще не знавшій, съ какой стороны потревожатъ Имперію и не имѣвшій достаточно для этого оружія и денегъ, съ радостію принялъ вызовъ Министра (60). Положено было, что Аларихъ вторгнется въ Грецію и силою оружія заставить Константинопольскій Дворъ признать дѣйствительными права свои на званіе главнокомандующаго. Оба союзника рассчитывали на многое, и планъ Руфина въ этомъ случаѣ былъ составленъ съ необыкновенною хитростію.

Руфину нужно было, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, не допускать Западнаго Министра до вѣшателства въ дѣла Востока. Теперь, ожидая отъ Стилихона помощи арміи и въ то же время призывая въ Грецію Алариха, онъ достигалъ скоро этой цѣли. «Если Стилихонъ, думалъ онъ, пришлетъ армію, то онъ ее сосредоточитъ около Константинополя, слѣдовательно тамъ будетъ имѣть для себя защиту. А Стилихонъ, еслибы и послѣ этого рѣшился идти въ Константинополь (въ чемъ Руфинъ впрочемъ не сомнѣвался): то, конечно, исполняя обязанность руководителя и совѣтника Аркадія, которая, по его словамъ, возложена на него Θεодосіємъ, долженъ прежде всего очистить отъ варваровъ провинціи вѣреннаго его благоразумію Императора. Въ противномъ случаѣ, его притязаніе на мѣсто Перваго Министра при Восточномъ Дворѣ было бы нелѣпно. Это же онъ долженъ сдѣлать и для своей пользы, чтобы, отправля-

(60) Zos. lib. V, c. 3. Jornand. De regn. Success. 124. Claud. in Ruf. lib. I et II. Всѣ эти писатели согласно утверждаютъ, что Руфинъ призывалъ Алариха въ Грецію.

ясь въ Константинополь, не имѣть у себя въ тылу непріятеля и не открыть ему пути моремъ въ беззащитную Италію. А вступивъ въ войну съ Готами, Стилихонъ естественно ослабитъ свои силы, послѣ чего ему трудно будетъ бороться съ Восточной арміей. Даже если сія послѣдняя останется подъ властію его, а не будетъ прислана по требованію, то и тогда большой бѣды не будетъ: потому что во всякомъ случаѣ война Западнаго Министра продолжится много времени, въ которое обстоятельства могутъ измѣниться въ пользу его (Руфима). Еслибы наконецъ ни одно изъ этихъ ожиданій не сбылось, то Аларихъ, получивъ при его содѣйствіи чинъ главнокомандующаго и Грецію для заселенія, всегда будетъ защищать своего союзника противъ враговъ, которыхъ у него при Дворѣ было много. Но Руфимъ ошибался въ этомъ послѣднемъ. Аларихъ вовсе не думалъ служить ему орудіемъ, напротивъ онъ Руфима считалъ орудіемъ для себя. Ему нужно было званіе главнокомандующаго для того, чтобы имѣть рѣшительное вліяніе на Константинопольскій Дворъ; ему нужна была земля, гдѣ бы онъ могъ безопасно стать твердою ногою и откуда бы могъ дѣйствовать на обѣ Имперіи. Такимъ пунктомъ прекрасно могла служить ему Греція, занимавшая, по своему географическому положенію, средину между Западной и Восточной Имперіями и представлявшая, по своему плодородію и укрѣпленнымъ мѣстамъ, всѣ удобства для безбѣдной, спокойной и безопасной жизни. Такъ какъ союзъ обѣщалъ много выгодъ обѣимъ сторонамъ, то союзники стали дѣятельно приготовляться къ походу на Грецію. Руфимъ немедленно тайно переслалъ Готескому вождю значительное количество денегъ на издержки, необходимыя въ предстоящемъ походѣ (61); Аларихъ съ своей стороны подготавливалъ оружіе, провіантъ и исправлялъ другія нужды. Гораздо труднѣе было преодолѣть препятствія, противопоставленныя предприимчивому Готескому вождю самою природою и Греческимъ искусствомъ. Мы разумѣемъ Термопильскій проходъ, гдѣ въ то время была построена неприступная крѣпость, гдѣ горсть солдатъ могла удерживать цѣлую армію, а гдѣ между тѣмъ лежала единствен-

(61) Jornand. De regn. Success. 121.

ная дорога изъ Фессаліи въ Грецію. Руфинъ ввалъ на себя уничтожить и это препятствіе. Для этого онъ назначилъ Проконсуломъ Греціи нѣкоего Автіоха, отъявленнаго негодяя, котораго отецъ и братья давно уже прогнали изъ дому, а комендантомъ Термопильской крѣпости — какого-то Геронція, челоѣка не менѣе безиравственнаго. Оба они охотно согласились въ точности слѣдовать данной имъ Руфиномъ инструкціи на случай нападенія Алариха, т. е. первый — не предпринимать ничего противъ Готевъ, а второй — при приближеніи ихъ къ Термопиламъ, сдать крѣпость безъ бою и съ своимъ гарнизономъ отступить (62). Такимъ образомъ приготовленія союзниковъ шли успѣшно. Впрочемъ, какъ ни скрытно дѣйствовали они, Серена чрезъ агентовъ своего супруга успѣла проникнуть въ замыслы Восточнаго Министра и развѣдать о результатахъ его переговоровъ съ Готескимъ вождемъ, и немедленно дала знать объ этомъ въ Иллирію Стилихону. Этотъ послѣдній почти съ ужасомъ свѣдалъ о приготовленіяхъ своихъ враговъ; онъ постигнулъ опасность, которою угрожали всей его политикѣ съ такою адскою хитростію задуманные планы Восточнаго Министра и предпримчивость Алариха; слѣд. понятно, почему онъ рѣшился пожертвовать половиною арміи и отпустилъ ее на Востокъ, какъ скоро того потребовалъ Константинопольскій Дворъ, лишь бы только навсегда освободиться отъ Руфина.

Стилихонъ полагалъ, что съ погибелью Руфина самъ собою уничтожится союзъ его съ Готескимъ вождемъ, и съ этою мыслію отправился въ экспедицію въ Германію, намѣреаясь, по усмиреніи тамъ варваровъ, приступить къ исполненію своего Восточнаго проекта. Но такой челоѣкъ, каковъ былъ Аларихъ, не любилъ останавливаться на среднѣхъ дѣлахъ, а тѣмъ менѣе задуманное однажды оставлять безъ исполненія. Смерть Руфина ниѣла для него только то слѣдствіе, что замедлило на нѣсколько времени походъ въ Грецію. Онъ рѣшился только переждать зиму. Между тѣмъ, какъ уже извѣстно, обстоятельства расположились въ его пользу: Стилихонъ былъ въ Британіи, Евтропій въ началѣ весны отправился съ арміею въ Азію и такимъ образомъ

(62) Zon. lib. V, 3, 6.

обѣ части Имперіи были безъ войска. Аларихъ не пропустилъ этого столь благопріятнаго для себя времени, и въ Мартѣ 396 года, съ многочисленными толпами Готевъ и другихъ варваровъ, соединившихся съ нимъ, двинулся въ Оракинъ (63). Онъ безпрепятственно прошелъ Македонію и быстро явился въ Фессаліи. Здѣсь, при источникѣ Тенейскомъ, горсть удалцевъ рѣшилась дать отпоръ Готамъ: врасплохъ, стремительно ударила на нихъ и положила на мѣстѣ до трехъ тысячъ человекъ; но зато, когда Готы оправились отъ неожиданнаго нападенія, эти предприимчивые Фессалійцы почти все были истреблены, и только незначительная часть спаслась бѣгствомъ (64). Аларихъ не счелъ нужнымъ преслѣдовать бѣгущихъ, и скорымъ маршемъ пошелъ въ Термопиламъ. Геронній, сколько въ слѣдствіе тайно заключеннаго условія съ Готескимъ вождемъ, столько же въ слѣдствіе малодушія, вышелъ съ своимъ гарнизономъ изъ крѣпости и отступилъ на Италійскій перешеекъ. Черезъ незащищаемый никѣмъ проходъ Готы вступили въ Грецію. Не для чего, кажется, говорить, что земли, черезъ которыя они проходили, были опустошены страшнымъ образомъ. Всякой, кто только былъ способенъ носить оружіе, былъ убиваемъ. Жены и дѣти цѣлыми тысячами съ воплемъ и рыданіями шли за варварами, своими плѣнителями; а они, одѣтые въ кожи, двигались все впередъ нестройными массами, звѣня оружіемъ и оглашая воздухъ военными кликами; а между тѣмъ тамъ и самъ горѣли деревни и города, и пламя, клубясь и вздымаясь, освѣщало ночью эту дикую толпу, и тѣмъ довершало ужасную картину варварскаго вшествія. Считаю безполезнымъ терять много

(63) Zos. lib. V, 6. Зосимъ, подробно описавшій этотъ походъ, перемѣшалъ событія; онъ несправедливо полагаетъ, что этотъ походъ былъ прежде умерщвленія Руфина, и что Стилихонъ отослалъ Восточную армію уже послѣ похода. Все другіе писатели говорятъ вопреки Зосиму. Эта ошибка, по всей вѣроятности, произошла отъ того, что онъ пропустилъ первый годъ послѣ смерти Феодосія, когда варвары, призванные Руфиномъ, опустошили Оракию и Македонію, и соединили два варварскія вторженія въ одно. *Cof. Sacr. VI, I. Philostorg. XI 3.*

(64) Объ этомъ энергическомъ сопротивленіи Фессалійцевъ упоминаетъ одинъ только Сократъ. *Hist. Eccl. VII, 10.*

времени на осаду Фивъ, которые въ то время были очень хорошо укрѣплены, Аларихъ пошелъ на Аѳины, съ намѣреніемъ взять и разрушить ихъ; но, сверхъ всякаго чаянія, онъ не сталъ осаждать города, который былъ колыбелью и въ то время убѣжищемъ наукъ и искусствъ, а напротивъ вступилъ въ переговоры въ жителями; результатомъ ихъ было то, что онъ вступилъ въ городъ съ немногими своими приближенными, далъ тамъ пиръ важнѣйшимъ сановникамъ, послѣ чего оставилъ Аѳины и Аттику, не сдѣлавъ имъ ни малѣйшаго вреда (65). Откуда чрезъ Мегариду и Истмійскій перешеекъ, который Геронцій также не заблагоразсудилъ защищать и безъ бою отступилъ, Аларихъ вторгнулся въ Маѣ въ Южную Грецію: всѣ города безъ бою сдавались Готамъ. Послѣ того, какъ они разорили Спарту, которая рѣшилась было сопротивляться, и стали лагеремъ въ плодородныхъ долинахъ между горами Тайгета и рѣкою Эвротомъ, Аларихъ началъ дѣлать приготовленія къ экспедиціи въ Италію (66). Въ то самое время, когда главная армія его опустошала вдоль и поперекъ Пелопонезъ, часть Готевъ съѣла на суда, захваченныя въ Коринѣской гавани и въ другихъ приморскихъ пунктахъ, и явилась въ Адриатическомъ морѣ; нѣкоторые суда проникли даже въ Средиземное море. Завявъ Сардинскія бухты и утвердившись въ скалахъ Корсики, Готы угрожали Сициліи (67) и могли тревожить Италію съ Западной стороны въ то время,

(65) Зосимъ приписываетъ это распоряженію Алариха тому впечатлѣнію, которое произвели на него статуи Минервы, покровительницы Аѳинъ, стоящей на городской стѣнѣ, и Ахиллеса, поставленнаго предъ стѣною. Но, безъ сомнѣнія, это было не такъ: Аларихъ, какъ Христіанинъ, не раздѣлялъ съ Зосимомъ того уваженія къ языческимъ богамъ, какое сей послѣдній, какъ язычникъ, питалъ къ нимъ. Странно было бы подумать, чтобы такого безстрашнаго человека, каковъ былъ Аларихъ, могли испугать изображенія боговъ, которые для него не имѣли ровно никакого значенія. Это только указываетъ на то, что Аларихъ читилъ все прекрасное, равно какъ и убѣжище его. Съ другой стороны, онъ спѣшилъ въ плодородныя долины Морем. *Zos. lib. V, 6, 7.*

(66) *Claud. De bello Getic. 200—225.*

(67) *Ibid.*

когда Аларихъ съ главною арміею сдѣлалъ бы нападеніе на Кадабрію и Апулію (68).

Между тѣмъ Стилихонъ, устроивъ дѣла въ Германіи и Британіи, отправился въ Галлію, чтобы и тамъ усмирить ибкаторыхъ взбунтовавшихся князей и ввести по возможности порядокъ, какъ вдругъ въ одно и то же время получилъ вѣсть объ измѣнѣ Гайны, интригахъ Евтропія и о вторженіи Алариха въ Грецію. Къ счастью, бунтовщики скоро утихли, и онъ, хотя чувствовалъ нужду долѣе пробыть въ странѣ, но въ то же время видѣлъ, что его ждутъ гораздо важнѣйшія дѣла, и потому съ своими легіонами и новобранцами быстро явился въ Италіи (69). До вступленія сюда, Стилихонъ еще не зналъ объ успѣхахъ Готескаго вождя, и быстрое его движеніе имѣло цѣлю единственно внимательство въ дѣла Востока (70), и въ этомъ дви-

- (68) Свѣдѣній касательно движенія Стилихона изъ Галліи и военныхъ дѣйствій въ Пелопонезѣ въ подробности мы не находимъ ни въ одномъ писателѣ. Прѣвда, Зосимъ посвятилъ три главы (3, 6, 7) описанію этой войны, въ которой дѣятели являются два лучшіе полководца того времени, равно почти смѣлые и искусные; но онъ говоритъ только въ общихъ мѣстахъ обо всемъ, случившемся въ эту войну, и болѣе занятъ удивленіемъ, почему Аларихъ не сталъ осаждать Афинъ, и негодованіемъ за то, что онъ разорилъ Спарту, нежели сообщаетъ дѣла. У Клавдіана эти свѣдѣнія, какъ и всегда, разбросаны въ различныхъ мѣстахъ его твореній, какъ бы мимоходомъ и большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ старается изобразить заслуги Стилихона. Чтобы представить по возможности полную картину войны на основаніи этихъ отрывочныхъ данныхъ, мы по необходимости должны пополнять ихъ собственными соображеніями. Впрочемъ, мы представимъ основанія, на которыхъ утверждаемъ свои положенія, чтобы можно было видѣть, на сколько они вѣрны.

- (69) Вотъ какъ Клавдіанъ отзывается о дѣятельности Стилихона въ Германіи:

Nobilitant veteres Germanica foedera Drusus,

Marte sed ancipiti, sed multis cladibus emta.

Quis victum meminit sola formidine Rhenum?

Quod longis alii bellis potuere mereri,

Hoc tibi (Honorio) dat Stilichonis iter. De IV cons. Hon. 455—459.

- (70) Это видно изъ слѣдующаго:

Post otia Galli

Limittis, hortaris Grajas fulcire ruinas. Ibid. 459—460.

женіи вполнѣ выразилась его мысль, что Востокъ и Западъ должны составлять одну Имперію, и потому взаимно помогать другъ другу. Но по мѣрѣ приближенія Алариха къ Риму, вѣсть о дѣйствіяхъ его становилась все непріятнѣе для Западнаго Двора. Теперь, когда Готы плавали по Адриатическому морю и утвердились въ Средиземномъ, цѣль Стихихона должна была измѣниться; быстрое его движеніе стало теперь мѣрою для отъращенія грозы отъ Италіи. Впрочемъ, Стихихонъ чувствовалъ свое превосходство надъ Аларихомъ и положилъ напасть наглавыя силы Готовъ въ Грецію. Въ этомъ планѣ Римскаго полководца не лѣзя не замѣтить стратегическаго его таланта и не лѣзя не видѣть необыкновенной рѣшительности, въ силу которой уничтоженъ былъ весь, неменѣе искусно задуманный планъ Готскаго вождя. Аларихъ, когда узналъ о появленіи Стихихона въ Италіи, рассчитывалъ, какъ видно, что онъ прежде всего займется вытѣсненіемъ непріятелей изъ острововъ Корсика и Сардиніи и очищеніемъ отъ нихъ морей Средиземнаго и Адриатическаго, чтобы не имѣть врага у себя въ тылу, и потому спокойно жилъ въ Пелопонезѣ, ожидая благопріятнаго времени, чтобы напасть на Италію. Это было въ первыхъ числахъ Іюня 396 года.

Стихихонъ стянулъ свою армію въ Апулію, оставивъ однакожь около Рима нѣсколько дивизій, чтобы было чѣмъ отразить непріятеля, еслибы ему вздумалось потревожить Италію. Тамъ онъ посадивъ армію на изрочно приготовленныя суда, Іоническимъ моремъ пустился въ Грецію (71), и при попутномъ вѣтрѣ скоро явился въ Коринвской гавани. Готы, плававшіе по Адриатическому и Іоническому морямъ, или не замѣтили Римскаго флота, или, что вѣрнѣе, побоялись вступить съ нимъ въ открытую битву. Какъ бы то ни было, только Стихихонъ въ продолженіе всего плаванія не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія. Аларихъ, кажется, не зналъ положительно, съ какою цѣлю снаряжена эта морская экспедиція, и едва ли былъ уведомленъ, что Стихихонъ плыветъ въ Грецію съ сильными корпусомъ; по крайней мѣрѣ

(71) *Ionium tegitur vellis, ventique laborant*

Tot curvare sinus: servaturasque Corinthum

Prosequitur facili Neptunus gurgite classes. De Cons. IV Honor.

461—464. *De laud. Sull. lib I, 172.*

онъ не предпринялъ рѣшительно никакихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать высадкѣ Финскихъ войскъ, или хотя затруднить ее, и по прежнему сталъ между Тайгетомъ и Эвротомъ. Наконецъ онъ долженъ былъ оставить спокойную и привольную жизнь въ долинахъ Лаконіи, когда узналъ, что Стилихонъ входитъ въ Коринѣскій заливъ, и поспѣшилъ со всѣми своими силами на встрѣчу врагу; но уже было поздно: Римскія войска уже успѣли высадиться и выбить изъ Коринѣа Готескій гарнизонъ, и приготовились къ наступательнымъ дѣйствіямъ (72). Аларихъ не рѣшился идти далѣе; но, занявъ не совсѣмъ выгодную для себя позицію въ узкой долинѣ между горами съ одной стороны и западными берегами Арголидскаго залива съ другой, приготовился здѣсь встрѣтить Стилихона и отразить его (73). Римскій главнокомандующій, вскорѣ послѣ того, какъ занялъ Коринѣъ, раздѣлилъ свою армію на два корпуса, одинъ перешелъ хребтъ Эрмизонтскій и остановился на правомъ берегу рѣчки Ладона (Ladon), впадающей въ Алфей, и долженъ былъ отражать

(72) Claud. De IV Consul. Honorii, 465 sqq.

(73) Достоверность этого намерѣнія мы основываемъ на слѣдующихъ свѣдѣтельствахъ и соображеніяхъ. Что Готы стояли между Тайгетомъ и Эвротомъ, когда Стилихонъ плылъ въ Пелопонезъ, это видно изъ слѣдующаго мѣста Клавдіана:

*Ipsae, qua durius olim
Resistenter Medis, primo conamine ruptae
Thermopylae: vallata mari Scironia rupes,
Et duo continuo connectens sequora muro
Isthmos, et angusti patuerunt claustra Lechaei.
Nec tibi Parrhasios licuit munire colonos
Frondosos, Erymanthe, jugis, equiteque summi*

Culmina Taygeti trepida vidistis Amyclae. De bello Get. 186—198.

Этими Клавдіанъ и оканчиваетъ краткое повѣствованіе объ опустошеніи Греціи Аларихомъ и здѣсь, около Тайгета, останавливаетъ Готевъ. То же самое подтверждаетъ и Зосимъ; онъ также, рассказывая о нашествіи Алариха на Грецію, доводитъ его до Спарты, которая находится недалеко отъ Тайгета, и здѣсь его оставилъ, переходя непосредственно къ движенію Стилихона.

Въ другомъ мѣстѣ, описывая подвиги Стилихона въ Пелопонезѣ, Клавдіанъ начинаетъ съ дѣйствій его при Аргосѣ, Тагесѣ и Менаѣ; значитъ Аларихъ изъ долины Приваротской двинулся прежде всего къ Арголидскому заливу. De bello Getico. 574 sqq.

всякое покушеніе варваровъ, плавающихъ въ моряхъ, къ соединенію съ главною арміею съ этой стороны и пресѣкать путь къ отступленію Алариха; другой, многочислѣннѣйшій, подъ личнымъ начальствомъ самого Стилихона, двинулся къ Аргосу и расположился на высотахъ близлежащихъ горъ. Аларихъ не зналъ, что у него во флангѣ стоитъ непріятельскій корпусъ, и полагая, что Стилихонъ хочетъ обойти его и такимъ образомъ запереть его въ занятой позиціи, поспѣшили уничтожить этотъ видимый планъ Стилихона и самъ, перешедши горы, отдѣляющія Арголиду отъ Аркадіи, сталъ при рѣкѣ Алфеѣ на скатѣ горы Менала, съ намѣреніемъ при первой неудачѣ уйти изъ Пелопонеза чрезъ Эримантъ. Чтобы имѣть время укрѣпиться здѣсь, Аларихъ оставилъ въ Аргосѣ значительный корпусъ, который долженъ былъ удерживать Римлянъ и не пускать далѣе. Но всѣ эти распоряженія Готскаго вождя не достигли своей цѣли. Стилихонъ скорѣе, чѣмъ предполагалъ Аларихъ, спустился съ занятыхъ имъ высотъ и устремился противъ авангарда непріятельской арміи; тотъ не выдержалъ натиска Римскихъ легіоновъ и, оставивъ Аргосъ, поспѣшно сталъ отступать, чтобы соединиться съ главною арміею; но Стилихонъ искуснымъ маневромъ отрѣзалъ его, успѣвъ зайти ему во флангъ, и заставилъ бѣжать въ Лаконию тою же дорогою, по которой Готы пришли отсюда на стрѣчу Римлянамъ. Онъ не заблагоразсудилъ преслѣдовать бѣгущихъ, а предоставивъ это другому времени, направилъ свои силы противъ самого Алариха, и неожиданно явился на горахъ Менала въ виду Готеовъ. Стилихонъ имѣлъ здѣсь то преимущество, что онъ занималъ высоты, тогда какъ Аларихъ расположился на низменныхъ мѣстахъ. Солдаты его смѣло и дружно побѣждали внизъ подъ гору и смяли Готеовъ. Нѣсколько тысячъ легко ихъ на мѣстѣ. Аларихъ однакожъ не потерялъ присутствія духа: въ порядкѣ отступивъ внизъ по теченію Алфеи, онъ сталъ твердою ногою въ горахъ Фолоенъ (74). Теперь, когда Аларихъ

(74) Zos. lib. V, c. 7. Мы показали въ предыдущемъ примѣчаніи, что военныя дѣйствія Стилихона съ Аларихомъ прежде всего открылись при Аргосѣ. Это несомнѣнно. Но что Готская армія была раздѣлена Стилихономъ, это требуетъ поясненія. Положительныхъ указаній на этотъ фактъ нѣтъ; однакожъ несомнѣнность его выте-

былъ въ срединѣ Аркадіи, въ мѣстѣ неприступномъ, Стилихонъ распорядился такъ: укрѣпившись въ горахъ Менахи и городѣ Теретѣ (75), изъ котораго также были выгнаны Готы, и заградилъ всѣ проходы, по которымъ можно бы было отступить Готскому вождю съ этой стороны, онъ съ отборными солдатами пошелъ по слѣдамъ бѣжавшаго въ Лаконию непріятельскаго авангарда; здѣсь Стилихонъ достигнулъ его на рѣкѣ Евротѣ и нанесть ему жестокое пораженіе (76). Готы бѣжали. Римскій полководецъ неутомимо преслѣдовалъ ихъ и при подошвѣ отрога Тайгетскаго Лицея (Licaeus) въ другой разъ разбилъ ихъ (77); немногіе только успѣли спастись въ Аркадію и тамъ соединиться съ Аларихомъ.

Теперь Готы были окружены почти со всѣхъ сторонъ, всѣ главные проходы были заняты Римскими легіонами; въ восточныхъ, ведущихъ въ Арголиду и къ Коринѳу, какъ мы уже знаемъ, стояли Римскіе солдаты; на Югѣ тоже, послѣ Лицейскаго дѣла, поставлены были отряды; туда стремиться Алариху не было ни малѣйшей пользы; надѣяться, что съ этой стороны подоспѣютъ къ нему на помощь Готы, плававшіе въ моряхъ, было трудно; объ нихъ не было никакого слуха, и они, по всей вѣроятности, удовольствовавшись тѣмъ, что опустошили нѣсколько острововъ, удалились во-свояси, какъ скоро узнали о ходѣ дѣлъ въ Пелопонезѣ, столь неблагоприятномъ для нихъ. На Сѣверо-За-

каетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Если предположить, что Аларихъ со всюю арміею держался противъ Римлянъ и со нею опять бросился въ Лаконику, то какъ же онъ могъ въ короткое время (потому что война здѣсь продолжалась очень немного времени), даже почти въ одно и то же время явиться въ срединѣ Аркадіи: фактъ достовѣрный? Притомъ же, говоря о битвахъ при Евротѣ и Лицѣ (In X p. Cons. Stil. lib. I, 181 sqq.), Клавдіанъ, который вездѣ старается сопоставить Стилихона съ Аларихомъ, не упоминаетъ, чтобы послѣдній здѣсь былъ разбитъ, а просто говоритъ, что Готы были поражены. Значитъ Аларихъ былъ въ другомъ мѣстѣ, когда происходили стычки въ Лаконикѣ и Мессеніи, и именно въ горахъ Фолоенъ.

(75) De bello Getico. 874 sqq.

(76) Prim. Cons. Stil. lib. I, 181 sqq.

(77) Ibid.

падѣ, гдѣ было всего болѣе мѣстныхъ удобствъ къ отступленію, между рѣчкою Лалонюмъ и хребтомъ Эримантскимъ, расположенъ, какъ уже извѣстно, цѣлый корпусъ, еще до сихъ поръ не бывшій въ дѣлѣ, и къ нему теперь отправился самъ Стилихонъ съ нѣсколькими когортами для большаго усиленія этого пункта. Аларихъ ожидалъ, что Стилихонъ навадетъ на него, и потому занялся укрѣпленіемъ новой своей позиціи въ твердыняхъ Филоена; онъ видѣлъ опасность своего положенія, но вѣрилъ въ свою судьбу и думалъ, что при атакѣ Стилихона 'если не выиграетъ битву, то по крайней мѣрѣ найдетъ какъ-нибудь возможность выйти изъ Целоповеа. Вскорѣ однакожь онъ долженъ былъ отказаться отъ этой надежды. Стилихонъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія вступить въ бой съ Готами и штурмовать неприступное для того времени укрѣпленіе, гдѣ они засѣли, когда видѣлъ, что онъ безъ всякой потери солдатъ можетъ истребить непріятеля голодомъ, или даже заставить его сдаться. Положеніе Готевъ было отчаянное. Аларихъ хотѣлъ-было пробиться чрезъ сѣверныя горы Аркадіи (78), но здѣсь съ урономъ былъ отраженъ и долженъ былъ возвратиться на прежнее мѣсто. Между тѣмъ открылся у Готевъ недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и повальная болѣзнь (79). Готскій вождь съ грустію видѣлъ, какъ лучшіе солдаты предъ его глазами умираютъ отъ истощенія и болѣзни.

Однакожь душа его не ослабѣла въ этой опасности, такъ что, не смотря на всю кажущуюся безвыходность изъ этого положенія, онъ не хотѣлъ допустить и мысли о сдачѣ военнопленнымъ. Въ то время, а это было въ началѣ Сентября, когда Стилихонъ считалъ Алариха уже въ своихъ рукахъ, со-дѣла-денъ ждалъ отъ него предложенія о мирѣ, и потому ослабилъ дисциплину, дозволивъ своимъ солдатамъ разныя вольности, въ

(78) Клавдіанъ, сказавъ о битвѣ на горахъ Мевала, о пораженіи на р. Евротъ и при Лицеѣ, непосредственно за симъ продолжаетъ:

Te pugnantē resurgens

Aegre caput mediis erexit Graecia flammis.

Plurima Parrhasius tunc inter corpora Ladon

Haesit: et Alpheus Geticis angustus acervis

Tardior ad sículos etiamnum pergit amores.

(79) *De IV consul. Honorii. 466.*

это время Готскій вожь не дремалъ, постоянно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ непріятельскомъ станѣ и, ободря приунывшихъ Готеовъ, задумывалъ съ честію выйти изъ тѣсноты. Какъ это случилось, какой маневръ употребилъ Аларихъ, чтобы спастись со всѣмъ своимъ войскомъ, прямыхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Можно предположить, на основаніи нѣкоторыхъ намековъ Клавдіана, положенія страны и расположенія въ ней Римскихъ войскъ, что онъ перешелъ, непримѣченный Стилихономъ, рѣку Алфей, потомъ быстро прошелъ чрезъ горы Элиды и, въ другой разъ перешедши Алфей, явился во флангъ непріятелю; и хотя онъ долженъ былъ выдержать сильный натискъ Стилихона въ горахъ Эримантскихъ, но успѣлъ отбиться. Какъ бы то ни было, только Аларихъ спасся изъ этой искусно задуманной засады. Не нужно обвинять здѣсь Стилихона, безопасности котораго Зосимъ приписываетъ упущеніе Готеовъ изъ рукъ. Стилихонъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не былъ развратнымъ, да еще до такой степени, чтобы во время войны напиваться пьянымъ и предаваться распутству съ безчестными женщинами, что утверждаетъ Зосимъ (80). Если онъ дозволилъ подобное своимъ солдатамъ, то мы согласимся, что это было съ его стороны необходимо, когда вспомнимъ, какимъ своевольнымъ духомъ заражено было въ ту эпоху Римское войско. Причина этого почти чудеснаго отступленія заключалась въ гениальности Готскаго вожь, и дѣйствительно здѣсь Аларихъ явилъ въ себѣ необыкновенный талантъ полководца. Аларихъ едва оставилъ за собою Истмійскій перешеекъ, скорымъ маршемъ пошелъ по Средней Греціи и быстро явился въ Эпиръ. Готы, какъ бы мстя за смерть своихъ товарищей, истребляли все, что попадалось имъ на пути. Стилихонъ однакожь хотѣлъ преслѣдовать непріятеля и, стянувъ свои войска въ Ахайю, думалъ настигнуть непріятеля и въ Эпиръ, и такъ смирить непреклонную гордость Алариха. Предводя гораздо многочислѣннѣею армію, имѣя флотъ и, слѣдовательно, возможность въ двухъ пунктахъ, съ моря и сухаго пути, вторгнуться въ Эпиръ, онъ, безъ сомнѣнія, достигъ бы своей цѣли,

(80) Zos. lib. V, 7.

еслибы по-видимому страшное, но на самомъ дѣлѣ подготовленное ходомъ событій, обстоятельство не помѣшало ему въ томъ. Оно было плодомъ политики Восточнаго Двора.

Правительство Восточной Имперіи не принимало рѣшительно никакихъ мѣръ къ защищенію Греціи, да едва ли и могло оно что-нибудь сдѣлать въ ея пользу, не потому впрочемъ, чтобы въ Восточной Имперіи не лезя было найти для этого достаточно силъ и средствъ; заключая въ своемъ составѣ гораздо болѣе единства, чѣмъ Имперіи Западная, она имѣла ихъ; но силами, этими, которыя поддерживали Имперію уже въ продолженіе 1000 лѣтъ, распоряжался Евтропій и Императрица Евдоксія. Евтропій съ самаго начала своей власти мало обратилъ вниманія на чрезвычайно живой и современный тогда вопросъ—на Готевъ и ихъ отношенія къ Имперіи, и занятый политикою въ отношеніи къ Западу, кажется, даже совершенно упустилъ его изъ виду. Какъ бы то ни было, только, какъ уже извѣстно, онъ отправился въ Азію, не оставивъ во Европѣ почти нисколько войска, чѣмъ воспользовались Готевы и напали на Грецію. Евдоксія, оставшаяся во Европѣ и управлявшая государствомъ именемъ своего супруга, еслибы и желала, то ничего безъ войска не могла бы сдѣлать противъ Алариха; да притомъ это была женщина тщеславная и пустая, заботившаяся болѣе о нарядахъ, чтобы блистательнѣе явиться въ циркѣ, чѣмъ о государственныхъ дѣлахъ и общественномъ интересѣ. Евтропій, воротившись изъ похода въ то самое время, когда въ Аркадіи происходили военные дѣйствія и Аларихъ прививалъ все болѣе и болѣе опасное положеніе, и когда, слѣд., небольшая помощь со стороны Константинопольскаго Двора Стихиху могла нанести Готевъ рѣшительный ударъ,—Евтропій предоставилъ окончаніе войны самой себѣ. Онъ поступалъ такимъ образомъ и какъ глубоко безнравственный человѣкъ, который не имѣетъ привычки озабочиваться тѣмъ, что не обѣщаетъ ему существенной пользы, и какъ политикъ, видѣвшій въ этой войнѣ ослабленіе сразу двухъ враговъ. Потому, предоставивъ Грецію самой себѣ, какъ будто бы она была совершенно чуждою Имперіи, Евтропій счелъ за лучшее и полезнѣйшее для себя позаботиться, какъ бы походъ свой представить Константинопольцамъ въ лучшемъ свѣтѣ и воз-

будить въ нихъ удивленіе къ своимъ подвигамъ (81). Но едва только обстоятельства въ Аркадіи намѣнились, едва только Аларихъ занялъ Эпиръ, какъ евнухъ все свое вниманіе обратилъ на театръ войны. По настоящему, нужно было бы ожидать, что Восточное правительство немедленно пошлетъ войско противъ Готевъ, чтобы тревожить ихъ съ одной стороны въ то время, какъ Стилихонъ нападетъ бы на нихъ съ другой. Но Евтропій, а съ нимъ конечно и весь Дворъ рассуждали иначе. Мало того, что они не послали подкрѣпленія Стилихону; они сочли нужнымъ воспрепятствовать его успѣхамъ. Не смотря на счастливое отступление Алариха, Евтропій не могъ не замѣтить, что перевѣсъ еще на сторонѣ Стилихона, и что если сей послѣдній пойдетъ

-
- (81) Клавдіанъ превосходно, съ необыкновеннымъ сарказмомъ изобразилъ это усиліе Евтропія показаться въ глазахъ народа достойнымъ занимаемаго имъ мѣста въ Имперіи. Я привожу здѣсь эти слова, чтобы, въ одной стороны, показать сатирическій талантъ Клавдіана, а съ другой — характеръ отношеній Министра къ народу, — характеръ, который замѣчается въ большей или меньшей степени въ дѣйствіяхъ и послѣдующихъ Министровъ, а отсюда — такъ какъ это было въ время войны, — политику его къ Западному Двору, въ высшей степени холодную и равнодушную.

*Ille (Eutropius) tamen (quidem servum, mollemque pudebit)
 Aut quid in hoc vultu poterit flagrare ruboris?
 Pro victore redit. Peditum vexilla sequuntur.
 Et turmae similes, eunuchorumque manipuli,
 Hellespontiacis legio dignissima signis.
 Obvius ire cliens, defensoremque reversum
 Complecti. Placet ipse sibi, laxasque laborat
 Distendisse genas, siccumque inflatus anhelat,
 Pulvere respersus tinea, et solibus ora
 Pallidior, verbisque sonat plorabile quiddam
 Ultra nequittam fractis, et praelia narrat:
 Perque suam tremula testatur voce sororem
 Defecisse vagas ad publica commoda vires,
 Cedere livori, nec sustentare procellas
 Invidiae, mergique fretis spumantibus orat
 Exoretque utinam! dum talia fatur, ineptas
 Detergit lacrimas, atque inter singula dicta
 Flebile suspirat. Qualis venit arida socrus
 Longinquam visura nurum: vix lasa resedit,
 Et jam vina repetit. — In Eutrop. lib I, 252—271.*

въ Эпиръ, то Готамъ придется плохо; а послѣ этого онъ, какъ спаситель Греціи, будетъ имѣть полное право на большое значеніе при Восточномъ Дворѣ и на вѣншательство въ дѣла Имперіи, и, безъ сомнѣнія, будетъ домогаться этого права; домогательство же это не можетъ не имѣть успѣха, съ одной стороны, потому, что такой подвигъ Стихона, какъ избавленіе Греціи отъ Готевъ, за который и безъ того благословили его во всей Греціи, будучи довершенъ коначнымъ истребленіемъ силъ Готевъ, встрѣтитъ всеобщую признательность народа и сочувствіе къ намѣреніямъ своего виновника, а съ другой—дорога, благодаря походу Алариха, совершенно была открыта въ Константинополь, куда онъ, безъ сомнѣнія, не замедлитъ явиться. Такого рода результатъ войны, очевидно, совершенно не согласовался съ политикою Евтропія и вообще Восточнаго Двора. Чтобы воспрепятствовать этому, Восточный Дворъ согласился дать Алариху санъ *Magistri militum* и земли для поселенія Готевъ въ Восточной части Иллирійской префектуры (82). Мы увидимъ ниже, что замыслы Готескаго вождя далеко не ограничивались этимъ приобрѣтеніемъ, и, слѣдовательно, можно положить, что только крайность заставила его согласиться на эти условія.

Такимъ образомъ кончилась эта война, которая, при широкости обоихъ Дворовъ, могла бы совершенно уничтожить Готескаго вождя. На Западѣ живо сознавали это и не находили словъ для выраженія своего неудовольствія противъ Востока за его почитку. Что же касается Стихона, то непріязненные распоряженія Константинопольскаго Двора глубоко опечалили его. Теперь онъ видѣлъ, что всѣ его труды пропали, что онъ напрасно погубилъ много времени, денегъ и людей, и что нужно оставить, или надолго отложить свою мысль о Востокѣ, и съ

(82) Восточная часть Иллирійской префектуры заключала въ себѣ два діоцеза: а) Македонію и б) Дакію. Къ первому относились слѣдующія шесть провинцій: Ахайя, Македонія, Фессалія, Критъ, Старый Эпиръ (*Epirus vetus*) и Новый Эпиръ. Къ второму діоцезу принадлежали: Дакія Средняя (*Dacia Mediterranea*), Дакія береговая, Мезія первая и вторая, Дарданія, Превалитана и часть Македоніи.

Въ Западной части Иллирійской префектуры были провинціи: Паннонія вторая, Савія, Далмація, Паннонія первая, Норика Средняя, Норика береговая. *Zos. Comment. Histor. p. 358.*

душою, полною горечи и досады, сѣлъ съ своимъ войскомъ на корабли и отправился въ Итадію, откуда вскорѣ поѣхалъ въ Прирейнскія провинціи. Не меньшее негодованіе (83) Восточная политика возбудила и во всѣхъ жителяхъ Италіи, преимущественно же въ солдатахъ. Повсюду громко кричали «Евтропій измѣнникъ». (84). Съ этого времени непріязнь и отчужденіе между Востокомъ и Западомъ, доселѣ не для всѣхъ замѣтныя, становятся очевидными и рѣшительными, и осень 396 года нужно почитать временемъ окончательнаго разсединенія между нами и образованія Греческой или Византійской Имперіи. Востокъ отстаивалъ свою независимость, такъ давно уже подготовляемую, и, отразивъ вліяніе Запада, которому хотѣлъ-было подчинить его Стилихомъ, пошелъ своею особою дорогою. Всѣ поздневѣщійя усилія какъ Стилихона, такъ и другихъ историческихъ дѣятелей соединить эти двѣ части Имперіи, такъ чтобы Римъ былъ владыкою, были напраснымъ трудомъ. Первая Готеская война, не доставивъ Западу желаннаго результата, само собою разумѣется, значительно ослабила его. Восточный Дворъ замѣтилъ это и въ свою очередь самъ рѣшился помогатьсѣ вліянію на него. Для достиженія этого онъ считалъ необходимымъ отторгнуть отъ Западной Имперіи какую-нибудь область и въ особенности желалъ

-
- (83) Claud. In Eutrop. lib. II. Вся эта книга Клавдіана есть не что иное, какъ самое сильное порицаніе политики Восточнаго Двора, и служить выраженіемъ общаго громкаго ропота Италянцевъ на него за уступчивость къ Алариху. Вотъ въ какихъ сильныхъ словахъ Клавдіанъ выражаетъ это негодованіе:

Qui foedera rumpit

Ditatur, qui servat eget. Vastator Achivae
Gentis et Epirum nuper populatus inultam
Praesidet Illyrico. Jam quos obsedit amicus
Ingreditur muros, illis responsa daturus,
Quorum conjugibus pollicitur natosque peremit.

- (84) Слѣдующія слова прямо указываютъ на политику Восточнаго Двора вообще и политику Евтропія въ особенности (Поэтъ обращаетъ свою рѣчь къ Евтропію):

Geminam quid dividis aulam,

Conarisque pios odiis committere fratres?
Te magis, at demens, veterem si respicis artem
Conciliare decet.

присоединить къ Востоку богатую и хлѣбородную Африку. Но какъ онъ не чувствовалъ въ себѣ большой рѣшимости, чтобы вступить въ явную борьбу съ Стилихономъ, то сдѣлалъ попытку достигнуть своей цѣли путемъ дипломатическимъ. Слѣдствіемъ этого стремленія была такъ-называемая Гильдонская война, въ которой вполне разоблачилась политика Константинопольскаго Двора со всею своею хитростію и пронырливостію; и хотя въ ней Восточный Дворъ равно не выигралъ ничего, но она еще разъ показала Стилихону, что Востокъ и Западъ слишкомъ уже отдѣлились другъ отъ друга, чтобы можно было надѣяться на соединеніе ихъ подъ одною властію.

Глава VI (85).

Дальнѣйшія дѣйствія Евтропія противъ Стилихона. — Замыслы Восточнаго Двора. — Гильдонъ. — Сношенія и заговоръ съ нимъ Евтропія. — Митяки Гильдона. — Интриги Восточнаго Двора. — Опасность въ Римѣ и распри жевія Стилихона. — Маспельдъ въ Африкѣ — и конецъ войны. — Слѣдствія ея.

Громкій ропотъ въ Италіи и гнѣвъ Стилихона произвели на Константинопольскій Дворъ и на Евтропія только то дѣйствіе, что они стали еще рѣшительнѣе въ своей политикѣ въ отношеніи къ Западу. Все еще опасаясь, чтобы Стилихонъ, по своему честолюбію, не вздумалъ явиться въ Константинополь и тамъ отмстить Двору за его неуиѣстное вмѣшательство въ военныя дѣйствія, Евтропій нашелъ нужнымъ положить однажды навсегда грань между Востокомъ и Западомъ, между тамошнимъ Министромъ и собою, такъ чтобы всѣмъ было извѣстно, что между этими двумя частями Имперіи и ихъ первыми Министрами нѣтъ ничего общаго. Для этого онъ убѣдилъ Императора созвать Сенатъ и публичнымъ декретомъ объявить Стилихона врагомъ Имперіи (86). Послѣ этого Стилихонъ, еслибы захотѣлъ искать власти на Востокъ, то не иначе могъ достигнуть этого, какъ

(85) Источниками для этой статьи служили: Claud. De bello Gildonico; In primum consul. Siff. lib. I et II. Zos. lib. V, 12. Орозій.

(86) Zos. lib. V, c. II.

только вооруженною рукою. Восточный Дворъ, какъ видно, думалъ, что Стилихонъ исполнитъ это, и многіе придворные упрекали Евтропія въ поспѣшности такого приговора. Но Стилихонъ, завятый устройеніемъ Германскихъ народовъ и введеніемъ тамъ порядка,—что, какъ мы видѣли, онъ оставилъ, когда возгорѣлась Готеская война, и что по окончаніи ея было еще необходимо,—не могъ обратить вниманія на выходку Евтропія, да и считалъ ее ничего невзначущего.

Восточный Дворъ съ своей стороны почелъ это презрѣніе къ опредѣленію Сената за выраженіе слабости; и потому немедленно измѣнилъ свою политику относительно Запада, сдѣлавъ ее изъ оборонительной наступательною, т. е. теперь онъ въ свою очередь самъ захотѣлъ потревожить западные интересы и на счетъ ихъ усилить свою Имперію. Восточному Двору было крайне непріятно, что онъ былъ вынужденъ согласиться на требованіе Готескаго вождя, и потому онъ обратилъ свое вниманіе на Африку, желая пріобрѣтеніемъ этой богатой страны вознаградить себя за утрату Иллирійской префектуры (87). Оружіемъ добыть эту область онъ не имѣлъ ни права, потому что со стороны Западнаго Двора не было никакого повода къ войнѣ, ни довольно силы и рѣшимости, чтобы вступить въ открытую борьбу съ Стилихономъ, неоднократно показавшимъ въ себѣ искусство отличнаго полководца. Константинопольскій Дворъ задумалъ пріобрѣсти Африку путемъ дипломатическимъ или, лучше сказать, хитростію и имѣлъ основаніе надѣяться достигнуть своей цѣли.

Въ то время намѣстникомъ Африканскимъ былъ нѣкто Гильдонъ. Человѣкъ этотъ успѣлъ обратить на себя вниманіе Θεодосія Великаго, и тотъ послалъ его въ Африку. Вотъ какъ изображаетъ Клавдіанъ характеръ этого Африканскаго намѣстника (88): «Вся-

(87) Конечно, Иллирійская префектура принадлежала Восточному правительству, а Аларихъ былъ въ ней только главнокомандующимъ; но это было только по имени, на дѣлѣ же можно было считать эти земли совершенно утраченными: потому что Аларихъ распоряжался тамъ, какъ хотѣлъ.

(88) De bello Gildonico. Мы дѣлаемъ только извлеченія изъ Клавдіана, который очень подробно говоритъ о характерѣ Гильдона, его жизни и служебной дѣятельности.

кой страшился проходить мимо его дворца; тамъ все блистало великолѣпствомъ и роскошью; тамъ за столомъ, уставленнымъ бутылками дорогихъ винъ и блюдами съ разными многоцѣнными яствами, сидѣлъ дряхлый старикъ; на отвисломъ и мрачномъ лицѣ его сладострастіе, жестокость и глупая спѣсь положили глубокую свою печать; по всѣмъ сторонамъ стола неподвижно стояли невольники съ сѣкирами и обнаженными мечами: это тѣлохранители подозрительнаго господина. Въ сторонѣ, недалеко отъ стола, подъ звуки музыки поютъ прекрасные мальчики, и вотъ молодая стройная вакханка, съ огненными глазами, быстро несетъ по полу, то вдругъ усталая останавливается, то опять скользнуть впередъ своимъ господиномъ, и ударяетъ въ тактъ. А онъ съ жадностію пьетъ, и страсти начинаютъ волновать его жалкое тѣло; лице пламенѣетъ. Но вотъ ему почудились, что одинъ изъ гостей, у котораго онъ недавно отнялъ молодую жену или дочь, что-то подозрительно смотритъ на него; при мысли, что этотъ гость замышляетъ отмстить ему, Гильдонъ блѣднѣетъ отъ злости и страха, и по одному мановенію его руки, бѣзънакъ мертвый падаетъ подъ ножами рабовъ. Сколь, можетъ быть, ни преувеличено это изображеніе; но, принимая во вниманіе другихъ писателей, сдѣлавшихъ также замѣтки объ этомъ лицѣ, нельзя не согласиться, что Гильдонъ выживалъ изъ ума. Стилихонъ не имѣлъ времени заняться разсмотрѣніемъ дѣлъ въ Африкѣ и, кажется, вполне полагался на преданность Римскому Двору престарѣлаго Гильдона. Въ ничтожной, безразличной душѣ Префекта это отсутствіе всякаго надзора за его дѣйствіями должно было еще болѣе развить сознаніе своего достоинства и желаніе безусловной независимости отъ правительства, и дѣйствительно Гильдонъ распоряжался въ Африкѣ, какъ полный владетель.

Отъ Евтропія не укрылась эта личность, равно какъ и образъ мыслей Гильдона о Западномъ Дворѣ; въ Константинополѣ посялся слухъ, что намѣстникъ Африканскій съ презрѣніемъ говоритъ о правительствѣ и объ опекунѣ Гоноріи. На этой личности Евтропій и основалъ свою надежду присоединить Африканскія земли къ Восточной Имперіи. Хитрый евнухъ постигъ, что изъ человѣка съ такимъ характеромъ и при незнавѣи его

положенія и хода дѣлъ въ обѣихъ Имперіяхъ, можно сдѣлать все, что угодно, лишь бы только умѣть приноровиться къ нему. Вскорѣ послѣ того, какъ Восточный Дворъ объявилъ Стилихона врагомъ Имперіи, Евтропій вошелъ въ сношенія съ Гильдономъ (89), на первый разъ ограничиваясь однакожь удивленіемъ къ его мнимымъ добродѣтелямъ и небывалымъ подвигамъ. Это вниманіе Восточнаго Министра возбудило въ мелочной душѣ Префекта гордость, а отсюда еще болѣе раваду въ немъ желаніе полной, самостоятельной власти и неповиновенія Римскому правительству и распоряженіямъ Стилихона. Сознавая свое вліяніе, произведенное на Гильдона, Евтропій спѣшилъ докончить начатое, и разными хитрыми происками довело его до того, что тотъ въ началѣ 398 года провозгласилъ себя Императоромъ. Евтропій, безъ сомнѣнія, не даромъ склонялъ Африканскаго Префекта къ мятежу; онъ понималъ, что Гильдонъ самъ собою, притомъ ненавидимый жителями Африки, не въ силахъ будетъ держаться противъ Стилихона, и волею или неволею, долженъ будетъ обраться къ покровительству Константинопольскаго Двора: потому что, при своей трусости, думалъ Евтропій, онъ скорѣе согласится предаться на сторону Востока, чѣмъ захочетъ испытывать счастья въ веровой борьбѣ съ талантливымъ Римскимъ полководцемъ.

Евтропій не ошибся въ своихъ расчетахъ. Едва Стилихонъ возвратился изъ Германіи и выказалъ обычную свою рѣшимость пресѣчь зло въ самомъ началѣ, какъ Гильдонъ струсилъ и убѣжалъ въ Ливійскія степи. Тогда Восточный Дворъ тайно обѣщалъ ему свою защиту, если только онъ признаетъ себя и Африку въ зависяности отъ Императора Аркадія. Гильдонъ, боявшійся, что Стилихонъ нечаянно нападетъ на него и разобьетъ его, охотно согласился на это предложеніе. Замыслы и интриги Восточной политики проникли въ Римъ, и Западный, Дворъ, по мысли

(89) Zos. lib. V, c. II. Οὗ δὲ γενομένου Γίλδωνα, παρὰ τὴν πᾶσαν ἔχοντα τῇσι πρὸ Καρχηδόνα Ἀβύτην τὴν ἡγεμονίαν δικαιοσύμενος, ἀφίσχισι διὰ τοῦτου τὴν χώραν τῆς Ὀυαρίου βασιλείας καὶ τῇ Ἀρκαδίου προσέειπεν. Это общее положеніе Зосима объ участіи Восточнаго Двора въ мятежѣ Гильдона пополняется Клавдіаномъ. In Prim. cona. Stil. lib. I 210—290. De bello Gildon. 260 usque ad finem.

Стилихонъ, требовалъ у Аркадія объясненія касательно такихъ дѣйствій. Восточный Дворъ спѣшилъ оправдаться; она представила Римскому Двору, что совершенно не знаетъ, почему Гемнадонъ поднялъ знамя бунта и почему задумалъ объявить себя и Африку присоединенными къ Восточной Имперіи, и не щадилъ увѣреній въ своемъ сочувствіи къ Западу, а между тѣмъ насколько не упоминалъ о томъ, отказывается ли онъ отъ своихъ правъ на Африку. Агенты Евтропія появились къ Римѣ и тамъ повели свои интриги: льстили первѣйшимъ сановникамъ, смущали народъ разнучными баснями; изъ Константинополя постоянно присылали грамоты за подписью Аркадія, гдѣ щедро разсыпались похвалы недавно объявленному врагомъ Имперіи Стилихону и важнѣйшимъ придворнымъ. Стилихонъ понималъ, что все это одиѣ уловки Восточнаго Двора, которымъ имѣютъ своею цѣлю запутать болѣе дѣло, замѣть вопросъ объ Африкѣ, поставить въ нерѣшительное состояніе Римское правительство. Серена, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, оказала и теперь очень много пользы ему; какъ женщина, владѣвшая необыкновеннымъ умѣньемъ обращаться въ свѣтѣ, одаренная какъ бы отъ природы чутьемъ распознавать все ее окружающее, Серена постигла, что нужно ей дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ. Ей нужно было знать прямую цѣль постоянныхъ посольствъ изъ Константинополя, и для этого она свела притворную дружбу съ Константинопольскими придворными; притворилась, что считаетъ искреннимъ ихъ деликатное поведеніе, сама ласкала ихъ, оказывая имъ всевозможные знаки почтенія, доставляла имъ всѣ роды увеселеній, а между тѣмъ она высчитывала каждый ихъ шагъ, записывала каждое ихъ слово. Константинопольскіе посланники, осажденные со всѣхъ сторонъ ея вниманіемъ, не могли выдержать свою роль: они высказывались, хотя и ненамѣренно и противъ своего желанія. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, Серена убѣдилась, что предположеніе ея мужа справедливо; она выразумѣла политику Евтропія, открылъ нѣкоторые изъ его плановъ. Разгадавъ такимъ образомъ политику Восточнаго Двора, Стилихонъ самъ сталъ дѣйствовать съ большою осторожностію; онъ не хотѣлъ дѣлать формальнаго разрыва съ Восточнымъ Дворомъ, чтобы не имѣть въ одно и то же время съ двухъ сто-

решъ враговъ (90), а потому на льстивыя письма, присылаемыя отъ имени Аркадія, онъ отвѣчалъ неменьшею лестию, чрезъ которую однакожь проглядывали козкіе намеки на счетъ дѣйствій Константинвопольскаго Двора. Это было тѣмъ необходимѣе, что Гильдонъ съ началомъ весны оправился отъ перваго испуга и, подстрекаемый Евтропіемъ, опять явился въ Карфагенъ и не пропускалъ въ Римъ ни одного корабля съ хлѣбомъ. Извѣстно, что Италия большую часть хлѣба получала изъ Африки, слѣд. съ пресѣченіемъ подвоза изъ этой страны, цѣна его должна была возвыситься, а какъ, въ слѣдствіе жестокой зимы, на весну поля не могли дать хорошей жатвы, то въ Римѣ открылся голодъ.

Всѣ эти обстоятельства требовали мѣръ рѣшительныхъ. Стилихонъ еще во время зимы собралъ войско для похода въ Африку и снарядилъ двѣ флотиліи, изъ которыхъ одна должна была перевести туда солдатъ, а другая назначалась подъ провіантъ. Но весною, когда надлежало приводить въ исполненіе всѣ эти приготовленія, вдругъ солдаты, вѣроятно въ слѣдствіе митригъ Евтропіевыхъ агентовъ, отказались повиноваться распоряженіямъ Стилихона, и не хотѣли плыть въ Африку, говоря, что ихъ ждетъ вѣрная погибель въ этой жаркой странѣ. Въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ, доказывающемъ, какъ много нужно было имѣть мужества, терпѣнія и благоразумія, чтобы управлять государствомъ въ описываемую нами эпоху, въ этомъ обстоятельствѣ Стилихонъ возстановилъ древнее обыкновеніе, по которому Сенатъ распоряжался началомъ, ходомъ и концомъ войны (91). Созванный Сенатъ, который, безъ

(90) Вотъ какъ Клавдіанъ изображаетъ эту опасность Западу съ двухъ сторонъ: *Surgebat varia geminum formidine bellum*:

Нос (т. е. Африка) *armis*, hoc (Востокъ) *triste dolis*: hoc *Africa saevius*
Cinxerat auxillis; hoc *confratus aiebat*
Insidiis Oriens. *Illinc edicta meabant*

Corrupture duces etc. (In primum consul. St. lib. I 274 sqq.).

(91) Это обстоятельство у Клавдіана описано слѣдующимъ образомъ:

Hoc quoque non parva fas est cum laude relinqui,
Quod non ante fretis exercitus adstitit ultor,
Ordine quam prisco censeret bella Senatus.
Neglectum Stilichon per tot jam secula morem

сомнѣнія, находился подъ вліяніемъ Стихикона, придавъ этому случаю особую торжественность, долженъ былъ произнести и дѣйствительно произвелъ сильное впечатлѣніе на народъ и солдатъ своимъ консультомъ, даннымъ всѣмъ чиновникамъ Имперіи: *deut operam, ne quid ditrimenti respublica capiat*. Это вызвало въ солдатахъ воспоминаніе о прежнемъ счастливомъ времени грозной, могущественной республики и вдохнуло въ нихъ ободряющую мысль, что и теперь Римъ силенъ, какъ и прежде, и что, хотя большая часть изъ нихъ не можетъ похвалиться происхожденіемъ отъ Римской крови, но они ни въ чемъ не уступать древнимъ Римскимъ солдатамъ, и что наконецъ по службѣ они сами Римляне. (Извѣстно, что варвары очень дорожили званіемъ Римлянина и чиномъ Римскимъ). Хотя это чувство, одушевлившее на минуту Римъ, было похоже на чувство челоуѣка, быстро идущаго къ могилѣ, но когда-то полнаго жизни и жизненнаго здоровья, увѣреннаго, что онъ еще по прежнему силенъ и проживетъ долго, но все же оно вознигло свое дѣйствіе: солдаты, одушевившись, требовали, чтобы ихъ немедленно вели на битву.

Стихиконъ однакожъ остался въ Римѣ, потому что съ одной стороны Римъ и Італія, по случаю дороговизны хлѣба, находились въ безпокойствѣ и безпорядкѣ, которыя могли превратиться въ явный бунтъ, и потому требовали неусыпнаго надзора: а съ другой потому, что надлежало опасаться непріятельскихъ дѣйствій отъ Восточнаго Двора,—что всего скорѣе могло случиться въ отсутствіе Стихикона (92): потому онъ старался выбрать вмѣсто себя другого вождя. Выборъ его палъ на Магнелла, брата Гильдонова. Этотъ челоуѣкъ уже давно горѣлъ желаніемъ отмстить Гильдону за то, что тотъ въродомно умертвилъ его сыновей, и за многія другія обиды и оскорбленія, которыя пре-

*Retulit, ut ductus manderent proelia patres,
Decretoque togae felix legionibus irae
Tessera. Romuleas leges reditisse fatemur,
Quum procerum jussis famulantiâ certamus arma.
In prim. Consul. Stil. lib. I, 325 sqq*

- (92) Клавдіанъ еще предполагаетъ, что Стихиконъ потому самъ не повелъ войско въ Африку, что опасался, чтобы Гильдонъ опять не убѣждалъ въ Ливію при извѣстіи о приближеніи его. Но это побужденіе, если оно и было въ Стихиконѣ, конечно, самое маловажное.

терпѣлъ отъ него, и съ радостію теперь видѣлъ, что время мщенія наступило (93).

Гильдонъ между тѣмъ не думалъ оставлять своихъ привычекъ: полагаясь на содѣйствіе Евтропія, онъ по прежнему проводилъ время въ пьянствѣ и грубомъ развратѣ, по прежнему изъ-за одного подозрѣнія или корыстолюбія поражалъ опалаго и праваго, и виноватаго. Посему, цисколько не заботясь о томъ, что дѣлаетъ его непріятель, онъ не препятствовалъ высадкѣ Римскихъ войскъ, а опомнился только тогда, когда было уже поздно. Безъ труда разбивъ отдѣльные отряды Гильдона, стоявшіе въ различныхъ пунктахъ, Масцельдъ устремился на главныя силы мятежника. Войско Гильдона состояло изъ 70 тысячъ человекъ и занимало позицію при рѣкѣ Аккаліусѣ, между городами Тебастомъ и Митридеромъ. Одушевленный жестію и ненавистію къ своему брату, Масцельдъ сѣло повелъ свое, въ нѣсколько разъ малочислѣннѣйшее, войско на лагерь мятежника (94). Онъ былъ проникнутъ мыслию, что самъ Богъ поможетъ ему отнестись злодѣю, и врасплохъ, стремительно ударилъ на врага; скоро одна часть войска мятежника была истреблена, а другая бѣжала. Хотя Гильдонъ также успѣлъ убѣжать; но, оставленный всѣми, онъ ничего не могъ лучше придумать, какъ прекратить жизнь самоубійствомъ: онъ удавился. Смертію его спокойствіе въ Африкѣ было возстановлено.

Окончаніе Гильдонской войны произвело различныя впечатлѣнія на Дворы Восточный и Западный. Какъ порожденіе политики Государства, только что начавшаго независимую отъ чуждаго вліянія жизнь, какъ первое проявленіе силъ его ювнѣ, эта война, своимъ исходомъ разрушивъ планъ Восточной политики и поставивъ неожиданную преграду замысламъ Востока, естественно, непріятно и какъ-то тягостно подѣйствовала на него. Послѣ этого Константинопольскій Дворъ сбросилъ съ себя личину искренности, подъ которою онъ велъ свои интриги противъ Западнаго Двора; теперь онъ не скрывалъ своей

(93) Оровій Ibid. VII, с. 36.

(94) Ibid.

непріязни къ Западу (95), и можно думать, что за враждебными чувствами, которыя разъединяли Востокъ съ Западомъ, скоро послѣдовали бы и непріязненные дѣйствія со стороны перваго въ отношеніи къ второму, еслибы смуты, начавшіяся тамъ въ слѣдъ за окончаніемъ войны, не приковали исключительно къ себѣ вниманіе всего Константинопольскаго Двора. Напротивъ того, на Западѣ окончаніе мятежа произвело всеобщую радость; народъ спѣшилъ принести дань благодарности Стилихону за его мудрыя распоряженія въ несчастное время Имперіи. — въ честь ему былъ воздвигнутъ памятникъ (96). При такомъ сочувствіи къ себѣ народа, Стилихонъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія со стороны вельможъ, когда вздумалъ отдать дочь свою въ замужство за Императора. Но вмѣстѣ со всѣми этими выгодами, которыя Стилихонъ извлекъ для государства и себя изъ успѣшнаго подавленія мятежа, онъ долженъ былъ снова убѣдиться, что соединить Востокъ и Западъ подъ одну власть не только трудно, да едва ли и возможно, и что если можно имѣть на это какія-нибудь выходы, то не иначе, онъ со временемъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда въ Западной Имперіи будетъ восстановлено совершенное спокойствіе. Такимъ образомъ отчужденіе между Востокомъ и Западомъ достигло теперь полнаго своего развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сношенія между обоими Дворами пресѣклось. Затѣмъ возникла новая война Запада съ Готами: она ознаменована была страшнымъ опустошеніемъ Верхней Италіи, естественными бѣдствіями Государства, необыкновеннымъ мужествомъ Стилихона, глубокимъ соображе-

(95) Это видно изъ слѣдующихъ словъ Зосима: Ἐπεὶ δὲ τὸν ἤ μὲν Εὐτροπίου διωκόμενα καὶ Στελίχωνος ἀνεκαλύπτετο καὶ τοῖς ἀπάντων στόμασιν ἦν. lib. V, 12.

(96) Слѣдующая надпись была сдѣлана подъ статуею, поставленною въ честь Стилихона: Fl. Stilichoni, Illustrissimo viro, Magistro equitum peditumque, Comiti domesticorum, Tribuno Praetoriano et ab ineunte aetate per gradus clarissimae militiae ad columnen gloriae sempiternae et regiae affinitatis evecto, progenero D. Theodosii, comiti D. Theodosii in omnibus bellis atque victoriis, et ab eo in affinitatem regiam cooptato, itemque socero D. Honorii Augusti Africa consiliis ejus et provisione liberata ex S. C. — Claver. Claud. De bello Gildonico. Comment. pag. 231.

ніемъ съ его стороны всѣхъ обстоятельствъ, блестящими побѣдами, одержанными имъ надъ Аларихомъ, и кончилась бы совершеннымъ ослабленіемъ Готевъ, еслибы важные политическіе расчеты Стилихона не заставили его примириться съ ними. Хотя непосредственно за этою войною, какъ необходимое слѣдствіе ея, явилась новая опасность Италіи — вторженіе 200 тысячъ варваровъ; но это послужило только еще къ большей славѣ Стилихона.

ГЛАВА VII (97).

Аларихъ — Король Готевъ и его замыслы. — Соединеніе его съ народами и разрывъ съ Западною Имперіею. — Состояніе Италіи и распоряженія Стилихона. — Походъ его на Дунай. — Военныя дѣйствія его тамъ и распоряженія. — Пораженіе Римской дивизіи Аларихомъ на Альпахъ и въ Истрии. — Переговоры его съ Равеннскимъ Дворомъ. — Опустошеніе Италіи. — Ея бѣдствія. — Возвращеніе Стилихона. — Военныя его дѣйствія на Рубиконѣ и при Асти. — Битва при Полленціи. — Бѣгство Готевъ, пораженіе при Веронѣ. — Аларихъ въ засадѣ. — Миръ Стилихона съ Аларихомъ и планъ ихъ. — Намѣщеніе Радагайса.

Мы оставили Алариха въ Восточной части Иллирійской префектуры, гдѣ онъ самъ носилъ титулъ *Magistri Militum*, а Готевъ получили земли во владѣніе. Однакожь онъ не довольствовался этимъ приобрѣтеніемъ. Предпримчивый духъ Готескаго вождя искалъ гораздо лучшихъ и обширнѣйшихъ земель — такихъ, гдѣ бы онъ могъ основать особое, вѣсколько независящее отъ Имперіи, царство. Но гдѣ же было искать ихъ, какъ не въ самой Имперіи, владѣвшей самыми благословенными странами тогдашняго свѣта. Хотя въ горахъ Аркадіи Стилихонъ ясно ему доказалъ, что не пришло еще время, когда безнаказанно можно нападать на области Имперіи и безъ труда отни-

(97) Главнымъ источникомъ для второй Готеской войны служили творенія Клавдіана и въ особенности *De bello Getico*. Нѣкоторыя свѣдѣнія я заимствовалъ изъ Іордана *«De rebus Geticis»*, изъ Филосторгія, сокращенное сочиненіе котораго помѣщено въ Русскомъ переводѣ въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1854 (№ 7 и 8), и изъ Орозія. Пособіе — Гиббонъ.

мать ихъ; но онъ отъ этого не падалъ духомъ и не ослабѣлъ въ своемъ намѣреніи. Въ уступчивости Константинопольскаго Двора сыгралось признание его слабости, которое въ самолюбивой душѣ Алариха долженствовало пробудить чувство собственного превосходства и стремленія къ новымъ завоеваніямъ. Приведенные въ удивленіе подвигами своего вождя, Готы избрали Алариха Королемъ. По древнему обычаю, онъ былъ поднятъ на щиты и съ радостными кликами провозглашенъ Королемъ Вестъ-Готовъ. Конечно, онъ былъ Королемъ еще безъ царства, но уже въ минуту своего возвышенія замышлялъ новыя завоеванія. На первый разъ однакожь, пользуясь пріобрѣтеннымъ имъ выгоднымъ положеніемъ, Аларихъ ограничился только лучшимъ вооруженіемъ Готовъ изъ государственнаго арсенала и далъ имъ время на отдыхъ для новыхъ предпріятій (98). Въ то же самое время онъ зоркимъ окомъ слѣдилъ за ходомъ всѣхъ дѣлъ въ той и другой Имперіи. Не безъ радости видѣлъ онъ, что отчужденіе между обоими Дворами все болѣе и болѣе усиливается, и что Стихиконъ большую часть времени проводить въ Германіи. Съ одной стороны, эти обстоятельства отвлекали вниманіе обоихъ Дворовъ отъ Готовъ, а съ другой подавали ему надежду, что, вступивъ въ борьбу съ одною изъ Имперій, онъ можетъ быть безопасенъ со стороны другой (99). Гильдонская война, какъ дѣло политики Восточнаго Двора, какъ выраженіе его непріязни къ Западу, должна была показать ему, что, если онъ потревожитъ Италію, то Константинополь останется хладнокровнымъ зрителемъ тѣхъ опустошеній, которыя онъ будетъ тамъ производить. Конечно, Алариху было гораздо легче бороться съ Восточною Имперіею, которая, какъ мы уже упомянули, вскорѣ послѣ Гильдонской войны сдѣлалась жертвою кровавыхъ междоусобій вельможъ; Аларихъ зналъ это, но онъ въ то же время понималъ политику Стихикона: Готскій Король имѣлъ достаточное основаніе думать, что, сдѣлавъ вторичное вторженіе въ провинціи Восточной

(98) Jordan, De rebus Geticis, Cap. XXIX. Руководство къ Всеобщ. Ист. Др. Лоренца. II части Отд. I, стр. 189.

(99) De bello Getico, 563 sqq.

Имперію, онъ встрѣтитъ сильное сопротивленіе со стороны Западнаго Министра. Не желая въ одно и то же время имѣть у себя двухъ враговъ, Аларихъ рѣшился оставить въ покоѣ Восточную Имперію, къ нападенію на которую онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода съ ея стороны и никакого предлога, но положилъ потревожить прямо Западную Имперію. Съ теченіемъ времени этотъ планъ тѣмъ болѣе казался ему вѣрнымъ, тѣмъ болѣе обѣщалъ успѣха, чѣмъ чаще Стилихонъ, не предугадывая нисколько его замысловъ, отсылалъ свои войска въ Германию, Британію и Галлію, чего требовали постоянно возникавшія тамъ возмущенія.

Надобно впрочемъ замѣтить, что весь этотъ планъ какъ родился въ головѣ только Алариха, такъ и совершалъ въ ней одной; Готы не знали о намѣреніяхъ своего Короля до конца 400 года. Тогда въ народномъ собраніи онъ высказалъ свое намѣреніе добыть себѣ царство (100). Безмолвно, съ удивленіемъ слушали Готы рѣчь своего любимца Короля, недоумѣвая, зачѣмъ бы нарушать договоръ и опять начинать войну. «Мы живемъ въ чужой землѣ, — говорилъ Аларихъ, желая вывести ихъ изъ этого недоумѣнія. — Мы народъ сильный, а не имѣемъ царства, Имперія слаба; рано или поздно она сдѣлается добычею какого-нибудь завоевателя; допустимъ ли мы, чтобы она крошѣ насъ досталась кому-нибудь другому» (101)? Громкій, оглушительный крикъ, сопровождаемый дружными ударами въ щиты, былъ отвѣтомъ на слова Короля. «Народъ Готскій! — продолжала онъ — идемъ на Италію и вы скоро увидите мой пещирь на форумѣ Римскомъ» (102). Въ слѣдъ за сими Вестъ-Готскіи Король потребовалъ у Стилихова западной части Иллирійской префектуры.

Требованіе это было такъ неожиданно и притомъ случилось въ такое время, когда въ Италію было чрезвычайно мало войска, что привело въ страшное недоумѣніе весь Дворъ. Сти-

(100) Историкъ Готтфридъ такъ рассказываетъ объ этомъ: Cum suis deliberans ausisset, suo labore quaerere regna, quam alienis peccatum subiacere. Jornand. De reb. Get. Cap. 29.

(101) De bello Getico. v. 82. (Claud.).

(102) Ibid.

лихонъ однакожь не согласился на это требованіе. Впрочемъ, до самой весны 401 года Римскій Дворъ не давалъ отъѣта Алариху, думая, что онъ самъ сознаеть неосновательность своего требованія и останется въ покоѣ. Но когда эта надежда не исполнилась и Аларихъ настоятельно требовалъ себѣ Иллирію, то Стилихонъ послалъ ему рѣшительный отказъ. Тогда Готы перешли границу, отдѣлавшую восточную часть Иллирійской префектуры отъ западной, и изводили собою Паннонію и часть Норикъ. Къ счастью Имперіи, они не спустились въ Италію, и, занявшись опустошеніемъ этихъ областей, простояли здѣсь все лѣто, и тѣмъ дали время Стилихону принять свои мѣры.

Тѣмъ не менѣе вторженіе Алариха въ Паннонію привело въ ужасъ всю Италію. Въ Римѣ за вѣрное полагали, что, при недостаткѣ войска, рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ отразить огромную массу варваровъ. Это сдѣлалось всеобщимъ убѣжденіемъ, когда пришло въ Римъ извѣстіе, что нѣкоторые варварскія племена, пользуясь замѣшательствомъ Имперіи, возбунтовались и, овладѣвъ Винделиціею (103) и частию Норикъ, угрожаютъ Италіи, и что другіе изъ этихъ варваровъ соединились съ Готами и появились на судахъ въ Адриатическомъ морѣ. Уныніе сдѣлалось повсемѣстнымъ. Богачи считали погибшимъ свое золото; подвигались равнаго рода гаданія о будущности войны. Всякое событіе, мало-мало выходящее изъ ряда обыкновенныхъ вещей, объясняли, какъ предзнаменованіе угрожающаго Имперіи бѣдствія. Сильный градъ, опустошившій во многихъ мѣстахъ поля, частые пожары, появленіе на небѣ никогда невиданной кометы, странное появленіе двухъ волковъ предъ глазами Императора, когда онъ дѣлалъ, вмѣстѣ съ Стилихономъ, смотръ кавалеріи, — все это и многое другое волновало умы, и во всемъ этомъ видѣли предзнаменованіе страшной грозы, которая должна разразиться надъ Италіею (104). Императоръ Гонорій совершенно упалъ духомъ и потерялъ всякую надежду на безопасность въ Римѣ. Не смотря на всѣ увѣщанія Стилихона, который представлялъ ему всевозможные доводы, что ему необходимо

(103) Винделицію составляли часть нынѣшняго Виртембергскаго Королевства и Баваріи.

(104) *De bello Getico*. 230 sqq.

остаться въ Римѣ для поддержанія бодрости въ народѣ, Императоръ оставилъ городъ и спѣшилъ со всѣми своими Дворами въ крѣпкую Равенну. Когда сдѣлался гласнымъ отъѣздъ Императора, то отчаяніе объяло всѣхъ. Тогда-то во всемъ блескѣ своемъ обнаружился твердость духа, гибкость и глубокий государственный умъ Стилихона. Въ то время, какъ Сенатъ нѣсколько разъ сходился, чтобы придумать что-нибудь изъ отвращенію грозы, и столько же разъ расходился, ничего не придумавъ, Стилихонъ постоянно почти упражнялъ военными экзерциціями войско, какое только находилось въ Италіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ соображалъ планъ спасенія Имперіи. Взоры всѣхъ теперь обратились на него, тревожно ожидая, что онъ будетъ дѣлать. Осенью 401 года онъ явился въ Сенатъ, и спокойнымъ взоромъ окинулъ собраніе смущенныхъ Сенаторовъ. Здѣсь какъ бы повторились времена Аннибала. «Что же вы—сказалъ онъ—упали духомъ? Развѣ уже не надѣетесь на лучшее въ будущемъ? Уйдите своихъ плачущихъ женъ и дѣтей. Вѣдь вы знаете, что рыданія на кораблѣ нисколько не помогаютъ ему, когда волны бросаютъ его изъ стороны въ сторону, постоянно грозя потопить его въ безднахъ; и можно ли потушить пожаръ медленными поливаньями и одиѣми мольбами? И теперь, въ нашихъ обстоятельствахъ, не отчаяваться нужно, а дѣйствовать, какъ поступали древніе Римляне въ подобныхъ случаяхъ, бодро встрѣчая ихъ и со славою выхода изъ нихъ; соберемъ войско, сварядимъ флотъ и встрѣтимъ непріятеля лицомъ къ лицу. Вы спросите, гдѣ взять столько войска, чтобы можно было отразить огромныя полчища враговъ? Я немедленно и скорымъ маршемъ пойду въ Германію; тамъ, при помощи Божіей, подавлю возстаніе, наберу солдатъ, выведу легіоны изъ Британіи. Все теперь зависитъ отъ того, перешелъ ли Аларихъ чрезъ Альпы; если нѣтъ, то обстоятельства ваши не такъ плохи, какъ вы думаете». Слова эти (105), извлеченныя мною изъ той рѣчи, которую Клавдіанъ влагаетъ въ уста Стилихона, какъ ни мало въ сущности подавали надежды на улучшеніе состоянія Имперіи, во все-же твердость и самоуверенность,

съ какими онъ производилъ свою рѣчь, нѣсколько ободрили Сенаторовъ и народъ, чего главнымъ образомъ Стихихонъ и добивался. Послѣ этого онъ началъ приготовляться къ экспедиціи въ Германію. Все войско, какое было у него подъ рукою, онъ раздѣлилъ на двѣ части: одна должна была идти къ Юлійскимъ Альпамъ и, занявъ Юліеву дорогу, всѣми силами удерживать непріятеля отъ вторженія въ Италію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока другая, подъ личнымъ начальствомъ самого Стихихона, успѣетъ пробраться чрезъ Верхнюю Италію къ верховьямъ Дуная. Сверхъ того небольшіе отряды поставлены были въ важнѣйшихъ пунктахъ Италіи.

Когда все это было устроено, Стихихонъ съ своимъ немногочисленнымъ войскомъ вышелъ изъ Рима. До рѣки По онъ дошелъ благополучно и безъ большихъ трудностей. Но отсюда онъ долженъ былъ бороться съ немнѣтельными препятствіями и опасностями. Наступила жестокая стужа. Стихихонъ шелъ большею частию ночью, чтобы скрыть свое движеніе какъ отъ Готтовъ, часть которыхъ уже успѣла перебраться за Альпы, такъ и отъ возбунтовавшихся другихъ варваровъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до озера Ларіуса, или Комскаго, находившагося на границѣ между Италіею и Реціею. Дальнѣйшій путь представлялъ еще большія опасности и затрудненія (106). Чтобы достигнуть своей цѣли, т. е., усмирить мятежныхъ варваровъ, занявшихъ горныя ущелья Вивандиціи и селенія Норикъ, онъ долженъ былъ со всевозможною скрытностію и скоростію пройти Ретійскія Альпы, обойти Ванделицію, проникнуть на лѣвую укрѣпленія къ Герцинскому лѣсу (Silva Hercinia) и соединиться съ расположеннымъ тамъ корпусомъ. Стихихонъ рѣшился на этотъ отчаянный переходъ, подобнаго которому мы встрѣчаемъ въ Исторіи немного. Въ холодную зиму бодро онъ шелъ чрезъ высокія горы, покрытыя вѣковыми дремучими лѣсами, на каждомъ шагу подвергаясь опасности упасть въ пропасть (107). Хотя въ этомъ трудномъ пути Стихихонъ потерялъ почти половину своихъ солдатъ, которые гибли частію въ горныхъ трупцо-

(106) De bello Getico 319 seqq.

(107) Ibid. 350 seqq.

бахъ, уносимые туда съ шумомъ падающими стѣпными: слы-
бани, частію отъ недостатка провіанта, но онъ достигъ своей
цѣли: неожиданно въ началѣ весны 402 года явились на Дунаѣ
къ Римскому войску, которое не въ силахъ было остановить
нашествіе изъ сосѣднихъ земель. Когда утихли съ обѣихъ сто-
ронъ, столь естественные въ подобныхъ случаяхъ, порывы ра-
дости, Стилахонъ соединенный такимъ образомъ войско не-
медленно повелъ противъ варваровъ и внезапно охватилъ ихъ со
всѣхъ сторонъ. Варвары, вовсе неожиданные такого оборота
войны и думавшіе, что Римское правительство, угрожаемое Ала-
рихомъ, предоставило имъ полную свободу опустошать земли,
пришли въ неописанный ужасъ, когда увидѣли предъ собою
знаменитаго Римскаго полководца. Не выдержавъ и перваго на-
паденія, они нестройными толпами бѣжали въ разные укрѣплен-
ные пункты и горнымъ ущелья (108). Продолжать съ ними войну
было бы не сообразно съ обстоятельствами Имперіи и съ предла-
гаемымъ планомъ къ ея спасенію. Стилахонъ, удовольство-
вавшись тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на нихъ, не хо-
тилъ дальнѣйшаго стѣсненія ихъ положенія вызывать ихъ на
отчаянное сопротивленіе, на которое варвары были такъ спо-
собны, и которое отняло бы у него много времени и тѣмъ дало
бы Алариху возможность еще болѣе усилиться; напротивъ, онъ
теперь вошелъ съ ними въ переговоры, желая дипломатическимъ

- (108) Клавдіанъ прекрасно характеризуетъ состояніе варваровъ, когда они
вдругъ неожиданно увидѣли предъ собою Римскаго главнокоман-
дующаго:

*Jam foedera gentes
Exuerant, Latitque audita clade feroces,
Vindelicos saltus et Norica rura tenebant.
Ac veluti famuli, mendax quos mortis herilis
Nuntius in luxum falso rumore resolvit,
Dum marcent epulis, atque inter vina chorosque
Persultat vacuis effrena licentia tectis;
Si reducem dominum Fors improvisa revertis,
Haerent adtoniti, libertatemque perosus
Consola servilis praecordia concutit horror:
Sic ducis adspectu cuncti stupere rebelles,
In quoque uno Princeps, Latiumque et tota refulsit
Roma viro. 363—373.*

путемъ смирить ихъ и склонить на свою сторону. Съ спокойнымъ, но немного опечаленнымъ лицемъ, съ кротостию и добродушиемъ въ глазахъ, въ которыхъ однакожь по временамъ, на одно мгновеніе, вспыхивало съ трудомъ удерживаемое негодованіе, обозначаясь грознымъ ихъ выраженіемъ, Стихонъ явился на съѣздъ, куда для переговоровъ были приглашены нѣкоторые варварскіе князья. «И вы взбунтовались», — говорилъ имъ съ легкимъ упрекомъ Стихонъ — «пользуясь вѣроломствомъ Готевъ? Что же вы теперь смутились? Напрасно, вы ошиблись, думая, что судьба наслала на Италію уже такую великую опасность, что Римъ не въ силахъ будетъ наказать ваши возмущенія. Не тревожьтесь; Римъ великодушенъ; а пришелъ не наказывать васъ, а принять васъ опять въ свои союзники» (109). Варварскіе князья очень обрадовались, что ихъ мятежъ кончился такъ удачно и, когда Стихонъ предложилъ имъ вступить въ Римскую службу, то охотниковъ набралось не мало. Подавивъ такимъ образомъ возстаніе, Стихонъ немедленно послалъ предписаніе къ генераламъ, командовавшимъ легіонами въ Британіи и Галліи, чтобы они тотчасъ же выступали въ походъ и стягивали войска въ Галліи Нарбонской, куда и самъ онъ съ войскомъ, набраннымъ изъ варваровъ, и съ Прирейнскими легіонами направилъ свое движеніе. Это было, приблизительно, въ концѣ Мая 402 года.

Между тѣмъ Аларихъ съ началомъ весны этого же года двинулся изъ Панноніи въ Италію. Встрѣтивъ на Альпахъ Римскій корпусъ, занявшій Юлійскій проходъ, онъ дружнымъ натискомъ смялъ его и, отбросивъ въ Истрію (110), при рѣкѣ Тимавѣ окончательно истребилъ его. Послѣ этого пораженія, которое въ послѣдствіи Стихонъ называлъ поношеніемъ, посрамленіемъ Римскаго оружія, путь въ Италію Готевъ былъ открытъ. Аларихъ, не встрѣчая сопротивленія, дошелъ до рѣки Атезиса (Эчъ), опустошая все на пути, и чрезъ эту рѣку и Падусъ устремился на Равенну. Городъ этотъ, по своему мѣстоположенію, былъ для того времени неприступною крѣпостію (111).

(109) Jornand. De rebus Geticis. c. XXX.

(110) De bello Getico 378—403.

(111) Ibid. 363.

Примыкая на Востокъ къ морю, гдѣ въ гавани стоялъ флотъ, окруженный на западной сторонѣ болотами, чрезъ которыя только узкая дорога вела къ городскимъ воротамъ, съ Сѣвера и Юга опоясанный рѣками и горами, — онъ представлялъ въ себѣ всѣ условія для выдержанія долговременной осады.

Не видя возможности взять Равенну приступомъ, ни принудить къ сдачѣ продолжительною осадой, и въ то же время не желая оставить у себя въ тылу этотъ укрѣпленный пунктъ, когда бы Готы пошли на Римъ, — Аларихъ отправилъ въ Готторію пословъ для переговоровъ (112). Онъ требовалъ согласія Двора на поселеніе Готовъ не только въ Иллирію, но и въ самой Италіи, чтобы составить съ Римскими народами одинъ народъ; иначе, говорили послы Алариха, пусть война рѣшится, кому владѣть Италіею. Равеннскій Дворъ не могъ дать положительнаго отвѣта на это требованіе: ибо вовсе не желалъ родниться съ Готами и въ то же время чувствовалъ, что не въ состояніи съ ними бороться. Когда же Аларихъ неотступно требовалъ отвѣта, то Дворъ заблагоразсудилъ указать ему путь въ Галлію и Испанію (113). Конечно, онъ этимъ вовсе не выражалъ своего желанія уступить Готамъ упомянутыя земли; но это была только искусная мѣра, чтобы удалить Алариха изъ Италіи и выиграть время, въ которое, по расчетамъ придворныхъ, долженъ былъ явиться Стилихонъ съ войскомъ.

Аларихъ, кажется, разгадалъ эту политику Равеннскаго Двора. По крайней мѣрѣ, удалившись отъ Равенны, онъ вовсе не спѣшилъ оставлять Италію, а напротивъ опустошалъ ее въ продолженіе Іюня, Іюля и Августа самымъ ужаснымъ образомъ. Въ то время, какъ самъ онъ съ главною арміею занялъ виннія квартиры въ Піемонтѣ, сильный корпусъ былъ расположенъ по лѣвому берегу Рубикона (маленькая рѣка, называемая нынѣ Пизателло или Фіумичелло) и еще часть Готовъ захватила въ гаваняхъ Лигуистическаго залива суда и на нихъ начала грабить берега Этруріи. Овладѣвъ всѣми близъ Италіи лежащими островами, Готы до того сдѣлались смѣлы въ своихъ нападеніяхъ,

(112) De bello Getico 363.

(113) Jornand. De rebus Geticis. c. XXX.

что нередко появлялись въ окрестностях Рима. Если мы припомнимъ, что и въ Адриатическомъ морѣ плавали непріятельскія суда, то не лѣзя не согласиться съ Клавдіаномъ, что положеніе Италіи было въ это время отчаянное (114); тѣмъ болѣе не лѣзя не согласиться, что другой современникъ говоритъ то же самое. Я здѣсь представляю то мѣсто Филосторгія, въ которомъ изображается въ сильныхъ словахъ бѣдственное состояніе Имперіи въ это время (115). «Въ мое время, — говоритъ этотъ писатель — было такое истребленіе людей, какого никто не зналъ отъ начала міра. Его-то, быть можетъ, и предзнаменовала нечеловѣчная звѣзда (116). Теперь гибли не одни военные, какъ нѣкогда въ прежнихъ войнахъ; бѣдствія обрушились не на одну какую-либо страну, но погибли люди всякаго рода и опустошена была цѣлая Европа, немалая часть Азіи, Ливіи, особенно подымавшая Римлянъ. Множество людей гибло отъ меча варваровъ, отъ язвы, голода и нападенія дикихъ вѣбрей. Къ этому присоединились необычайныя землетрясенія, низпровергавшія до основанія дома и цѣлые города. Въ однихъ мѣстахъ разсѣдалась подъ жителями земля и была для нихъ готовымъ гробомъ; въ другихъ происходили наводненія отъ дождей, либо палищія засухи; нигдѣ прозямали огненные вихри и возбуждали невыносимый ужасъ. На большихъ пространствахъ земли падалъ градъ больше, чѣмъ въ булыжники; потому что тяжесть его иногда доходила вѣсомъ до 8-ми литровъ. Глубокіе снѣга и чрезвычайныя морозы обхватывали и убивали тѣхъ, кого не успѣли похитить другаго рода бѣдствія. Все это ясно возвѣщало гнѣвъ Божій. Но описать всѣ подробности зла было бы выше силъ человѣческихъ».

Въ такомъ несчастномъ положеніи, Имперія могла ожидать спасенія отъ одного только Стихихона, — и не обманулась.

(114) Claud. De bello Getico. 447 sqq.

(115) Церковная Истор. Филосторгія. Христ. Чтен., изд. СПб. Ак. 1834 г. за мѣсяцъ Августъ, стр. 411 и 412.

(116) Если мы припомнимъ, что и Клавдіанъ упоминалъ о явленіи въ 400 году кометы, то увидимъ, что это описаніе Филосторгія относится по преимуществу ко времени перваго нашествія Алариха на Италію. Это же видно изъ того, что оно слѣдуетъ непосредственно за смертію Евтропія, случившейся въ 399 году.

Обстоятельства вдруг переменялись. Аларихъ ничего не зная о Стилихонѣ (117) и, кажется, не беспокоился о томъ. Полагая, что дѣла въ Визиготіи и Норикѣ займутъ Римскаго полководца на долгое время и, не подозревая его движенія, Король рассчитывалъ, что Стилихонъ совершенно отрѣзанъ отъ Италіи и рѣшительно не можетъ пособить ей горю, подать ей помощь, еслибы даже и успѣлъ подавить скоро возмущеніе. Въ такихъ мысляхъ Аларихъ думалъ съ весною 403 года идти къ Риму (118) и, зная его, предписать Двору, какія захочетъ условія. Но въ это время, когда въ голови Готскаго Короля созрѣвали такіе отчаянные замыслы, когда въ Римѣ было всеобщее уныніе и, въ сѣдствіе прекращенія подвоза хлѣба изъ Сициліи и Африки и въ сѣдствіе упомянутыхъ естественныхъ бѣдствій, открылся страшный недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, въ это время (осенью 402 года) вдругъ разнесся слухъ, что «Стилихонъ съ многочисленнымъ войскомъ и огромнымъ запасомъ хлѣба пришелъ изъ Галліи; что варвары, плававшіе по морямъ, вступили и оставили занятые ими острова, и что онъ уже высадився и идетъ къ городу». Вскорѣ за симъ недалеко отъ города изъ *via Ostiensis* поднялась облака пыли; бѣдный, испуганный народъ говорилъ: «уже нейдутъ ли Готы». Но вотъ сквозь пыль начали обозначаться стройно, съ распушенными знаменами идущія колонны солдатъ, и впереди ихъ обрисовывалась мощная, гигантская фигура Стилихона. Громкій, радостный крикъ огласилъ разные части Рима, въ безчисленныхъ, разнообразныхъ это понесся черезъ стѣны и слыся съ военными кликами и бряцаніемъ оружія приближавшагося войска. Народъ рѣкою хлынулъ въ городскія ворота вмѣстѣ съ знатѣйшими членами Имперіи встрѣчать опору и защиту своей безопасности. Неприятныя слезы радости блестя въ глазахъ престарѣлыхъ сановниковъ (119).

Съ этого времени перевѣсъ войны явно сталъ клониться на сторону Римлянъ. Аларихъ съ ужасомъ сѣдалъ о прибытіи

(117) Jornand. De rebus Geticis. C. XXX.

(118) Claud. De bello Getico. 470 sqq.

(119) Claud. 447 v. De bello Getico.

Стилихава; оно не только разрушало весь его планъ, но и грозило Готамъ опасностію. Не предвидя скорого прибытія Стилихава, даже не допуская его возможности, Готскій Король растянулъ, для зимовки, свою армію на значительное пространство отъ береговъ Адриатическаго моря до Генуи, съ одной стороны, и отъ Флоренціи до рѣки По съ другой, раздѣливъ ее въ различныхъ пунктахъ нѣмныхъ Герцогствъ Тосканскаго, Моденскаго, Пармискаго, частей Сардиніи, Ломбардіи и Церковной Области. Соединеніе всѣхъ этихъ отдаленныхъ корпусовъ, по причинѣ гористаго положенія страны, въ короткое время, и притомъ зимою, было рѣшительно невозможно. Аларихъ, понявъ опасность своего положенія и, собравъ военный совѣтъ, требовалъ отъ своихъ приближенныхъ мнѣнія, что дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ. Одинъ престарѣлый Готъ, прославившійся своими воинскими подвигами и пользовавшійся уваженіемъ всего народа, и даже бывшій воспитателемъ Алариха, подалъ голосъ въ пользу того мнѣнія, что нужно отступить за По и тамъ войти въ переговоры съ Римскимъ правительствомъ. Его сторону привали многіе другіе знатные Готы, которые, судя по рубцамъ на мужественныхъ, смуглыхъ ихъ лицахъ, не разъ сходились съ врагомъ и приобрѣли опытность воинскую. Но эта рѣчь старца и голоса лучшихъ генераловъ пришли не по сердцу Алариху. Пылкая, славолюбивая душа его видѣла въ этомъ отступленіи только одинъ стыдъ для своей націи. «Ужъ если мнѣ не суждено слава — сказалъ онъ — побѣдителемъ царствовать въ этой землѣ, такъ я, побѣжденный, смертію своею добуду ее себѣ» (120). Не одно, впрочемъ, безотчетное желаніе идти наперекоръ явнымъ опасностямъ, лишь бы достигнуть своей цѣли, не одна слѣпая вѣра въ свое счастье, которая болѣе или менѣе замѣчается во всѣхъ великихъ людяхъ и которая упорно и какъ бы съ нѣкоторымъ презрѣніемъ идетъ противъ всѣхъ препятствій, заставила Алариха отвергнуть благоразумный совѣтъ своихъ приближенныхъ: тутъ дѣйствовалъ и расчетъ. Готскій Король льстилъ себя надеждою, что онъ успѣетъ сосредоточить всѣ свои силы въ одномъ пунктѣ до начатія Стилиховою военныхъ

(120) Claud. De bello Getico 479—549. Гиббонъ. Т. 7, стр. 234.

дѣйствию; онъ думалъ, что Римскій полководецъ до весны не предприметъ ничего, а между тѣмъ въ это время онъ съумѣетъ обратить перетѣсъ войны на свою сторону при помощи неожиданнаго обстоятельства, именно: завладѣвъ особою Императора, бѣжавшаго въ то время изъ Италіи въ Галлію, о чемъ онъ узналъ отъ вѣрныхъ людей. Дѣйствительно, не считая себя безопаснымъ въ крѣпкихъ стѣнахъ Равенны, постоянно тревожимой одними изъ Готескихъ корпусовъ и совершенно отрезанной отъ Южной Италіи, Гонорій, еще не получившій никакихъ свѣдѣній о Стилихонѣ, рѣшился бѣжать въ Галлію, въ Арелатъ (121). Почти безъ свиты, съ немногочисленнымъ конвоемъ выѣзжалъ онъ изъ Равенны въ то самое время, когда Стилихонъ прибылъ съ войскомъ въ Римъ, — перешелъ По въ той мысли, что чрезъ Западные земли, гдѣ тогда не было Готовъ, и перешедши въ другой разъ эту рѣку въ верхнихъ частяхъ ея, онъ счастливо доберется до Галліи. Но едва Императоръ переплылъ въ другой разъ По, какъ Аларихъ, стоявшій тогда лагеремъ при Аппенинахъ, погнался за нимъ съ легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ. Готескій Король такъ неутомимо преслѣдовалъ Гонорія, что тотъ увидѣлъ явную невозможность выбраться изъ Италіи и долженъ былъ заключиться въ городѣ Асти. Положеніе Императора было чрезвычайно опасно: городъ былъ плохо укрѣпленъ, а Аларихъ осадилъ его и предлагалъ Гонорію сдать городъ на унижительныхъ для Римлянъ условіяхъ. Хотя Гонорій и съ достоинствомъ отвергнулъ это предложеніе, но положеніе его отъ этого нисколько не улучшилось (122). Аларихъ считалъ и Императора, и городъ въ своихъ рукахъ; но вдругъ долженъ былъ снять осаду, и для спасенія себя и арміи своей поспѣшно отступить.

(121) Гиббонъ. Т. VII, стр. 251, 252. Гиббонъ, основывая свое мнѣніе на повидѣншихъ источникахъ, полагаетъ, что Гонорій бѣжалъ изъ Медіолана. Но, принимая въ расчетъ свидѣтельство Юрпанда, говорящаго положительно, что во всю эту войну Гонорій сидѣлъ въ Равеннѣ, и нѣкоторые мѣста Клавдіана, то же, хотя и не ясно, подтверждающія, мы позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ писателемъ.

(122) Claud. De VI Consul. Honorii 425—470. Гиббонъ. Т. VII, 452, 453.

Причиною этому были распоряженія Стилихова. Онъ, нимало не медля послѣ прибытія своего въ Римъ, повелъ свое войско, вопреки расчетамъ Алариха, на врагохъ, не заирая на открывшуюся зиму. Походъ былъ назначенъ чрезъ гористую Умбрию. Часть войскъ Готескихъ, стоявшихъ по Рубикону, не выдержала нападенія несравненно многочисленнѣйшей Стилиховой арміи и спѣшила отступить. Когда Стилихъ, соединившись съ Алаванскою конницею, которая подѣляла предводительствомъ мужественнаго своего вождя Саула перешла По и пробилась чрезъ стояншіе здѣсь Готескіе полки, сталъ по направленію этой рѣки и когда, следовательно, Готы шли предъ собою на югъ Аппенины, на Сѣверъ и Востокъ непріятеля, тогда Аларихъ, осаждавшій Асти, увидѣлъ, что онъ самъ осажденъ. Оставаться въ этой позиціи значило бы готовить себѣ такую же участь, какою онъ испыталъ въ горахъ Аркадіи, и когда Стилихъ сталъ напирать на него всею массою своихъ силъ и пригналъ большой уронъ его войску, то онъ поспѣшно отступилъ и занялъ выгодную позицію при городѣ Полленціи.

Стилихъ шелъ по шатамъ Алариха (123). Наконецъ обѣ арміи остановились въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Былъ первый день Пасхи (29 Марта 403 года). Съ глубокимъ благочестіемъ, съ тихою, обнажающею всю душу, радостію встрѣтили Готы Свѣтлый день. Они молились, какъ бы позабывъ, что недалеко стоитъ непріятель; они всѣ были Хрістіане. Римскій лагеря представлялъ нѣсколько другое зрѣлище. И тамъ въ нѣкоторыхъ, не многихъ впрочемъ, отрядахъ солнце освѣтило картину духовнаго торжества; но большую часть Стилиховой арміи составляли варвары, не признававшие Распятаго. Они ликовали по-своему. Звуки оружія, громкій говоръ и военныя клики, шумъ, пляска, пѣсни и вино одушевляли варварскіе не-Хрістіанскіе легіоны. Вдругъ все затихло. Стилихъ рѣшился напасть на Готовъ въ этотъ день, когда они не были приготовлены къ сраженію, и отдалъ приказъ къ бою. Поставивъ войско въ боевой порядокъ, онъ объѣзжалъ ряды солдатъ и воодушевлялъ ихъ, говоря: «Теперь приспѣло время отмстить виновнику несча-

«тія поруганной Италіи, и заглядѣть оружіемъ ошіябу (nefas) Императора, запершагося въ Равеннѣ и потомъ осажденнаго въ Асти (124); мечами своими сотрите позоръ Аллійскій и оплатите за пораженіе при Тимавѣ! Злѣсь тотъ, кого вы громили въ горахъ Аркадіи и на поляхъ Ахейскихъ. Союзники (socii)! да не смутится вашъ духъ мыслію, что врагъ силенъ! Онъ силенъ не своею мощію, но несогласіемъ и непріязнію, которыя разъединяють обѣ Имперіи. Вы, которыхъ воспитала суровая Британія, и вы, которыхъ вскормили Дунай и Рейнъ! повѣрьте мнѣ: вы поразите нарушителя святости договоровъ и дадите миръ всему міру. Солдаты (говорилъ онъ, обращаясь къ чисто-Римскимъ легионамъ)! Вы спасаете Италію; врагъ стоитъ въ самомъ сердцѣ Имперіи». Съ этими словами Стилахонъ двинулъ свои легионы на Готевъ. Сраженіе началось атакою, слѣланною противъ Готевъ Алаванскою конницею. Ея вождь Саулъ былъ малъ ростомъ, но въ этомъ маломъ тѣлѣ, украшенномъ многими ранами, заключался вмѣстѣ съ необыкновенною физическою силою духъ героя. Быстро понесся онъ впередъ своихъ летучихъ эскадроновъ; съ гикомъ мчались за нимъ Алаванскіе всадники. Саулъ стремительно ударилъ въ правый флангъ непріятельской арміи. Готевъ пришли-было въ неописанный ужасъ, когда врѣзавшіеся въ средину ихъ Алавы неожиданно произвели страшное пораженіе. Но скорѣ однакожъ они оправились отъ этого неожиданнаго нападенія. Такъ какъ Саулъ палъ при началѣ битвы, то его воины бросались бѣжать, унося за собою на пути и Римскую конницу. Готевъ преслѣдовали бѣгущихъ. Въ Римскомъ войскѣ произошло волненіе, похожее на испугъ. Минута была самая критическая для Стилахона. Только одно его присутствіе духа могло поправить дѣло. Стилахонъ поскакалъ на встрѣчу бѣжавшей своей конницѣ, остановилъ ее и, скоро сошнувшись обрѣдашіе ея рады, пустилъ пѣхоту на центръ Готеской арміи; въ это же самое время конные полки, оправившись отъ перваго пораженія, снова атаковали ее съ фланговъ. Тогда завязался

(124) У Клавдіана не сказано, гдѣ была осаждена Геморіа; а здѣсь только читается это: *Obsecro principis armis*

Всичае nefas. — Но это видно изъ всего хода происшествій, показаннаго нами и изъ «De VI Cons. Непог. 423—479».

всеобщій бой. Долго съ обѣихъ сторонъ дрались съ одинаковымъ мужествомъ и ожесточеніемъ и неизвѣстно было, кто останется побѣдителемъ. Но наконецъ, когда Стилихонъ ввелъ въ битву лучшую часть своей пѣхоты, которая доселѣ не участвовала въ ней, Готы поколебались и, если не были совершенно разбиты, то этииъ обязаны были мужеству и воинскому таланту своего Короля. Аларихъ успѣлъ привести въ порядокъ свои колонны, но не въ силахъ былъ долѣе держаться противъ Римлянъ, все съ болышею и болышею силою напавшихъ на него и, оставивъ весь обозъ и плѣнныхъ, поспѣшилъ немедленнымъ отступленіемъ спасти свою армію отъ совершеннаго пораженія (125).

Въ то само время, какъ Римскіе солдаты предались собиранію добычи и празднеству по случаю побѣды, Аларихъ, пользуясь этимъ случаемъ, не замедлилъ переправиться черезъ По (126). Онъ думалъ, что Стилихонъ не будетъ его тула преслѣдовать. Но Римскій полководецъ разсуждалъ иначе; въ то время, какъ Готы шли по лѣвому берегу этой рѣки, Стилихонъ велъ свою армію по правому, но такъ, что движеніе его не было извѣстно Готескому Королю. Сей послѣдній только тогда узналъ, что Стилихонъ преслѣдуетъ его, когда тотъ, переправясь черезъ По недалеко отъ впаденія въ него Тицина, сталъ во флангъ его арміи. Искуснымъ маневромъ Аларихъ однакожъ уклонился отъ битвы и успѣлъ перейти Тапизъ, хотя и съ значительною потерей. Такииъ же обстоятельствами и такимъ же результатомъ сопровождалась переправа Готовъ чрезъ Минчіусъ. Наконецъ Стилихонъ настигъ Готовъ недалеко отъ Вероны. Здѣсь Аларихъ увидѣлъ невозможность уклониться отъ боя и остановился, рѣшась еще разъ попробовать счастья и дать отпоръ Римлянамъ. Стилихонъ смѣло напалъ на враговъ и, когда первые полки ихъ были опрокинуты, прочіе пришли въ замѣшательство и побѣжали. Хотя Аларихъ съ остатками своей арміи и перебрался за Эчъ, но это

(125) Эта битва описана у Клавдіана. *De bello Getico* v. 581 — usque ad finem.

(126) Отступленіе Алариха отъ Полленціи, сопровождавшія его событія, битва при Веронѣ и засада Готовъ описаны у Клавдіана въ *De VI Consul. Honorii* 141—323. Также и въ слѣдующихъ за 323 стихомъ есть нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія

было для него несколько не лучше. Армія его была страшно изнурена: потому что страна, по которой она отступила, была уже прежде опустошена ею, так что Готы теперь чувствовали большой недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, и только съ мужествомъ и геніальностію Алариха можно было отбиваться имъ до сихъ поръ отъ непріятеля, далеко превосходящаго ихъ и численностію, и порядкомъ. Стилихонъ видѣлъ это жалкое состояніе Готской арміи и, въ полной увѣренности добить ее окончательно, самъ перешелъ Эчъ. Гонимыя за Готами по ихъ пятамъ, Стилихонъ наконецъ такъ прижалъ ихъ къ Альпамъ, въ такое тѣсное положеніе поставилъ ихъ, что имъ оставалось или погибнуть, или сдаться. Аларихъ перебралъ въ своей головѣ всѣ средства, чтобы сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, и когда убѣдился, что ни одно изъ нихъ не годится, а между тѣмъ его солдаты умирали отъ голода и болѣзней, то колебалась его натура: онъ съ невыразимой горестію и почти отчаяніемъ однажды воскликнулъ (126): «О! какими колдовствомъ, какими искусствомъ меня заpiresъ всегда этотъ непостижимый Стилихонъ?»

Когда такимъ образомъ Аларихъ находился въ совершенно безвыходномъ положеніи, Стилихонъ вдругъ объявилъ ему, что соглашается на его требованіе — отдаетъ ему въ управленіе Западную часть Иллирійской префектуры. Этотъ договоръ произвелъ всеобщее изумленіе между Готами и всеобщее неудовольствіе въ Италіи. Что же на самомъ дѣлѣ была за причина этой неожиданной уступчивости? Чтобы правильно смотрѣть на это событіе, не нужно упускать изъ виду того, что, по поводу этой войны, Германія, Британія и Галлія были оставлены безъ всякаго войска, не должно также упускать изъ виду и другихъ обстоятельствъ. Вѣда продолжительную войну съ Готами, Стилихонъ, судя по прежнимъ событіямъ, могъ и долженъ былъ опасаться, что гдѣ-нибудь вспыхнетъ возмущеніе среди безпокойныхъ обитателей этихъ странъ; мало того, онъ могъ ожидать, что явится гдѣ-нибудь похититель престола. Въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ, что и эти послѣднія опасенія не были излишніи, судя по тогдашнему со-

(126) Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

Nea! quibus insidiis, qua me circumdedit arte

Fatalis semper Stilichon! — De VI Cons. Honor. 300—301.

Часть LXXXVIII. Оуд. V.

8

стоянію и устройству Имперіи. Во всякомъ случаѣ, предположенія Стихихона не замедлили оправдаться, какъ увидимъ на самомъ дѣлѣ. Если къ этому прибавить еще то обстоятельство, что войска Стихихона были всякой сбродъ, составившіеся изъ разныхъ націй, готовѣи при малѣйшей неудачѣ покинуть своему вождю, чему примѣры въ то время были верѣлки: то мы увидимъ, что Аларихъ, хотя былъ побѣжденъ, разбитъ и стѣсненъ, однакожъ имѣлъ предъ Стихихономъ огромное преимущество по тому единству, которое было между нимъ и Готами. Армія Алариха состояла преимущественно, а подъ конецъ войны, можетъ быть, исключительно изъ однихъ Готовъ, обожавшихъ своего Короля и готовыхъ умереть съ нимъ. Чтобы избавиться отъ этого врага, Стихихонъ долженъ былъ истребить все его войско вмѣстѣ съ нимъ. Но какихъ же послѣдствій можно бы было ожидать отъ этой кровавой мѣры? Тогда было бы рѣшительно не возможно соединеніе Готовъ въ одну націю съ Римлянами, что задумывалъ Θεодосій Великій и что Стихихонъ долженъ былъ признать единственнымъ средствомъ, дабы порѣшить вопросъ въ отношеніи къ этому воинственному народу, появившемуся въ Римскихъ земляхъ, въ пользу Имперіи, — и нѣтъ сомнѣнія, что Готы явились бы страшными мстителями за смерть своего Короля и за погибель своихъ братій. Это было совершенно въ духѣ древнихъ Германцевъ. Что же послѣ этого оставалось дѣлать Стихихону? По моему мнѣнію, договоръ Стихихона съ Готескимъ Королемъ, стѣсненнымъ имъ до крайней степени, не только не можетъ служить доказательствомъ его слабости Государству, но былъ рѣшительно необходимъ для Имперіи и есть несомнѣнный признакъ глубокаго политическаго ума въ Римскомъ генералиссимусѣ: мало того, что онъ предотвращалъ часть тѣхъ вредныхъ слѣдствій, которыя готовила Имперіи эта Готеская война, но онъ доставлялъ еще Стихихону немало выгоды.

Благородная, сочувствовавшая всему высокому духа Алариха не могла остаться равнодушною къ мирному предложенію одолевшаго его врага; напротивъ, Готескій Король глубоко былъ тронутъ великодушіемъ своего побѣдителя и, принимая въ управленіе Западную часть Иллирійской префектуры, онъ поклялся въ вѣчной дружбѣ къ Стихихону и всегдашней готовности слу-

жить нечемъ въ пользу его интересовъ, и, какъ увидимъ, сдержалъ свое слово. Стилихонъ не замедлилъ воспользоваться своимъ влияніемъ на Готескаго Короля и, безопасный теперь со стороны Готевъ, при помощи его, задумалъ дать снова почувствовать свои силы Восточной Имперіи (128). Обстоятельства въ Константинополѣ благоприятствовали этому намѣренію (129).

Евтропій, энергическій и неутомимый дѣлатель на поприщѣ миріазненной политики Константинопольскаго Двора въ отношеніи къ Риму, не только не могъ продолжать свою опасную и для Стилихона и для Запада дѣтельность, но долженъ былъ позаботиться о своей личной безопасности. Онъ вооружилъ противъ себя Гайну и Императрицу, и тѣ сумѣли сперва удалить отъ Двора, а потомъ и погубить его. Гайна, вступившій теперь его мѣсто, по ограниченности своего ума, могъ только поддерживать систему вышнихъ дѣйствій, введенную его предшественниками. Всѣ его отношенія къ Западу ограничились тѣмъ, что онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и изумительнымъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на стѣсненное положеніе Италіи въ началѣ Готеской войны. Къ тому же злоупотребленіемъ власти онъ скоро самъ себя приготовилъ гибель. Такъ какъ Императрица Евдоксія, которая сдѣлалась теперь правительницею Востока, мало занималась политикою, то система вышнихъ дѣйствій, такъ хитро задуманная и съ такимъ постоянствомъ веденная Руфинномъ и Евтропіемъ, сама собою пала. Это не могло не быть благоприятнымъ для Стилихона. Когда въ 404 году Евдоксія, и безъ того не любимая народомъ, еще болѣе раздражила его своимъ гониміемъ на Св. Іоанна Златоустаго, то Стилихонъ почелъ это достаточнымъ предлогомъ къ вышательству въ дѣла Восточной Имперіи и убѣдилъ Императора Гонорія принять участіе въ судьбѣ Великаго Святителя. Аларихъ (130), занявшій, по распоряженію Стилихова Норикъ, готовился къ походу на Константинополь и ждалъ только, когда Римскій Министръ, съ которымъ у него по этому случаю было свиданіе и заключенъ союзъ, подастъ къ этому знакъ. Самъ Стилихонъ дѣлательно приготовился къ походу

(128) Zos. lib. V, 26.

(129) Ibid. 13—25.

(130) Zos. lib. V, c. 26.

и, полагаясь на дружбу Алариха, былъ увѣренъ въ успѣшномъ его окончаніи.

Планъ союзниковъ не удался. То, чего надлежало ожидать, случилось. Прирейнскіе варвары воспользовались прекращеніемъ наблюденія за ними и вздумали потревожить Имперію. Дѣйствительно тысячь знатныхъ людей, каждый съ своею дружиною, привали участіе въ составившемся теперь походѣ, такъ что все число варваровъ, устремившихся на Имперію, простиралось до 200 тысячъ человекъ (131). Начальство надъ ними принялъ предприимчивый Готъ, именемъ Родогайсъ, который прежде находился въ службѣ Алариха. Онъ потребовалъ, чтобы Римское правительство приняло его войско къ себѣ на службу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приняты войска Алариха. Стиликхонъ не хотѣлъ впустить эти орды въ предѣлы государства; впрочемъ, онъ и не въ силахъ былъ удержать этотъ потокъ людей, устремившійся чрезъ проходы Граубинденскіе и Тирольскіе на Италію. Онъ не препятствовалъ имъ опустошать долины Ломбардіи. Главныя силы его были сосредоточены въ то время въ Лигуріи. Стиликхонъ не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока дикая толпа варваровъ не дошла до Апенниновъ. Здѣсь, когда они разбрелись по разнымъ ущельямъ, Стиликхонъ зашелъ имъ въ тылъ и началъ бить ихъ по частямъ. Разбитыя отдѣльными отрядами сѣвшии соединиться между собою. Стиликхонъ не препятствовалъ этому, видя возможность въ конецъ истребить ихъ всѣхъ вѣстѣ. Хотя Родогайсъ, станувъ своихъ варваровъ въ одно мѣсто, хотѣлъ остановить успѣхи Стиликхона и выступилъ противъ него, чтобы сразиться съ его арміею (132), однакожъ что могло значить это рвеніе, когда его голодная дружина на половину не имѣла даже хорошаго оружія? Разбитый на-голову, Родогайсъ былъ загнанъ въ чрезвычайно тѣсныя и суровыя по климату Фезуланскія ущелья (133). Голодъ и болѣзни въ корот-

(131) Orosius VII, 37. Jornand. De success. regn. c. 95. Вообще сдѣланный объ этомъ набѣгѣ имъ извѣстѣ мало.

(132) Orosius. VII, 37.

(133) Ibid. — Зосимъ полагаетъ (стр. 26. liv. V), что Стиликхонъ разбилъ Родогайса по ту сторону Дуная, имѣя предѣломъ Имперію. Но это, по всей вѣроятности, ошибка переписчика, который вмѣсто Ἀριος прочелъ Ἰσρος. Gibbon. t. VII, 280.

кое время истребили цѣлыя тысячи варваровъ въ этой засадѣ. Видя неизбежную гибель, Родогайсъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ пасть со славою, въ битвѣ. Оставивъ здѣсь на произволъ судьбы большую часть своихъ сподвижниковъ, онъ съ немногими вышелъ изъ тѣсннвъ и началъ на Римское войско; но судьба не судила ему погибнуть въ бою: онъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Прочихъ плѣнниковъ Стилихонъ размѣстилъ по легионамъ, для пополненія ихъ послѣ потерь, понесенныхъ въ эти дѣй войны.

Неописанная была радость Италіи послѣ истребленія этихъ дикихъ варварскихъ полчищъ. Стилихонъ, виновникъ ея спасенія, теперь достигъ самой высшей степени могущества и славы въ государствѣ; онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Римъ при гроющихъ, радостныхъ кликахъ признательнаго народа (133). Мысль, что Сѣверныя границы Имперіи теперь безопасны, что главный врагъ ея — Готы приведены къ мирному заселенію ея областей, сознаніе, что надежда Θεодосіа Великаго — слить варваровъ въ одну націю съ Римлянами исполнена въ половину, — все это наполняло его душу какою-то торжественною, спокойною радостію, которую чувствуетъ человѣкъ, по окончаніи нѣкѣстнаго дѣла, видящій, что онъ не напрасно трудился, а съ пользою для себя и другихъ. Тѣмъ пріятнѣе было для Стилихона торжество его, что онъ теперь видѣлъ возможность осуществить свою заветную мысль о Востоцѣ при помощи новаго союза съ Аларихомъ. Но ему не суж-

(133) На пьедесталѣ статуи, поставленной въ честь Стилихона, сдѣлана была слѣдующая надпись: *Viro bis consuli ordinario, Magistro utriusque militiae, Comiti domesticorum et stabuli sacri, atque ab ineunte aetate per gradus clarissimae militiae ad columnae regiae adfinitatis evecto, socio bellorum omnium et victoriarum, affinitiam divi Theodosii Augusti itemque socero domini nostri Honorii Augusti Populus Romanus pro singulari ejus circa se amore atque providentia statuam ex aere argentoque in Rostris ad memoriam Glorae Sempiternae collocandam decrevit. Exsequente F. Pisidio Romano V. C. Praef. Urbis. — Zoa. lib. V, 26.*

дено было достигнуть этого. Причина тому заключалась въ неприязненныхъ отношеніяхъ къ нему Императора, не хотѣвшаго переносить, чтобы чье-нибудь вліяніе въ Имперіи превозмогло его собственное. Такія неестественныя отношенія между Императоромъ и полководцемъ были подготовлены цѣлымъ рядомъ событий. Сторону Гонорія противъ Стилихона принимали всѣ чистые Римляне, которые давно съ безсильною завистію и злобою смотрѣли на возвышеніе послѣдняго и усиленіе вліянія съ нимъ въ Имперіи варварскаго элемента, заслонявшаго собою ихъ самихъ; нерасположеніе Императора къ Министру теперь послужило для нихъ сигналомъ къ реакціи противъ варваровъ. Эти личныя отношенія между Министромъ и Дворомъ скоро превратились въ борьбу двухъ разнородныхъ элементовъ Имперіи. Несчастныя для Имперіи событія: нашествіе на Галлію и Испанію Свевовъ, Вандаловъ и узурпаторство въ Британіи Константина, будучи объяснены врагами Стилихона и противниками варваровъ, какъ слѣдствіе дурныхъ распоряженій Министра, и даже извѣсны съ его стороны государству и нѣкоторые другія обстоятельства возбуждали въ нерѣшительномъ Гоноріи твердое намѣреніе, какимъ бы то ни было способомъ, освободиться отъ Стилихона, и ускорили борьбу двухъ разнородныхъ началъ. Такъ какъ Стилихонъ и его приверженцы-варвары имѣли гораздо болѣе силы, нежели Гонорій и Римская партія: то сіи послѣдніе рѣшились дѣйствовать тайнымъ коварствомъ. Хотя первыя ихъ попытки ослабить Стилихона и лишить варваровъ значенія въ Имперіи не имѣли успѣха, но все-же они достигли своей цѣли, когда намѣреніе его ѣхать въ Константинополь и взять тамъ, по смерти Аркадія, вѣстѣ съ опекою надъ малолѣтнимъ Θεодосіемъ правленіе въ свои руки, казавшееся имъ преступнымъ, усилило ихъ рѣшимость: Стилихонъ погибъ вѣстѣ со многими своими приверженцами.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЯ СТИЛИХОНА.

(Окончаніе.)

ГЛАВА VIII (135).

Краткій историческій очеркъ и характеръ отношеній Римскихъ полководцевъ къ императорской власти. — Отношенія Стилихона къ Гонорію до его совершеннолѣтія. — Отношенія между ними съ 398 по 403 годъ. — Советъ Стилихона съ Аларихомъ и приготовленія къ походу для завоеванія Италіи. — Противодѣйствіе Гонорія и интриги враговъ Стилихона. — Намѣстые на Галлію Свевовъ и Вандаловъ, узурпаторство Константина и причины того и другаго событія. — Советъ государственный по случаю мира съ Аларихомъ. — Тайныя дѣйствія Гонорія и Римской партіи противъ Стилихона и его распоряженія въ это время. — Смерть императора Аркадія и замыслы Гонорія и Стилихона. — Олимпій и заговоръ противъ варваровъ и проверженіе Стилихона. — Убіиство въ Павіи. Клавдіанъ. — Стилихонъ въ Бомоннѣ. — Бѣгство его въ Равенну и смерть.

Уже въ первый вѣкъ единодержавія въ Римѣ, когда имперія не заключала еще въ себѣ такъ много разрушительныхъ началъ, какъ во время Стилихона, уже въ этотъ вѣкъ были случаи, что вліяніе полководцевъ превозмогало власть императора. Постоянная смѣна властителей, бывшая слѣдствіемъ этихъ отношеній, была одною изъ причинъ паденія имперіи. Съ теченіемъ времени вліяніе полководцевъ въ государствѣ все болѣе увеличивалось, а по мѣрѣ этого увеличенія слабѣла власть императора. Все это вытекало изъ хода событій. Въ государствѣ, которое мечетъ

(135) Источниками для этой статьи служили: Claud. De IV, VI cons. Honorii; de nuptiis Mariae et Honorii. Zos. lib. V, c. 20—34. Филосторгіи, Олимпіодоръ, Орозій, Иеронимъ. Пособія: Д. Лоренцъ и Etudes sur l'époque Mérovingienne. Pétigny.

присоединяло къ себѣ разныя царства и народы: и имъ же должно было удерживать ихъ у себя въ покорности, въ такомъ государствѣ сила полководца должна быть велика. Вотъ почему мы видимъ, что только тѣ императоры были самодержавны въ полномъ смыслѣ этого слова, которые обладали или воинскими талантами, или огромнымъ правительственнымъ умомъ, и во всякомъ случаѣ только тѣ, которые имѣли вліяніе на войско. Всѣмъ была понятна эта неестественность отношеній начальниковъ войска къ императорской власти, и многіе искали средствъ ослабить силу войска и его полководцевъ въ государствѣ. Раздѣленіе власти императорской между нѣсколькими лицами, сдѣланное Диоклетіаномъ, имѣло главною своею цѣлію удалить войска отъ участія въ избраніи императора; но оно не могло сопровождаться ожидаемымъ успѣхомъ: потому что случилось въ то время, когда въ имперіи начали усиливаться варвары; огромное значеніе войска и полководцевъ въ государствѣ, какъ не дая болѣе, согласовалось съ безпокойнымъ характеромъ варваровъ, и они, мало-по-малу наполнившіе собою Римскіе легіоны, вовсе не желали утратить это значеніе, и всегда являлись ревностными приверженцами своего полководца, коль скоро онъ возмущался противъ императора. Въ открывшихся, въ слѣдствіе этого раздѣленія, междоусобицъ, въ борьбѣ восточныхъ императоровъ съ западными, значеніе войска и сила вождей въ государствѣ еще болѣе увеличились, такъ что отъ нихъ теперь зависѣли и избраніе императора и продолжительная или кратковременная власть. Всякой императоръ болѣе или менѣе смотрѣлъ на военачальника, на какъ совмѣстника въ престолѣ, и старался, если этотъ военачальникъ пріобрѣталъ себѣ особенное уваженіе въ войскахъ, или удалить его, или самъ принять начальство надъ войскомъ. Въ слѣдствіе такихъ отношеній, погибъ Θεодосій, отецъ императора Θεодосія Великаго, который былъ казненъ единственно по подозрѣнію Граціана въ замыслѣ на престолъ; въ слѣдствіе этого Валентъ, не имѣя таланта полководца, не давалъ никому другому начальства надъ войскомъ, а самъ водилъ его противъ враговъ. Но эта политика императоровъ не могла подавить вліяніе вождей въ государствѣ. Ко времени Стилихона значеніе полководца въ имперіи до того возросло, а власть императора

ослабѣла, что Аргабастръ, какъ мы уже знаемъ, не боялся говорить и дѣлать грубости Валентиніану и, когда погубилъ его, то не принялъ самъ достоинства императорскаго, а считалъ выгоднѣйшимъ для себя быть магистромъ миліціи. Если при императорѣ Θεодосіи Великомъ не выдаются въ государствѣ сила и значеніе полководцевъ, такъ это только потому, что онъ самъ былъ отличный вождь и твердый государь; по смерти же его, когда ему наследовалъ несовершеннолѣтній Гонорій, власть ихъ естественно должна была возрасти, особенно въ лицѣ такого гениальнаго человѣка, какъ Стилихонъ.

Гонорій принадлежитъ къ слабѣйшимъ Римскимъ императорамъ. Не лзя указать ни на одно дѣло, которое бы говорило о немъ съ хорошей стороны. До исполненія четырнадцатилѣтнаго своего возраста, Гонорій обыкновенно сидѣлъ внутри своего дворца, вѣзвасмый ни войскомъ, ни народомъ. Стилихонъ свободно управлялъ государственными дѣлами и по своему благоусмотрѣнію двигалъ силами имперіи; но при этомъ онъ не забывалъ, что есть высшая власть въ государствѣ, и оказывалъ Гонорію всѣ знаки вѣрноподданническаго уваженія (136). Онъ не имѣлъ времени заняться воспитаніемъ императора и, будучи благороденъ въ душѣ, ничего не искалъ для себя въ неопытности его. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи у него были достойные помощники. Св. Амвросій Медиоланскій (137) наставлялъ молодого императора въ дѣлахъ вѣры и сообщалъ ему нѣкоторые необходимыя познанія. Хотя этотъ знаменитый пастырь Церкви умеръ вскорѣ (397 г.), но его вліяніе на императора не осталось безъ благихъ послѣдствій, и выборъ такого наставника для Гонорія указываетъ на стараніе Стилихона о пользахъ царственнаго питомца. Всего же болѣе Гонорій воспитывался подъ вліяніемъ и присмотромъ Серены (138). Съ нею онъ жилъ въ удаленіи отъ тогдашняго шума политическихъ дѣлъ, и проводилъ большую часть времени въ Медиоланѣ. Не одна любовь къ державному отроку и родственнику побуждала Серену быть ему вмѣсто матери: она имѣ-

(136) In prim. consul. Stilich. lib. II. 52—85.

(137) Ibid.

(138) De VI consul. Honor. 92—100. Laus Serenae.

ла въ виду въ послѣдствіи тѣсно соединиться съ императоромъ, отдавъ въ замужество ему одну изъ своихъ дочерей. Мысль эта возникла въ ея головѣ съ того самаго времени, какъ по смерти Θεодосія она овладѣла душою Гоноріа и съ нимъ немедленно отправилась изъ Константинополя въ Италію (139). Съ этихъ поръ Серена крѣпко держала его при себѣ и, не упуская изъ вниманія дѣлъ политическихъ и придворныхъ, умѣла поставить себя къ нему въ такое отношеніе, что ни одинъ изъ придворныхъ безъ нея не могъ говорить съ юнымъ императоромъ. Не имея двора, Гоноріи однакожъ не скучало; всѣ немныя игры, всѣ лапки и все возможное доставляла ему услужившая Серена, лишь бы только развлечь его (140). Впрочемъ, императоръ и не желалъ многого: слабый тѣломъ и малоразвитый духомъ, онъ радовался, какъ дитя, всякой игрушкѣ и прыгалъ отъ радости, когда Серена вывозила его куда-нибудь. Такъ росъ императоръ до 398 года, когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ. Серена разсудила, что пора привести въ исполненіе свою мысль о родствѣ своего дома съ Гоноріемъ. И Стилихонъ съ своей стороны началъ сознавать, что нужно своей власти въ государствѣ дать прочтѣннѣе основаніе; онъ понималъ, что съ возмужалостію императора, когда онъ будетъ являться при дворѣ и къ войску, отношенія ихъ могутъ измѣниться, что императоръ можетъ попасть подъ вліяніе его враговъ. Желая предотвратить это, Стилихонъ рѣшилъ, что не лужно откладывать бракъ до другаго времени. Возмущеніе солдатъ во время Гильдонской войны, показавшее Стилихону, что не совѣтъ прочна ихъ привязанность, на которой главнымъ образомъ покоилось его могущество, безъ сомнѣнія, было важною причиною, почему онъ воспылалъ желаніемъ Гоноріа на своей дочери. Этотъ же бракъ, по его мнѣнію, долженъ былъ навсегда упрочить за нимъ первое мѣсто въ имперіи: потому что онъ ставилъ его выше обыкновенныхъ подданныхъ. У Стилихона были двѣ дочери и ни одна изъ нихъ не достигла совершеннолѣтія. Обѣ онѣ и наружностію и характеромъ походили на свою мать. Старшей, Маріи, было въ то время

(139) De cons. VI Honorii. 92 sqq.

(140) De cons. III Honor. 126 sqq.

12 дѣтъ и она съ горестью услышала, что ей нужно идти замужъ за слабодушнаго и капризнаго Гоноріа, который при этомъ и наружностью былъ не хорошъ.

Бракъ Маріи съ Гоноріемъ былъ несчастенъ. Молодая императрица вскорѣ умерла (141). Смерть ея произвела нѣкоторую перемѣну въ отношеніяхъ Стилихона къ императору. Гонорій отъ времени-до-времени являлся предъ народомъ и войскомъ и, видя, что болѣе уваженія оказываютъ Стилихону, нежели ему, естественно досадовалъ. Но что могла значить его досада? Онъ видѣлъ, что опекунъ его слишкомъ силенъ, чтобы противо-дѣйствовать ему, да и для чего было бы противо-дѣйствовать Стилихону, когда онъ правилъ имперіей мудро? Гонорій понималъ это, а вѣсть съ тѣмъ желалъ быть полнымъ властелиномъ; онъ страдалъ, какъ только можетъ страдать человѣкъ, чью душу грызетъ бессильная зависть; но онъ долженъ былъ затаить въ себѣ эту душевную муку. Онъ сдѣлался еще своенравнѣе, чѣмъ прежде, но въ присутствіи Стилихона былъ тихъ и спокоенъ. Стилихонъ проникъ въ душу императора; хотя онъ былъ убѣжденъ, что Гонорій безсильнъ предъ нимъ, безсильнъ лишить его могучаго вліянія на государство, но онъ не хотѣлъ пользоваться его безсильемъ, чтобы одному управлять имперією и одному получать дань заслуженныхъ ямъ похвалъ; напротивъ, онъ являлся предъ императоромъ, какъ самый почтительный его вѣрно-подданный (142), предоставлялъ всѣ важныя дѣла его рѣшенію, — которое, конечно, всегда было согласно съ его мнѣніемъ, — и употреблялъ много другихъ средствъ, которыя бы могли льстить честолюбію властителя: устраивалъ торжественные выѣзды, ставилъ въ честь его статуи и т. п. Все это примирало Гоноріа съ Стилихономъ. Впрочемъ, онъ и не могъ иначе поступать по отношенію къ министру: потому что не показывалъ ни малѣйшей охоты къ занятію государственными дѣлами (143) и, конечно, долженъ былъ радоваться, что министръ принимаетъ на себя всѣ заботы правленія. Тѣмъ болѣе былъ необходимъ для него Стилихонъ, что вскорѣ Аларихъ вторгнулся въ Италію. При этомъ

(141) *Zoa lib. V, c. 28.*

(142) *In Primum conc. Süllich. 52—85.*

(143) *Zoa lib. V, c. 12.*

императоръ, обыкновенно всегда послушный волѣ своего министра, выказалъ рѣшительное упорство и, не смотря на всѣ его увѣщанія остаться въ Римѣ и своимъ тамъ присутствіемъ показывать народу, что опасность не велика, почти при первомъ слухѣ о нашествіи Готевъ удалился въ Равенну (144). Умныя распоряженія Стилихова во время опасности имперіи и блестящія побѣды, одержанныя имъ надъ Готами, еще болѣе увеличили его славу и значеніе въ государствѣ. Мы уже вѣдали, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣчалъ народъ Стилихова, когда онъ съ войскомъ пришелъ изъ Галліи. Помѣръ увеличенія славы военачальника падало значеніе императора. Его малодушное удаленіе въ Равенну возбуждало въ народѣ явные насмѣшки. Хотя Стилихомъ спасъ его отъ опасности попасться въ плѣнъ Алариху, хотя послѣ войны предоставилъ ему наслаждаться триумфомъ; однакожь слабый государь не могъ подавить въ себѣ чувство зависти къ министру и, кажется, похрипѣлъ врагамъ спасителя Италіи и нѣкоторымъ недоброжелательнымъ людямъ, объяснявшимъ миръ съ Аларихомъ, какъ падѣнію имперіи. Если Гонорій не выказывалъ своего нерасположенія къ министру, то только потому, что онъ скоро нуженъ былъ ему опять по случаю новой грозы, разразившейся надъ Италіею. Душа Гонорія не была лишена благодарства: когда была окончена война съ Родогайсомъ, то онъ вполне чувствовалъ благодарность къ побѣдителю варваровъ и, желая доказать ее, просилъ у Стилихова руки младшей его дочери Германціи. Стилиховъ не желалъ отдавать въ замужество свою несовершеннолѣтнюю дочь (145), опасаясь, что ее постигнетъ участь ея сестры; но, уступая требованію Серены и не желая отказомъ огорчить императора, согласился. Кажалось бы, что этотъ союзъ навсегда укрѣдитъ дружелюбныя отношенія между императоромъ и полководцемъ, но вышло иначе. Гонорій былъ очень слабодушенъ и доброе чувство къ Стилихову, которое возникло-было въ его душѣ, скоро исчезло, когда полнявшаяся Римская партія и начавшая обнаруживать реакцію противъ варваровъ стала обвинять министра въ разныхъ преступленіяхъ.

(144) De bello Getico. 560.

(145) Zos. lib. V, c. 28.

Немедленно послѣ востребленія Родогайсовой арміи, Стилихонъ снова обратилъ свое вниманіе на Востокъ (146), и снова вступилъ въ союзъ съ Аларихомъ для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Приготовленія къ походу были громадны. Въ то самое время, какъ Аларихъ занялъ Империю, имѣя при себѣ многочисленное войско и готовый по первому знаку Стилихона начинать военныя дѣйствія, этотъ послѣдній увеличилъ свою армію еще легіонами, выведенными изъ Галліи, и приготовилъ значительный флотъ, на которомъ предположено было перевести войска въ предѣлы Восточной имперіи. Главною цѣлю союза было, на первый разъ, отторгнуть отъ Восточной имперіи Иллирійскую префектуру и присоединить ее къ Западной имперіи, такъ чтобы Аларихъ относился къ одному Римскому правительству. Предлогомъ къ войнѣ было то, что во время прежнихъ раздѣленій имперіи аса Иллирійская префектура досталась на долю Западной части. Судя по приготовленіямъ союзниковъ, этотъ проектъ долженъ былъ скоро осуществиться и Восточная имперія едва ли могла устоять противъ такихъ сильныхъ и искусныхъ противниковъ.

Между тѣмъ какъ Стилихонъ готовился къ походу, при дворѣ образовалась партія, которая съ другой точки зрѣнія смотрѣла на его предпріятіе (147); она состояла большею частію изъ чисто-Римскихъ аристократическихъ фамилій. Эти люди или не понимали, или не хотѣли понять надлежащимъ образомъ предпріятій министра; они не раздѣляли съ нимъ мысли, что только тогда Западная имперія можетъ держаться противъ варваровъ, когда присоединить къ себѣ если не весь востокъ, то по крайней мѣрѣ часть его; не хотѣли вѣрить, что только въ соединеніи всѣхъ силъ имперіи во одно цѣлое заключается залогъ ея крѣпости. Они видѣли только массы варваровъ, которые жили тамъ-и-самъ въ государствѣ и которые всѣ были привязаны къ Стилихону и имъ покровительствуемы; въ этомъ они видѣли нарушеніе своихъ правъ, и теперь, когда союзъ министра въ Готѣми общалъ еще большее усиленіе варваровъ

(146) *Zos. lib. V, c. 27.*

(147) *Ibid.*

въ имперіи, они возвысили свой голоса противъ этого усиленія,— голоса, которые молчали съ Января и Февраля 395 года, будучи принуждены къ тому Стилихономъ. Но что враги Стилихона могли сдѣлать противъ него теперь, когда онъ сталъ еще сильнѣе, чѣмъ въ 395 году? Они понимали это и, чувствуя себя безсильными явно возстать на Стилихона, рѣшились дѣйствовать скрытно. Они знали характеръ императора, знали его желаніе безусловно-независимой власти въ имперіи и стремленіе поставить ее выше вліянія своего министра, и во всемъ этомъ они нашли достаточную опору для своихъ дѣйствій противъ варварскаго элемента. Немедленно Римская партія представила Гонорію предпріятіе Стилихона опаснымъ какъ для императора, такъ и для Римлянъ; представила ему, что онъ слишкомъ уже окружилъ себя варварами, что онъ самъ варваръ и по всей вѣроятности замышляетъ свергнуть властителей обѣихъ имперій. Какъ ни нелѣпо было такое обвиненіе, но Римская партія достигла своей цѣли: Гонорій, который сначала самъ согласился на этотъ походъ, опять началъ подозрѣвать Стилихона въ невѣрности; онъ вообразилъ, что полководецъ предпринималъ этотъ походъ для того, чтобы имѣть предлогъ перевести изъ Галліи войско и еще болѣе увеличить свою армію варварами и, усилившись такимъ образомъ, самовластвовать въ государствѣ; а потому положилъ, во что бы то ни стало, воспрепятствовать исполненію его плановъ. Стилихонъ былъ въ то время въ Равеннѣ и снаряжалъ флотъ (148). Не имѣя смѣлости официально отгнѣвить предположенный походъ въ Иллирію и дать предписаніе главнокомандующему отослать назадъ Гальскіе легіоны, Гонорій сталъ дѣйствовать окольными путями. Тайно, не снесясь предварительно съ Стилихономъ, онъ послалъ Алариху предписаніе, чтобы онъ оставался въ Иллиріи, но ни подъ какимъ видомъ не начиналъ военныхъ дѣйствій и не переходилъ съ своимъ войскомъ въ предѣлы восточной части Иллирійской префектуры (149). Вскорѣ за сими разнесся слухъ въ Италію, что Аларихъ умеръ (150). Кто распустилъ эту молву, достоверно не извѣстно; но, судя по ходу событій,

(147) Zos. lib. V, 28.

(149) Ibid.

(150) Ibid.

должно полагать, что это были уловки Римской партіи, сдѣланныя съ тою цѣлю, чтобы заставить этихъ самыхъ Стилихона отнѣнить походъ и распустить войско. Дѣйствительно, когда слухъ о смерти Алариха дошелъ до Стилихона, то онъ глубоко опечалился, что лишился вѣрнаго и благороднаго союзника, и намѣревался отнѣнить до времени походъ, тѣмъ болѣе, что о томъ просила его Серена, которая не могла не замѣтить, что этотъ походъ непріятенъ Гонорію, и которая между тѣмъ, сдѣлавшись тещею его, желала единственно согласіемъ между нимъ и своимъ супругомъ. Но лишь только Стилихонъ узналъ, что этотъ слухъ ложный и что Аларихъ по прежнему здравствуетъ, то еще съ большою энергіею сталъ дѣлать приготовленія къ экспедиціи, и намѣревался весною 407 г. плыть на востокъ. Въ это время случились два событія, которыя положили преграду его намѣренію. Событія эти—нашествіе на Галлію Свевовъ и Вандаловъ и узурпаторства Константина; они имѣли огромное вліяніе на отношенія Стилихона и варваровъ, служившихъ въ имперіи, къ императору и Римскому элементу: посему и считаю необходимымъ съ возможною полнотою объяснить причины, породившія эти событія, и представить сопровождавшія ихъ обстоятельства.

Свевскія племена, въ слѣдствіе движенія между Готами, въ началѣ IV столѣтія, устремились съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ и подступили къ предѣламъ имперіи въ намѣреніи искать себѣ земли для поселенія (181). Имъ однакожь не удалось получить ничего отъ Римскаго правительства, и они остались въ Германіи. Оттуда они постоянно дѣлали вторженія въ земли Франковъ и нерѣдко порывались омыкать берегами Рейна. Въ второй половинѣ IV столѣтія Сवेи получили большое подкрѣпленіе. Въ слѣдствіе нашествія на Европу Гунновъ, Вандалы и Аланы оставили свои земли, перешли Дунай и соединились съ ними. Здѣсь эти народы наконецъ услаивались до значительной степени, такъ что въ 399 году Стилихонъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ имперіи, призналъ за полезнѣйшее для государства покончить съ ними дѣло полюбовно и убѣдилъ императора

(181) *Etudes sur l'époque Mérovingienne*. Pétigny. T. I. 285.

отдать имъ во владѣніе самовольно занятыхъ ими земли (152). Мы уже видѣли, что Стихонъ умѣлъ привлечь для государства пользу изъ поселенія этихъ варварскихъ народовъ, составивъ изъ нихъ, во время войны съ Готами, цѣлый кавалерійскій корпусъ. Но это союзничество съ Римлянами явсколько одинаково не мѣшало имъ имѣть замыслы, противные интересамъ имперіи, особенно когда они видѣли, что благоприятствуютъ тому обстоятельству. Въ 406 году Вандамы подали другимъ народамъ въ этомъ отношеніи примѣръ: они двинулись изъ глубины сѣвера, прошли по среднимъ Германіи и явились на берегахъ Рейна, гдѣ обитали Франки. Хотя тамъ не было много войска: потому что Гальскіе легіоны, какъ мы уже знаемъ, Стихонъ перевелъ въ Итадію (153) частью во время Готеской войны, частью для предположеннаго похода на востокъ; однако Франки мужественно встрѣтили пришельцевъ и, по свидѣтельству Фригеріадіа, въ завязавшей битвѣ положили ихъ на мѣсто до 20 тысячъ, причеиъ палъ ихъ герцогъ (154). Дѣло однакожъ скоро приняло другой оборотъ, когда по слѣдамъ Вандаловъ прибѣла на Рейвъ Свевы и Алапы и приняли ихъ сторону. Хотя Франки нѣсколько и успѣли отъ того, что одинъ изъ Алапскихъ князей, по имени Гоаръ, приведенный въ удивленіе ихъ мужествомъ, перешелъ на

(152) Quia ex multis gentibus sequentes felicitatem Romanam se ad imperium nostrum contulerunt, quibus terrae laetiae administrandae sunt, nullus ex iis aliquid sine nostra notatione mereatur; et quoniam aut amplius quam meruerant occuparunt, aut concludio principum, aut defensorum vel subrepticis rescriptis, majorem quam ratio poscebat terrarum modum sunt consecuti, inspector idoneus dirigatur qui ea revocet quae aut male sunt tradita, aut improbe ab aliquibus occupata. Cod. Theod. lib. XIII, t. 4, l. 9.

(153) Venit et extremis legio praetenta Britannis;
Agmina quin etiam flavis objecta Sicambris
Quaeque domant Catos immansuetos Cheruscos
Huc omnes vertere minas, tutumque remotis
Excubili Rhenum solo terrore relinquunt. (De bello Gotico).

(154) Interea Respendal, rex Alanorum, Goare ad Romanos transgresso, de Rheno agmen suorum convertit. Vandalis Francorum bello laborantibus, Godegisilo rege absumpto acie, viginti fere millibus ferro peremptis, cunctis Vandalorum ad internecionem delendis, si Alanorum vis in tempore subveniret. Friger, in Greg. Taron., Hist. l. II, c. 9.

них сторону (155); но они, сражаясь только пѣшіе, не могли держаться противъ страшно быстрыхъ вѣтисковъ Аланской кавалеріи, и должны были оставить доселѣ защищаемый ими правый берегъ Рейна (156). Тогда, соединеннымъ вѣстѣмъ толпы Свевовъ, Вандаловъ и Алаговъ, въ послѣднихъ числахъ Декабра 406 года, перешли по льду Рейна и вторглись въ Бельчику (157). Вторженіе этихъ дикихъ полчищъ сопровождалось всѣми ужасами опустошенія и убійства. По свидѣтельству Св. Іеронима, варвары взяли Майнцъ, разорили его, а жителей умертвили; погибли подъ нихъ мечами даже тѣ, которые искали убѣжища въ храмахъ. Въ слѣдъ за Майнцомъ шли подъ нихъ ударами Реймсъ, Амьень, Аррасъ, Страсбургъ и другіе города. Къ лѣту 407 года всѣ провинціи между Доарою, Ромою, океаномъ и Пиренеями, кромѣ гористой Оверни, сдѣлались добычею Германцевъ; народонаселеніе или было умерщвлено, или попадало въ плѣнъ, или погибало отъ голода въ стѣнахъ городовъ, гдѣ искало себѣ спасенія (158). Все войско, какое только было тогда въ Галліи, состояло изъ горнизоновъ въ Пуатье, одного легіона въ Блей (Blabia) и одного отряда при устьѣ Адуръ. Находясь другъ отъ друга въ значительномъ разстояніи, эти отряды, конечно, ничего не могли сдѣлать противъ варваровъ, Свевы и Вандалы, не встрѣчая такимъ образомъ никакого сопротивленія и препятствія, аскорѣ появились у Пиренеевъ и частію перешли въ Испанію.

Въ то же самое время (159), въ Римѣ узнали объ этомъ несчастіи, постигшемъ Галлію, куда не замедлило прійти извѣстіе

(155) Ibid.

(156) *Gentes Alanorum, Suevorum, Vandalorum multae cum his aliae Francos proterunt, Rhenum transeunt.* Oroa. Hist. lib. VII.

(157) *Vandali et Alani, trajecto Rheno, Gallias pridie calendas januaris ingressi sunt.* Prosper chronic. ad ann. 406.

(158) *Moguntiorum quondam nobilis civitas capta et subversa est, et in ecclesia multa hominum millia trucidata; Vangiones longa obsidione deleti; Remorum urbe praepotens, Ambiani, Atrebatas extremique hominum morini, Tornacum, Nemetas, Argentoratus translata in Germaniam. Aquitaniae novemque populorum, Lugdunensis et Narbonensis provinciae praeter paucas urbes popolatae sunt cunctae, quas et ipsae foris gladius vastat, fames.* Hieron. Epist. ad Gerontium.

(159) Gibbon t. VII, 300.

о возмущеніи въ Британіи. Въ первые годы правленія Гоноріа, этотъ отдаленный островъ, неусыпными трудами Стилихона, былъ такъ хорошо устроенъ, что, при помощи разставленныхъ тамъ легионовъ, въ которыхъ введена была строгая дисциплина, сильно могъ защищаться противъ постоянныхъ своихъ враговъ, приходившихъ изъ-за моря, съ горъ и съ береговъ Ирландіи (160). Но эти беспокойные варвары опять начали тревожить Британію, когда, въ слѣдствіе Готеской войны, берега ея и пограничныя укрѣпленія остались безъ всякаго почти войска. Впрочемъ, Стилихонъ умѣлъ внушить имъ такой страхъ, что нападенія ихъ теперь были незначительны, и опасность грозила Римскому правительству съ другой стороны. Пребываніе Британскихъ солдатъ въ Италіи дало имъ возможность узнать плохое состояніе двора, раздѣлявшаго его партіи, характеръ Гоноріа, — человека слабого, недалековаго и думавшаго только объ удовольствіяхъ. Всѣ эти и другія свѣдѣнія должны были расторгнуть ту связь, посредствомъ которой Стилихонъ держалъ въ повиновеніи Британскую армію и еще болѣе распахнуть и безъ того склонныя къ мятежу умы Британскихъ солдатъ. Духъ возмущенія, который въ первый разъ обнаружился въ Британіи въ правленіе императора Галліена, теперь опять пробудился, когда, по окончаніи Готеской войны, нѣкоторые легионы получили позволеніе возвратиться въ Британію. Солдаты, услышавъ о бѣдствіи Галліа и опасаясь, чтобы варвары не проникли и въ Британію (161), отказались повиноваться Гонорію и рѣшились избрать себѣ императора по собственному усмотрѣнію (162). Выборъ палъ на какого-то Марка, и онъ былъ провозглашенъ императоромъ Бри-

(160) In Cons. Stilich. lib. II v. 280 sqq.

(161) Что одною изъ причинъ возмущенія Британскихъ легионовъ было опасеніе ихъ, чтобы Свевы и Вандалы не вторгнулись и въ Британію, объ этомъ Зосимъ говоритъ положительно; Βανδάλαι Χυθίοις καὶ Ἀλαγόις αὐτοὺς ἀναμείξαντες τοὺς τοὺς ὑπερβάντες τοὺς τόπους τοὺς ὑπὲρ Ἀλπεὺς εἶναι ἐλυμήναντο, καὶ πολὺν ἐργασίμενοι φόνον ἐκίφοροι καὶ τοὺς Βρεττανίας στρατοπέδοις ἐγίνοντο, συνηγάγμεσαν δὲ, διὰ τοῦ μὴ καπὶ σφᾶς προσελθεῖν, εἰς τὴν τῶν τυράννων ἐρηνοῖαι χαιρετονίαν, Μάρκου λέγε καὶ Γρατιάνου καὶ ἐπὶ τοῖς Κωνσταντίνου. lib. VI, c. 3.

(162) Zos. lib. VI, c. 2, 3.

таніи и Запада. Впрочемъ, онъ не могъ угодить своевольной арміи и чрезъ четыре мѣсяца послѣ своего избранія былъ убитъ. Когда другой узурпаторъ, именемъ Граціанъ, подвергся участи своего предшественника, тогда неустоимые солдаты нарекли императоромъ одного рядового, именемъ Константина (основывая свой странный поступокъ на томъ, что былъ некогда императоръ великій, носившій имя Константина: посему если онъ тогда возвелъ на престолъ Константина, то и теперь хотѣтъ, чтобы набранный ими императоръ назывался тѣмъ же именемъ. Этотъ человекъ (168) оказался вполне достойнымъ возложенной на него власти. Онъ скоро восстановилъ порядокъ въ Британіи и перешелъ въ Галлію съ намѣреніемъ, очистить ее отъ варваровъ, подчинить своей власти.

Между тѣмъ какъ Константинъ съ своими полководцами Юстиніаномъ и Невитгастеномъ началъ битъ повсюду разбѣжавшихся по Галліи Свевовъ и Вандаловъ, въ Римѣ и во всей Италіи эти два событія произвели страшное волненіе. Вниманіе умовъ однакожь было устремлено не на то, какъ бы пособить горю и поправить дѣла; но, считая это невозможнымъ, всѣ старались разглагольствовать, кто былъ причиною этихъ бѣдствій имперіи. Изъ изложенныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали эти несчастныя событія, не лзя не замѣтить, что причина ихъ кроется въ безнадёжно-плохомъ состояніи имперіи, гдѣ всѣ элементы, имперію составлявшіе, пошла врознь другъ отъ друга: потому что не было силы, которая могла бы связать ихъ, — или, лучше сказать, въ волю Провидѣнія, управляющаго судьбами царствъ и народовъ. А между тѣмъ большая часть народонаселенія Италіи приписывала эти бѣдствія умысленнымъ распоряженіямъ Стилихона. Римская партія распустила молву, что Свевы, Вандалы и Аланы къ нападенію на Галлію возбуждены были министромъ. Всѣмъ было извѣстно, что Стилихонъ былъ по природѣ Вандалъ и окружилъ себя преимущественно варварами: поэтому слухи объ измѣнѣ его показались вѣроятными. Народъ повзбужденъ тѣмъ благадѣіемъ, которыми былъ обязанъ ему; позабылъ,

(168) Гиббонъ, т. VII, стр. 302. Orosius. lib. VI, c. 40. Olympiodorus. corp. scrip. Hist. Byzant. pag. 452.

что онъ и самъ незадолго до этого встрѣчалъ съ восторженными кликами побѣдителя Алариха и Родоганса; упустилъ изъ виду, что эта политика Стихихона въ отношеніи къ варварамъ была установлена не имъ, а существовала уже до него, и что она рѣшительно была необходима для поддержанія имперіи въ это время, — и склонился на сторону его враговъ, принявъ оскорбительное мнѣніе, что министръ измѣнилъ государству и императору (164). Италіяны съ непріязнію смотрѣли на варваровъ, поселившихся и служившихъ въ имперіи, и если теперь же ничего не предпринимали противъ нихъ, такъ это потому, что тѣ, находясь подъ покровительствомъ Стихихона, были гораздо сильнѣе ихъ. Вечего, кажется, упоминать, что Гонорій исполнѣ раздѣлялъ съ врагами Стихихона и Италіянами мнѣніе объ измѣнѣ его и чувство ненависти къ варварамъ. Напрасно Стихихонъ, мало знавшій, по всей вѣроятности, объ оппозиціи, которая составлялась противъ него и варваровъ, отмѣнилъ походъ на Востокъ (165); напрасно со всею своею обычною энергіею принялся за новое дѣло, чтобы освободить Галлію отъ варваровъ и Британію отъ узурпатора: это нисколько не уменьшило въ душѣ Гоноріа подвѣрѣніи въ вѣрности своего министра, а въ Римлянахъ ненависти къ варварамъ. Нерасположеніе Гоноріа къ Стихихону еще болѣе усилилось, когда извѣстный тогда своимъ воинскими способностями Саръ, отправленный министромъ противъ Константина, появившагося недалеко отъ Бононіи съ намѣреніемъ овладѣть всею имперіею, не имѣлъ успѣха и долженъ былъ спасаться отступленіемъ въ Италію (166): Римская партія сдѣла-

(164) Это общее почти мнѣніе нашло себѣ выраженіе въ твореніяхъ Иеронима, который говоритъ: «*Quod non vitio principum sed vel religiosissimi sunt, sed scelere semi-barbari accidit proditoris qui nostris contra nos opibus atnavit inimicos*», и въ исторіи Орозія (lib. VII, c. 27) *excitatae per Stiliconem*.

(165) Zon. lib. V 27.

(166) Зосимъ рассказываетъ, что сначала Саръ успѣшно дѣйствовалъ, разбилъ Константинова полководца Юстиніана, осадилъ самого узурпатора въ Валенцію; но испортилъ все дѣло своимъ вѣроломствомъ: когда другой полководецъ Константина Невгастесъ вступилъ съ нимъ въ переговоры о мирѣ, онъ принялъ его дружески; когда же миръ былъ утвержденъ клятвою съ обѣихъ сторонъ, Саръ увер-

заясь послѣ того смѣлѣе въ своей ненависти къ нему и зарва-
рамъ, и ждала только случая, чтобы обнаружить свои чувства
передъ нимъ.

Случай не замедлилъ представиться, когда весною 408 г. Аларихъ выступилъ опять съ своими требованіями предъ Рим-
скимъ дворомъ. Простоявъ цѣлые полтора года въ Эпирѣ и дру-
гихъ провинціяхъ Иллирійской префектуры, съ тѣмъ чтобы
вмѣстѣ съ Римскими войсками отправиться въ походъ на Констан-
тинополь. Готскій король крайне былъ раздосадованъ, когда
узналъ, что въ Италіи распространили слухъ объ его смерти; гнѣвъ
его сдѣлался основательнымъ и справедливымъ, когда дошла до
него вѣсть, что похода вовсе не будетъ и что, слѣдовательно, онъ
напрасно дѣлалъ къ нему приготовленія (167). Онъ немедленно дви-
нулся съ войскомъ изъ Эпира и, перелезши горы, явился въ Но-
риакъ; отсюда онъ послалъ къ Стилихону въ Равенну пословъ съ
требованіемъ вознагражденія деньгами за издержки, кото-
рыя онъ употребилъ въ приготовленіи къ экспедиціи. Стилихонъ
признавалъ справедливость этого требованія, и тотчасъ послѣ
того, какъ выслушалъ Алариховыхъ пословъ, отправился въ Римъ,
чтобы тамъ передать это дѣло на разсмотрѣніе императора и
сената. Въ чрезвычайномъ засѣданіи, которое состоялось по этому
случаю, мнѣнія сенаторовъ раздѣлились. Большая часть нашла
требованіе Алариха черезъ-чуръ заносчивымъ и полагала, что
нужно оружіемъ смирить его гордость; Стилихонъ же объявилъ
рѣшительно, что слѣдуетъ уловить требованіе Готскаго
вождя и заключить съ нимъ миръ. Тутъ-то въ первый разъ обна-
ружилась явно оппозиція противъ министра, которая доселѣ дѣй-
ствовала скрытно; приверженцы Римской партіи и другіе враги
Стилихона подняли страшный крикъ, когда услышали рѣшеніе
Стилихона. «Что заставляетъ тебя такъ думать?» — спрашивали они
Стилихона. «Почему ты желаешь мира съ варваромъ? Миръ, ку-
пленный за деньги, есть безчестіе для имперіи».

тивъ Невгастеса. Всѣ войска узурпатора послѣ этого воспылали
мщеніемъ противъ вѣтопреступника и подъ предводительствомъ
Франка Эдобинха и Геронція выказали такія силы, что Сартъ дол-
женъ былъ снять осаду Валепціи и отступить. *Zos. lib. VI, 2.*
(167) *Zos. lib. V c. 29.*

Министръ выслушалъ всѣ колкости. Грусть и негодованіе волновали его; но онъ однакожь подавилъ въ себѣ эти чувства. «Я такъ думаю» — возразилъ онъ — «вотъ почему: Аларихъ ради выгодъ императора стоялъ такъ долго въ Эпирѣ, чтобы, соединивъ со мною свои силы, оружіемъ отторгнуть отъ Восточной имперіи Илірію и присоединить ее къ Западной. И это удалось бы намъ, еслибы предписаніе императора не остановило похода; въ ожиданіи этого похода Аларихъ потратилъ много времени и денегъ» (168). При этомъ Стихиконъ показалъ повелѣніе императора, которое прислалъ ему Готескій король для подтвержденія правоты своихъ требованій. Намъ уже извѣстно содержаніе этого повелѣнія, равно какъ и цѣль, съ которою оно дано было Алариху. Твердость, съ которою министр провознесъ свою рѣчь, и очевидная справедливость его сужденій смутили сенаторовъ: они увидѣли, что ничего больше не остается дѣлать, какъ согласиться съ его мнѣніемъ. Тотчасъ было определено заплатить Алариху четыре тысячи литровъ золота. Впрочемъ, въ душѣ сенаторы нисколько не были расположены повиноваться распоряженіямъ Стихикона, и дѣлали это единственно потому, что опасались своихъ противорѣчій навѣсть на себя гнѣвъ все еще могущественнаго министра. Одинъ изъ нихъ однакожь, именемъ Лампадій, челоуѣкъ извѣстный своимъ происхожденіемъ и заслугами, не могъ скрыть своихъ чувствованій и, когда подписывали *Senatus consultum*, Римская гордость взяла верхъ надъ всѣми другими его ощущеніями, и онъ громко сказалъ: *non est uita rex, sed pactio servitutis* (это не царь, но договоръ на рабство); но тутъ же спохватился. Опасаясь нести министра, онъ укрылся въ Христіанскую церковь (169).

Хотя Стихиконъ теперь не могъ не убѣдиться, что значеніе его въ государствѣ уже не таково, какое было прежде; что при дворѣ составлялась противъ него цѣлая партія, цѣлю которой было низвергнуть его съ высоты величія; но онъ былъ слишкомъ гордъ, слишкомъ вѣрнулъ въ свое могущество, упроченное столь многими лѣтами славнаго служенія имперіи, чтобы безпокоиться

(168) Ibid.

(169) Zos. lib. V, 29.

объ этомъ. Оставивъ безъ вниманія противорѣчiе нѣкоторыхъ сановниковъ, высказанное ими съ такою кolkoctiю и съ такимъ оскорбительными намеками въ торжественномъ засѣданiи, и выходя къ Лампадiа, Стилихонъ спѣшилъ поправить неудачный походъ Сара противъ узурпатора. Онъ тотчасъ обратился къ Алариху съ требованiемъ отъ него вспоможенiя въ предстоящей войнѣ. Готскiй король, еще разъ ниѣвшимъ случаемъ убѣдиться въ благородствѣ дѣйствiй министра, охотно принялъ это предложенiе и сдѣлалъ гораздо болѣе, нежели чего требовалъ Стилихонъ: самъ съ многочисленною армiею перешелъ въ Италию и ждалъ только, когда соединятся съ нимъ Римскiе легiоны, которые были ему обѣщаны, чтобы открыть дѣйствiя противъ мятежника. Посылая Готскаго короля противъ узурпатора, Стилихонъ самъ въ то же время думалъ съ нѣсколькими легiонами занять восточную часть Иллирiйской префектуры. Между тѣмъ какъ все вниманiе Стилихона было устремлено на пользу государства и императора, когда онъ единственно объ этомъ и заботился, враги его не дремали. Въ общемъ собранiи сената они такъ далеко зашли въ своей ненависти къ военачальнику, что воротиться назадъ, оставить свои замыслы противъ него и варварской партiи, по ихъ мнѣнiю, значило бы безъ всякаго прекословiя отдаться въ ихъ руки, или сдѣлать ихъ своими господами. Враги Стилихона пошли впередъ. Не трудно было имъ склонить на свою сторону императора; Гонорiй послѣ того, какъ Стилихонъ разоблачилъ его тайныя думы предъ цѣлымъ собранiемъ, поставилъ его чрезъ то въ какое-то страдательное, чтобы не сказать смѣшное положенiе, Гонорiй возненавидѣлъ своего тестя со всею злобою непримиримаго врага и рѣшился погубить его. Для достиженiя этой цѣли онъ съ своими вельможами составилъ слѣдующiй планъ: «Немедленно онъ отправится въ Равенну и, склонивъ на свою сторону Сара, военачальника тамошнихъ легiоновъ, поѣдетъ въ Павiю къ войску, которое уже давно ненавидѣло Стилихона за то, что онъ оказывалъ предпочтенiе варварамъ. Когда все это исполнится, то ему легко будетъ сдѣлать все, что захочетъ съ Стилихономъ, который такимъ образомъ не будетъ ниѣтъ на своей сторонѣ войска». Заговоръ былъ веденъ съ такою скрытноcтiю, что никто, даже Серена и самъ Стилихонъ, не

знали объ умыслѣ императора (170). Вскорѣ однакожь Стилихонъ неожиданно догадался, что ему грозитъ опасность со стороны Гонорія: одинъ чиновникъ, очень много обязанный Стилихону, подъ секретомъ сообщилъ ему, что императору угрожаетъ опасность въ Павіи, куда онъ отправляется. «Потому что, говорилъ онъ, тайныя войска, не расположенныя къ тебѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не замедлятъ выместить свою злобу на твою же заты». Этотъ человекъ говорилъ такъ потому, что несколько не сомнѣвался, какъ и многіе другіе, въ расположеніи императора къ министру (171). Но едва онъ развѣдалъ о замыслахъ императора противъ Стилихона, какъ скрылся: потому что за свою приверженность къ министру боялся подвергнуться опалѣ. Сколько ни искалъ его Стилихонъ, было напрасно. Когда онъ узналъ о причинахъ такого поведенія своего кліента, то первое чувство, которое возникло въ его душѣ, было глубокое огорченіе, — чувство человека, оскорбленнаго несправедливостію любимаго лица; онъ еще не зналъ вполне и въ подробности составившагося противъ него заговора; ему только больно было отъ того, что Гонорій, для пользы котораго онъ не щадилъ ничего, замышляетъ ему зло. Онъ чувствовалъ свои силы, увѣренъ былъ, что императоръ ничего не можетъ ему сдѣлать; но онъ въ то же время не хотѣлъ вступать въ борьбу съ сыномъ Θεодосія Великаго, взявшаго съ него клятву пещися о дѣтахъ своихъ. Тѣмъ не менѣе однакожь Стилихонъ рѣшился дать почувствовать свою силу легкомысленному зятю, который, какъ предполагалъ онъ, возымѣлъ къ нему нерасположеніе единственно въ слѣдствіе наущенія придворныхъ, и показывать, что не легко бороться съ Стилихономъ. Мѣра это казалась Стилихону тѣмъ необходимымъ, что всѣ усилія склонить императора не ѣхать въ Равенну, а оставаться въ Римѣ, были напрасны, и Гонорій не оставлялъ своего намѣренія, говоря: «Аларихъ, перейдя въ Италію, можетъ нарушить миръ, нечаянно напасть на Римъ и взять меня въ плѣнъ» (172). Ничтожность, даже нецѣльность предлога къ этой поѣздкѣ не могли не навести Стилихона на мысль, что

(170) Zos. lib. V, c. 30. Olympiod. Corp. scr. Hist. Byz. 449, 450.

(171) Ibid.

(172) Zos. lib. V, c. 30.

императоръ все еще замышляетъ противъ него что-нибудь недоброе, и нисколько еще не одумался. Во всякомъ случаѣ, эта поѣздка императора явно грозила разрушеніемъ плановъ Стилихона относительно образа дѣйствій противъ узурпатора и востока, что не леза было не замѣтить изъ отъѣздовъ Гоноріа о Готескомъ королѣ изъ неудовольствія его, съ какими онъ согласился на этотъ планъ. Тогда Стилихонъ тайно далъ знать Равенскому префекту и командующему тамошними войсками, чтобы онъ произвелъ фальшивый бунтъ. Здѣсь Стилихонъ рассчитывалъ на то, что Гонорій не поѣдетъ въ городъ, гдѣ возмущались солдаты, а оставшись въ Римѣ, его же самого пошлетъ усмирять мятежниковъ. Хотя приказаніе Стилихона исполнено было въ точности, однакожь эта мѣра не имѣла успѣха. Императоръ сначала, по видимому, рѣшился отклонить свою поѣздку; но это было сдѣлано съ особою цѣлю: въ это время враги Стилихона неутомимо продолжали дѣйствовать противъ него; они успѣли склонить на свою сторону Сора. Этотъ человѣкъ желалъ занять мѣсто главнаго вождя (*utrinque militiae*), и потому охотно согласился содѣйствовать императору и его сообщникамъ къ погубленію Стилихона. Всѣ эти интриги, какъ и прежде, ведены были съ необыкновенною скрытностію. Замыслы императора противъ министра явнѣе обозначились и цѣль его поѣздки сдѣлалась очевиднѣе, когда онъ, прѣѣхавъ въ Равенну, не остался здѣсь долго, — что, какъ прежде онъ говорилъ, необходимо для его безопасности, а отправившись въ Бононію (173). Стилихонъ остался въ Равеннѣ. Прибывъ въ Бононію, Гонорій задумалъ вооружить противъ Стилихона и вѣдущую армію, которая, какъ мы уже сказали, была предана ему всею душою. Для этого онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: онъ послалъ изъ Бононіи Стилихону предписаніе наказывать солдатъ за то, что будто бы они произвели между собою раздоръ (174). Стилихонъ не могъ не повѣтъ, къ чему клонился этотъ императорскій приказъ; онъ не могъ не видѣть, что если въ точности исполнить повелѣніе Гонорія, который и самъ имѣлъ полное право наказывать преступниковъ, то не говоря уже о томъ, что солдаты тогда не пойдутъ въ

(173) Zos. lib. V, 31.

(174) Ibid.

Иллирию въ походъ, онъ этимъ лишить себя послѣдней опоры въ государствѣ: потому что они послѣ этого не будутъ ему преданы и не окажутъ повиновенія. Посему онъ счелъ нужнымъ уладить это дѣло другимъ образомъ, — такъ чтобы и императоръ не имѣлъ повода на него негодовать, и солдаты еще болѣе полюбили его. Не теряя времени, Стилихонъ отправился въ Бононию. Солдаты не знали, что и подумать, увидѣвъ своего вождя нисколько не разгнѣваннымъ: потому что имъ сказали, что Стилихонъ жесточайшимъ образомъ намѣренъ наказать ихъ, и что виновнѣйшіе будутъ казнены. По всей вѣроятности, эти слухи между солдатами были распущены врагами Стилихона съ тою мыслию, что они подвигнутъ бунтъ, коль скоро явится онъ и умертвить его. Принтеры подобныхъ поступковъ солдатъ Римскихъ съ своими полководцами были многочисленны. Но теперь этого не случилось. Стилихонъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ привѣтствовалъ войско, и когда военные клики, съ которыми обыкновенно встрѣчались Римскіе вожди, утихли, объявилъ ему волю императора. «Императоръ» — говорилъ онъ солдатамъ — «приказываетъ мнѣ наказать васъ, а зачинщиковъ мятежа казнить». Ропотъ пробѣжалъ по рядамъ войска; слезы потекли у нѣкоторыхъ солдатъ. Стилихону жаль стало ихъ, и онъ тутъ же объявилъ, что имъ нечего бояться, что онъ будетъ ходатайствовать предъ императоромъ объ ихъ помилованіи (175). Можно себѣ представить душевное состояніе солдатъ, когда они отъ страха, отъ тяжелаго ожиданія невзгоды вдругъ перешли къ сознанію, что имъ нечего бояться; послѣ этого Стилихонъ сдѣлался для нихъ еще дороже. Сей послѣдній съ полною увѣренностію въ своей безопасности отправился къ императору ходатайствовать за солдатъ. Гонорій ничего не могъ лучше придумать, какъ исполнить желаніе министра.

По всему видно, что заговоръ императора и его сообщниковъ противъ Стилихона оканчивался ничѣмъ. Гонорій, видя, какъ высоко возрасло могущество министра надъ его собственнымъ, кажется, потерялъ всякую охоту бороться съ своимъ тестенъ и хотѣлъ

покориться своей участи; съ нимъ вмѣстѣ приуныла и Римская партія, лишившаяся теперь въ Гоноріи, по причинѣ недостатка въ немъ рѣшительности, своей опоры. Дѣло однакожь вскорѣ приняло совершенно иной оборотъ; причиною тому было слѣдующее обстоятельство. Тотчасъ послѣ отъѣзда Гонорія изъ Рима, слѣзлось тамъ достоверно извѣстнымъ, что восточный императоръ Аркадій умеръ (176). Когда эта вѣсть дошла до Гонорія, то весь дворъ пришелъ въ движеніе. Послѣ Аркадія наслѣдникомъ остался малолѣтній сынъ его Θεодосій. Опекѣ надъ нимъ и управленіе востокомъ вмѣсто него представляли западу большія выгоды, а главное необыкновенно льстили самолюбію западнаго двора; теперь планы Стилихона относительно востока, прежде считавшіеся несбыточными, и потому вызывавшіе сопротивленіе со стороны императора и двора, теперь казались основательными. Императоръ Гонорій тотчасъ выразилъ намѣреніе отправиться въ Константинополь, чтобы тамъ принять бразды правленія въ свои руки (177), основывая свое право на опеку надъ наслѣдникомъ престола на ближайшемъ своемъ съ нимъ родствѣ. Главное, что побуждало его къ этой поѣздкѣ, безъ сомнѣнія, было то, что онъ надѣялся тамъ дѣйствовать совершенно независимо отъ вліянія министра. Стилихонъ, который во всю жизнь свою легѣлъ мысль о соединеніи востока съ западомъ, постоянно стремился къ власти и въ этой части имперіи, не могъ упустить этого удобнаго случая; напротивъ, онъ ухватился всѣми силами за этотъ случай и тѣмъ болѣе желалъ осуществитъ свою завѣтную мысль, чѣмъ менѣе видѣлъ расположенія къ себѣ на западѣ. Къ тому же онъ давно приготовлялся къ походу на востокъ, и слѣд. скоро могъ привести свой проектъ въ исполненіе. Потому счелъ нужнымъ отговорить императора отъ поѣздки въ Константинополь. Во-первыхъ, онъ представилъ Гинорію громаду издержекъ, необходимыхъ для этого путешествія. «Кромѣ того, говорилъ Стилихонъ, не слѣдуетъ тебѣ удаляться отъ заботы управленія имперіею потому,

(176) Ibid.

(177) Ὁ Βασιλεὺς Ὀνώριος αὐτὸς στέλλεσθαι τὴν ὁδὸν ταύτην διανοεῖτο, καὶ ὅσα πρὸς ἀσφαλείαν τῆς τοῦ νέου βασιλείας δίκονομήσαι. Zon. lib. V, 31.

что мятежникъ Константинъ овладѣлъ всею Галліею и живетъ въ Арелатѣ; онъ въ отсутствіе твое опять задумаетъ идти на Италію». Это, по замѣчанію Зосима (178), было достаточно показывало необходимость присутствія въ Имперіи и бдительности самого императора; къ сему Стихонъ прибавилъ тотъ же самый доводъ, которымъ Гонорій незадолго предъ тѣмъ, какъ уже извѣстно, доказывалъ ему необходимость ревизіи войска; именно Стихонъ говорилъ: «Аларихъ, уже выступившій противъ бунтовщика изъ Норвиги съ многочисленнымъ войскомъ, легко статься можетъ, обратить оружіе на Италію, когда будетъ проходить чрезъ нее, а если и не то, то во всякомъ случаѣ присутствіе твое въ Италиіи необходимо для того, чтобы руководить его движеніемъ». Доводы Стихона были неотразимо основательны, такъ что Императоръ ничего не нашелся сказать вопреки ему и тутъ же сталъ совѣщаться съ нимъ о томъ, что должно дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ. Результатомъ аудіенціи императора съ министромъ былъ слѣдующій планъ (179): «Гонорій немедленно отправится въ Павію къ войску и отдастъ ему приказъ выступить въ походъ противъ Константина, лишь только Стихонъ дастъ знать, что пора выступить. Это войско соединится съ арміею Алариха, который и поведетъ его противъ узурпатора. Стихонъ же, получивъ отъ императора депешу къ Готескому королю и кредитивныя грамоты къ Константинопольскому двору, побудитъ перваго къ скорѣйшему соединенію съ Павійскимъ войскомъ, послѣ чего поѣдетъ на Востокъ». Планъ былъ прекрасный. Но не лѣзя не видѣть, что тутъ императоръ, не смотря на то, что Стихонъ старался предоставить ему право высшаго авторитета въ государствѣ и по-видимому подчинялъ свои распоряженія его власти, является второстепеннымъ лицомъ, а главнымъ распорядителемъ остается министръ; не лѣзя не замѣтить, что Павійская армія, состоявшая преимущественно изъ Италіанскаго народонаселенія, терала свое значеніе, уступая его варварскому войску Алариха: потому что оно поступало теперь подъ начальство Готы и варвары составляли главныя

(178) Zos. lib. V, 31.

(179) Ibid.

силы имперіи. Все это, конечно, не могло не возбудить неудовольствія въ сердцахъ приверженцевъ Римской партіи и при другихъ обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ для варваровъ, и при болѣе мирныхъ отношеніяхъ; теперь же, когда начата была Римскимъ элементомъ реакція противъ варваровъ, императоромъ противъ министра, и сдѣланы были попытки ослабить все болѣе и болѣе возрастающее ихъ вліяніе, теперь это неудовольствіе должно было обратиться въ возстаніе и вызвать пер-выхъ на рѣшительныя дѣйствія противъ вторыхъ.

И дѣйствительно, приближенные Гоноріа, узнавъ обо всемъ случившемся, пришли въ волненіе; духъ ненависти къ Стилихону и варварамъ, долженствовавшій было ослабѣть, опять возвратился къ нимъ съ новою силою. Тѣмъ болѣе большая опасность угрожала теперь варварамъ и Стилихону, что у враговъ ихъ къ общему интересу примѣшивался интересъ личный и что большая часть ихъ нисколько не обнаруживала предъ ними своихъ настоящихъ чувствъ. Я хочу сказать этимъ то, что почти всѣ высшіе чиновники, принадлежавшіе къ Римской партіи, въ замышляемой ими реакціи противъ Стилихона и варваровъ, преслѣдовали свои выгоды и рассчитывали, по паденіи ихъ, занять ихъ мѣста въ государствѣ и захватить въ свои руки ихъ имущество, и въ то же время умѣли поставить себя въ такое отношеніе къ министру, что тотъ не видѣлъ причины считать ихъ своими врагами. Особенно же нужно это сказать объ Олимпіи, который стоялъ во главѣ образовавшейся противъ Стилихона партіи. Это былъ человекъ, который подъ скромною и прекрасною наружностію скрывалъ умъ и подъ личиною христіанскаго смиренія питалъ въ себѣ всѣ пороки утонченнаго придворнаго честолюбца (180). Стилихонъ всего менѣе въ немъ видѣлъ врага своего: потому что Олимпій своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ единственно ему (181). А между тѣмъ, оказывая Стилихону всякое уваженіе, онъ давно замышлялъ свергнуть его съ занимаемаго

(180) Такъ представляеть Зосимъ характеръ Олимпіа: Ὀλύμπιος τις, ὀρμηόμενος μὲν ἐκ τοῦ Εὐζεΐνου πόντου λαμπρὰς δὲ στρατείας ἐν τοῖς βασιλείοις ἡξιώμενος, ἐν δὲ τῇ, φανομένῃ τῶν Χριστιανῶν ἐνλαβεὶ πολλὴν ἀποκρίκων ἐν αὐτοῦ πονηρίαν и проч. lib. V, 32.

(181) Olympiod. corr. scrip. Hist. Byzant. pag. 449.

нимъ мѣста и доставить его самому себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ доселѣ бывшія интриги противъ министра главнѣйшимъ образомъ составлялись и ведены были этимъ человекомъ. Такимъ образомъ ненависть Римской партіи къ министру и его приверженцамъ достигла теперь степени непримиримой, злой вражды. Императоръ былъ въ нерѣшительномъ состояніи духа; онъ тоже ненавидѣлъ министра еще болѣе, чѣмъ прежде, и страшно лосадовалъ, что долженъ былъ согласиться на его распоряженія, столь противныя его намѣреніямъ; но онъ боялся его и не зналъ, что дѣлать. Въ такомъ дурномъ, тревожномъ расположеніи духа выѣхалъ Гонорій изъ Боновин. Его сопровождалъ весь дворъ. Олимпій, съ нѣкотораго времени сдѣлавшійся постояннымъ, неотлучнымъ собесѣдникомъ императора, и совершенно подчинившій слабую его душу своему вліянію, съ удовольствіемъ видѣлъ, что причина его внутренняго недовольства — Стилихонъ. Въ разговорѣ съ Гоноріемъ во время дороги онъ незамѣтно склонилъ свою рѣчь на дѣйствія министра, и представилъ ему, что Стилихонъ ѣдетъ въ Константинополь съ преступными замыслами; что онъ хочетъ тамъ тайно извести молодаго императора, а на его мѣсто посадить сына своего Евхерія (182). Какъ ни нелѣпо было это обвиненіе, какъ ни очевидна была клевета, потому что Олимпій ничѣмъ не могъ подтвердить истинны своихъ словъ, однакожь императоръ выслушалъ охотно своего любимца. Онъ не обращалъ вниманія на то, правду ли говорить ему Олимпій; ему нужно было отдѣлаться отъ Стилихона, и онъ ралъ былъ, что нашелъ къ тому предлогъ, хотя въ душѣ, можетъ быть, не былъ убѣжденъ въ преступленіи министра. Впрочемъ, какъ бы то ни было, составилъ при дворѣ новый заговоръ противъ Стилихона. Тогда какъ прежнія интриги противъ министра имѣли цѣлю одно ослабленіе его могущества и съ нимъ вмѣстѣ,

(182) Зосимъ такъ говоритъ объ этомъ навѣтѣ: Ὀλύμπιος ἐντυγχάνει αἰῶνος δι' ἐπισκελίας προσποθεῖν τῷ βασιλεὶ πολλὰ κατὰ τὸν ποιητὴν Ζυμαφόρα τοῦ Στελίχωνος κατέχει βήματα, καὶ ὡς διὰ τοῦτο τὴν ἐπὶ τὴν ἐφ' αὐτὴν ἐπιδημίαν ἐπραγματεύεσθαι, ὡς αὖ ἐπιβουλεύσας ἀναίρειν Θεοδοσίῳ τῷ νέῳ Ἐυχέρει τῷ παιδί τὴν βασιλείαν παραδοῖν. Ἄλλα ταῦτα μὲν εὐρυχωρίας αὐτῷ εὐσεῖς κατὰ τὴν ὁδὸν κατέχει τοῦ βασιλέως. Hb. V, 32.

конечно, вліянія варваровъ въ имперію и только въ крайнемъ случаѣ погибель его; теперь заговорщики рѣшительно имѣли въ виду безусловно одну его смерть. Кажется, на первый разъ положено было «назначить смотръ Тицинской арміи, и къ этой церемоніи пригласить Стилихона, предать его въ жертву немилости его солдатъ, или же возбудить ихъ къ убійству въ то время, когда они будутъ ведены имъ для соединенія съ Аларихомъ». Планъ этотъ не удался. Хотя Стилихонъ по прежнему не зналъ въ подробности и положительно, кто именно его враги, въ какой степени они сильны и что именно они замышляютъ, однакожъ не могъ не догадаться, что противъ него предпринимаютъ нѣчто недоброе. По крайней мѣрѣ онъ нисколько не спѣшилъ на востокъ, ожидая, чѣмъ кончатся козни его враговъ, не переводилъ Тицинской арміи, вопреки условію его съ императоромъ, опасаясь встрѣтить съ ихъ стороны непріязненныхъ дѣйствій; по этой же причинѣ, подъ разными предлогами, отказался ѣхать въ Павію, куда императоръ пригласилъ его для смотра войска (183). Эта неудача не остановила заговорщиковъ. Они положили привести въ исполненіе свои замыслы другимъ образомъ: имъ нужнѣе всего было ранѣе привязать къ себѣ солдатъ. Олимпій привалъ и это дѣло на себя; онъ далъ имъ обѣдъ, посѣщалъ больныхъ и, какъ бы въ порывѣ состраданія, рассказывалъ имъ о различныхъ козняхъ, приготовляемыхъ Стилихономъ имъ и императору. Помянуто, что ненависть солдатъ къ полководцу послѣ этого дошла до бѣшенства. Тогда Олимпій пригласилъ многихъ офицеровъ къ участию въ заговорѣ. Заговоръ ужасный и едва ли можно найти подобный въ исторіи: вѣдь императоръ составлялъ заговоръ противъ своихъ подданныхъ. Дѣло происходило такъ: чрезъ четыре дня послѣ своего пріѣзда въ Павію императоръ призы-

(184) Στελχων δὲ κατὰ χώραν (въ Бовоніи) ἔμενε τίς, οὔτε ἔπι τὴν ἐφ' αὐτῷ προῖον οὔτε ἑτερόν τι τῶν βεβουλευμένων ἄγων εἰς ἔργον, ἀλλ' οὔτε μέρος τῶν ἐν τῷ Τικηνῷ στρατιωτῶν εἰς τὴν Ῥαβένναν ἢ ἑτέρωθί που μετατιθεῖς, ὥς αὖ μὴ τῷ βασιλεὶ κατὰ πάροδον ὑπαντήσαντες εἰς τινα κατὰ αὐτοῦ τὸν βασιλέα κινήσειαν πρᾶξιν. Потомъ Зосимъ непосредственно прибавляетъ: Ἀλλ' ὁ Στελχων μὲν οὐδὲν συνεπιστάμενος ἀπηχῆς ἢ κατὰ τοῦ βασιλέως ἢ κατὰ τῶν στρατιωτῶν βεβουλευμένον ἐν τούτοις ἦν. Zos. Ha. V, 31, 32.

ваетъ въ свою ставку (praetorium) солдатъ. Гонорій сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, окруженный важнѣйшими чинами имперіи. Едва началъ онъ говорить имъ о необходимости похода противъ узурпатора, какъ Олимпій подаль имъ знакъ къ началу того, что было задумано (184). Рѣчь императора и жесты его любимца, какъ видно, были условнымъ сигналомъ къ убійству. Солдаты бросились на приверженцевъ Стилихона, которые стояли вблизи императора, и первыми жертвами ихъ неистовства были Лименій, начальникъ за-Альпійской гвардіи (Praefectus praetorii), и Харіобайдъ, главнокомандующій войсками Галльской префектуры (Magister militum). Той же участи подверглись и были убиты Винцентій, начальникъ кавалеріи (Magister equitum) и Сальвій, начальникъ дворцовой стражи (Scholae domesticorum comes). Императоръ, который при началѣ убійства удалился было изъ преторіума, потому что не могъ вывести этого кроваваго арѣшника, а можетъ быть и потому, что хотѣлъ остаться въ сторонѣ, т. е. показать себя не виновнымъ въ этомъ дѣлѣ, — опять явился туда, думая, что тамъ все уже кончено. Но убійство только что началось и приняло гораздо большіе размѣры, нежели какъ желали заговорщики. Солдаты разсыпались по городу и убивали всякаго, кто только казался имъ приверженцемъ Стилихона; вторгались въ храмы, гдѣ искали спасенія многіе вельможи, и тамъ умерщвляли ихъ. Вопли отчаянія и ужаса, стоны умирающихъ, брань разъяренныхъ солдатъ, все это сливалось въ одинъ ужасающій шумъ и оглашало городъ. Напрасно императоръ, появившись среди города, старался прекратить убійство, теперь казавшееся уже бесполезнымъ; предъ его глазами пали подъ ножами солдатъ искавшіе спасенія въ бѣгствѣ, но скваченные: Неморій, генералъ-церемоніймейстеръ (ordinum palatinorum magister), министръ финансовъ и уѣздовъ (fisci praefectus et rerum privatorum, sive patrimonii principis comes), Патроній, и государственный секретарь Сальвій, не избѣжали гибели и Донгіанъ, префектъ преторіанскій, не смо-

(184) Περί δὲ Στελλάχωνος θύθενος κινήθεντος ἐφαίνετο νέον τοῖς στρατιώταις Ὀλύμπιος καὶ ὡς ἐπὶ πνευματῶν ὡς ἐτυχεν αὐτοῖς ἐν παραβύσσει διαλεχθεῖς. Zos. lib. V, 32.

тря на то, що у ногъ Говорія уповалъ его о заступленіи. Императоръ началъ уже опасаться за свою собственную безопасность и поспѣшилъ удалиться съ кроваваго позорища. Убіиство и грабительство продолжались до поздней ночи. Разсвирѣпѣвшіе солдаты убивали уже не однихъ друзей Стиліхона и парваровъ; многіе погибли лишь потому, что попались имъ подъ руки (185). Не льзя однакожь не замѣтить, что болѣе всего гибли занимавшіе важныя мѣста въ государствѣ. Вѣроятно, во время этой рѣзни погибли прославленншіи подвиги Стиліхона поэтъ Кл. Клавдіанъ. Этотъ писатель пользовался, какъ мы уже замѣтили, постояннымъ покровительствомъ министра и былъ органомъ его политическихъ идей. Посему я считаю нужнымъ, или по крайней мѣрѣ не лишнимъ, сдѣлать здѣсь отступление отъ своего разсказа и представить въ общихъ чертахъ характеръ его поэзіи.

Хотя Клавдіанъ жилъ въ то время, когда христіанская вѣра сдѣлалась господствующею въ имперіи, но онъ является въ своихъ произведеніяхъ совершеннымъ язычникомъ. Мысли его языческія, форма этихъ мыслей тоже языческая. У него постоянно встрѣчаешь боговъ и богинь, которые въ разныхъ образахъ сходятъ на землю и управляютъ дѣлами людей. Не льзя не замѣтить, что со стороны мыслей и формы ихъ выраженія Клавдіанъ является подражателемъ Виргилія. Эта подражательность объясняется духомъ тогдашняго времени, когда не только всѣ свѣтскіе писатели, но нѣкоторые и духовные считали главнымъ условіемъ прекрасныхъ произведеній близкое сходство ихъ съ твореніями классиковъ. Тѣмъ не менѣе однакожь не льзя отказать Клавдіану въ названіи отличнаго поэта. Если разсматривать его въ сравненіи съ другими стихотворцами, жившими въ послѣдній періодъ существованія имперіи отъ Константіана Великаго до ея паденія (Пруденцій, Авитъ, Ювеній, Лавоній, Сидоній Апполлинарій), то онъ стоитъ несравненно выше ихъ. Но, разбирая его творенія даже безотносительно, не льзя не признать въ немъ замѣчательнаго дарованія, и первое, что бросается въ глаза при чтеніи его сочиненій (а эти сочиненія суть: *In pri-*

(185) Зосимъ говорить: ἀπέλειπε δὲ καὶ τῶν παρατυχόντων πλεῖστος ὄσων ἀριμὴ μὴ βέβαιον εἶναι περιλαβεῖν. lib. V, 32.

num consulatum Stilichonis или *De laudibus Stilichonis*—дѣтъ книги, *In secundum consulatum Stilichonis*—одна книга, *De bello Getico*, *In III, IV, VI cons. Honorie*, *De bello Gildonico*, *Laus Serenae*, *De nuptiis Mariae et Honorii*, *In Eutropium*—3 книги, *Raptus Proserpinae*, нѣсколько эпиграммъ и мелкихъ стихотвореній), это необыкновенно строгое развитіе главной мысли. Въ каждомъ его твореніи непремѣнно одна какая-нибудь мысль; на ней держатся и съ нею крѣпко связаны другія побочныя мысли, къ ней также прикрѣпляются совершенно разумно всѣ факты, отдѣльные нологич. выводимыхъ на сцену лицъ, описанія и т. п. Въ этомъ и состоитъ художественность произведенія. Другая черта, замѣчаемая въ его сочиненіяхъ, касается описанія явленій и предметовъ природы, случаевъ изъ жизни общественной и частной. Съ этой стороны Клавдіанъ по преимуществу поэтъ. Эти мѣста блещутъ яркими красками. — а не безъ разбора набросаны эти краски; въ нихъ есть связь и гармонія, каждая черта въ описываемомъ предметѣ схвачена вѣрно, обозначена рукою самобытнаго, въ высшей степени наблюдательнаго художника, и всѣ онѣ, мѣстѣ взятыя, сгруппированы прекрасно и представляютъ стройное цѣлое. Явленіе природы или какое-нибудь отдѣльное событіе представляется у Клавдіана чѣмъ-то необыкновенно подвижнымъ, чѣмъ-то олушевленнымъ. Не менѣе искусенъ онъ въ развитіи характеровъ выводимыхъ лицъ: они выдержаны отъ начала до конца, каждое дѣйствующее лице отличается отъ другихъ и дѣйствуетъ сообразно съ своими наклонностями. Особенность Клавдіана въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что характеры выводимыхъ имъ лицъ являются необыкновенно вышуклыми. Добродѣтель представляется у него во всемъ своемъ свѣтѣ; жаль, что поэтъ прибавляетъ свои нравственныя сентенціи, которыя нѣсколько ослабляютъ занимательность разсказа и силу впечатлѣнія. Порокъ безпомощно поражается и является какъ бы отлитымъ во всѣ свои грязныя, безобразныя формы. Стоитъ прочесть рѣчь Клавдіана противъ Евтропія или о войнѣ Гильдонской, чтобы убѣдиться въ этомъ. Здѣсь безнравственность растетъ все болѣе и болѣе, тина пороковъ постепенно накапливается и, читая, чувствуешь на душѣ тяжелый гнетъ, и этотъ гнетъ становится все тяжелѣе по мѣрѣ

приближенія къ развязкѣ. Сарказмъ Клавдіана безжалостенъ и ѣдокъ.

Какъ скоро вѣсть объ убійствѣ въ Павіи пришла въ Боннію, то Стилихонъ и стояшія тамъ войска приведены были въ страшное волненіе. Варвары, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояли эти войска, требовали, чтобы Стилихонъ велъ ихъ на месть за погибель своихъ братьевъ и за смерть его друзей. Подробности этого страшнаго дѣла не были однакожъ тамъ извѣстны, равно какъ мало знали о причинахъ, произведшихъ его. Полагали, что это было простое возмущеніе солдатъ, имѣвшихъ причину быть чѣмъ нибудь недовольными; а того, что это было цѣлою давно задуманнаго заговора, въ которомъ принялъ участіе самъ императоръ, никто, кромѣ Стилихона, и не предполагалъ. Да и онъ не хотѣлъ допустить мысли, чтобы нерасположеніе къ нему вѣтя дошло до такой степени ненависти и чтобы злоба его завистниковъ могла имѣть такіа огромныя и печальныя послѣдствія. Сомнѣвались даже, живъ ли императоръ (186). Посему какъ скоро былъ собранъ Стилихономъ военный совѣтъ по этому случаю, то было положено: «если умерщвленъ и императоръ, то всѣ варвары немедленно нападутъ на Римскихъ солдатъ и отыскать имъ за его смерть; если же императоръ остался живъ, а умерщвлены одни высшіе сановники, то тогда нужно казнить однихъ зачинщиковъ матажа. Вскорѣ однакожъ дѣло объяснилось; узнали, что императоръ самъ согласился на это убійство. Съ этого времени начинается внутренняя борьба Стилихона, борьба чувства долга подданнаго съ чувствомъ самосохраненія: теперь онъ долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или защищать себя вооруженною рукою противъ императора и его приближенныхъ, или же для доказательства своей невинности отдаться въ руки враговъ. Варвары, узнавъ объ участіи императора въ замыслѣ противъ Стилихона, опять потребовали отъ послѣдняго, чтобы онъ немедленно велъ ихъ на месть; волненіе въ рядахъ ихъ было необыкновенное. Такимъ образомъ образовалась грозная оппозиція противъ императора и Римской партіи; все грозило имперіи страшною борьбою двухъ равно-

родныхъ элементовъ; но Стилихонъ отказался быть вождемъ оскорбленныхъ варваровъ: онъ не хотѣлъ для защиты своей явиться наемникомъ, считая безчестнымъ возмизать для этого междоусобную войну въ государствѣ (187). Почитая шесть одною изъ священнѣйшихъ своихъ обязанностей, варвары съ изумленіемъ слушали своего вождя и рѣшительно не понимали, почему онъ советуется имъ быть великодушными къ своимъ врагамъ. Но они высоко чтити Стилихона, и потому повиновались его волѣ, столь несогласной съ собственными ихъ убѣжденіями, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы имъ оставаться при своихъ постахъ, покуда императоръ явѣ не обнаружитъ своихъ намереній относительно Стилихона и ихъ самихъ, и, если окажутся справедливыми слухи, будто онъ главная причина Навійскаго кровопролитія, то нимало не медля взяться за оружіе (188). Стилихонъ увидѣлъ невозможность оставаться при варварскомъ войсѣ безъ того, чтобы не сдѣлаться вождемъ его оппозиціи противъ императора и Римлянъ, или, отвергнувъ ихъ желаніе, не вооружить противъ себя и эту опору своей безопасности. Онъ рѣшился удалиться въ Равенну, надѣясь, что время и обстоятельства откроютъ его невинность.

Прежде, нежели Стилихонъ могъ привести это намереніе въ исполненіе, Саръ, который считался лучшимъ другомъ министра и на котораго онъ болѣе всего надѣялся, воспользовался его намереніемъ, чтобы вооружить противъ него и самыхъ варваровъ. Успѣвъ скрыть свое участіе въ заговорѣ и свои низкіе замыслы противъ Стилихона, вмѣсто котораго хотѣлъ быть главнокомандующимъ, этотъ человѣкъ внушилъ варварамъ, находившимся подъ его начальствомъ, что Стилихонъ потому не хочетъ вести ихъ противъ Гоноріа и Тицинской арміи и потому отправляется въ Равенну, что дѣйствуетъ заодно съ Римскими солдатами. По всей вѣроятности, Саръ получилъ отъ Гоноріа тайное приказаніе начать неожиданно враждебныя дѣйствія

(187) Ἐπαφίηται Ῥωμαῖκοι στρατοπέδῳ βαρβάρους οὔτε βασιον οὔτε ἀσφαλὲς φέρετο εἶναι. Zos. lib. V, 33.

(188) Ὡς δὲ οὐκ ἐπειθον, οἱ μὲν ἄλλοι πάντες ἐν τισι χωρίοις ἐκριναν ἐπιμῆναι, μέχρις ἂν ᾗ ἔτιεν ὁ βασιλεὺς περὶ Στελλύχωνος γνώμην σαφέστεραν ἐπιδείξειν.

противъ Стилихона и схватить его. Какъ бы то ни было, только Стилихонъ нажилъ себѣ враговъ въ самыхъ варварахъ, изъ коихъ одна часть теперь оставалась по прежнему вѣрною ему, а другая ненавидѣла его. Немедленно обѣ эти части пришли въ столкновение между собою. Саръ началъ первый. Ночью, когда все было погружено въ глубокий сонъ, онъ тайно пробрался съ своими варварами къ ставкѣ Стилихона и стремительно напалъ на Гунновъ, всегдашнихъ его тѣлохранителей. Шумъ рѣзни вскорѣ пробудилъ весь лагерь и въ городѣ сдѣлалась страшная суматоха; тогда произошла всеобщая свалка (189). Многие дрались, не зная за что. Восходящее солнце освѣтило страшную картину ожесточенной междоусобицы битвы и показало, что Стилихонъ во время суматохи успѣлъ спастись. Тогда Саръ прекратилъ драку: потому что считалъ ее уже бесполезною. Стилихонъ между тѣмъ съ немногочисленнымъ кошаемъ сказалъ по дорогѣ въ Равенну. Чтобы воспрепятствовать могущей быть за нимъ погонѣ, онъ во всѣхъ городахъ и переправочныхъ пунктахъ, чрезъ которые ѣхалъ, отдавъ приказъ ни подъ какимъ предлогомъ не пропускать варваровъ.

Дѣло теперь приняло такой оборотъ, что трудно было рѣшить, какой результатъ выйдетъ изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, порожденныхъ заговоромъ Римской партіи противъ Стилихона и варваровъ. Правда, Стилихонъ былъ значительно ослабленъ междоусобицею раздоромъ варваровъ; но заговорщики въ то же время видѣли, что, если онъ захочетъ, то въ состояннн собрать огромныя силы, уничтожить всѣ ихъ старанія, и что поэтому силою противъ него ничего не сдѣлаешь; между тѣмъ смерть его была необходима для нихъ, чтобы уничтожить вмѣстѣ съ нимъ всякую силу, которая доселѣ связывала въ одно страшное цѣлое разнородныя варварскія полчища, наводившія имперію. Оливій вълезъ помочь императору и анти-варварской партіи въ этомъ затрудненіи. Онъ, какъ видно, былъ убѣжденъ въ вѣрности Стилихона и благородствѣ его мыслей, и не безъ основанія полагалъ, что онъ, для доказательства чистоты своихъ дѣйствій, согласится отдаться подъ арестъ. Такимъ образомъ на бла-

(189) Zos. lib. V, 34, Филосторг. Христ. Чтеніе за Август. 1844 г.

городствѣ министра любимецъ императора основалъ возможность погубить его и заступитъ его мѣсто. Руководимый его советами, Гонорій наградилъ убійцъ и послалъ въ Равенну два повелѣнія, изъ которыхъ въ одномъ предписывалось взять Стилихона подъ стражу, а въ другомъ казнить его; начальнику же отряда, къ которому были посланы эти указы, именемъ Геракліанъ, долженъ былъ сначала первое предписаніе представить министру, а потомъ, когда оно возымѣтъ желанное дѣйствіе, исполнять второе. Стилихонъ, конечно, ничего не зналъ объ этомъ коварствѣ, и когда узналъ, что прибылъ гонецъ отъ императора съ указомъ, то думалъ, что его осудили на смерть. Была бурная ночь; дождь лилъ ливнемъ; вѣтеръ страшно шумѣлъ по улицамъ Равеннскимъ; его завыванію вторилъ ревъ волнъ, съ яростію ударявшихся о приморскую сторону города. Съ глубокою горестію снѣлся Стилихонъ въ своемъ дворцѣ; предъ нимъ стоялъ прекрасный юноша. Это былъ сынъ его Евхерій. Отецъ прощался съ сыномъ, который долженъ былъ немедленно тайно бѣжать изъ Равенны въ Римъ и тамъ спасать себя и свою мать; Стилихонъ въ послѣдній разъ глядѣлъ на своего сына. Онъ рѣшился умереть. Онъ зналъ, что ему стоитъ только кликнуть кличь, чтобы имѣть тысячи защитниковъ; но онъ не хотѣлъ этимъ воспользоваться, и предчувствовалъ, что ему остается жить только нѣсколько часовъ. Теперь все его вниманіе, всѣ чувства были сосредоточены на сынѣ; одинъ онъ призывалъ еще къ жизни бѣднаго, оскорбленнаго людскою несправедливостію старца. Лишь только Евхерій вышелъ изъ дворца, Стилихонъ удалился въ близлежащую церковь, думая, что, пока его будутъ искать, сынъ его успѣетъ оставить городъ. Между тѣмъ вѣсть о несчастіи Стилихона быстро разнеслась по всему городу. Когда начало свѣтать, всѣ варвары съ оружіемъ въ рукахъ явились около церкви, съ твердымъ намѣреніемъ защищать его, если задумаютъ сдѣлать ему насиліе. Вскорѣ туда же прибылъ Геракліанъ съ своими солдатами, чтобы схватить Стилихона. Но, увидѣвъ грозную толпу, разсудилъ, что оружіемъ здѣсь не достигнешь своей цѣли; онъ началъ утѣрять Стилихона и спрашивать, что вовсе не имѣетъ приказанія умерщвлять министра, а что ему приказано только арестовать его и содер-

жать подъ стражею съ честію, причиною его сану; когда же этому никто не повѣрилъ, то Геракліанъ привелъ епископа и въ присутствіи его клятвою утверждалъ истину словъ своихъ. Стилихонъ вышелъ изъ церкви; но едва солдаты увидѣли его въ своихъ рукахъ, какъ начальникъ ихъ тутъ же представилъ ему другое повелѣніе императора, въ которомъ предписывалось, за различныя государственныя преступленія казнить его. Какое-то давящее чувство овладѣло Стилихономъ при видѣ этого обмана; онъ молчалъ. Но когда ему сказали, что Евхерій вѣдъ города, онъ спокойно началъ готовиться къ смерти (190). Когда же повели его къ мѣсту казни, то тысячи голосовъ закричали, что этому не бывать; брачаніе оружія, которымъ сопровождались эти слова, показали Римскимъ солдатамъ, что это не пустая угроза. Стилихонъ былъ такъ подавленъ гнетомъ разнообразныхъ чувствованій, что ничего не въ состояніи былъ сказать варварамъ на энергическое выраженіе ихъ привязанности къ своему военачальнику; онъ ослабѣвалъ. Лице его, обращенное къ варварамъ, сперва выражало моленіе, чтобы они оставили его на произволъ судьбы; потомъ, когда это не произвело никакого дѣйствія и варвары по прежнему просили у него позволенія исхитить его изъ рукъ солдатъ, а сія послѣднѣе, чтобы предотвратить это, выразили намѣреніе скорѣе умертвить его и тѣмъ положить конецъ дѣлу, тогда больно стало душѣ его, что имъ, вѣкогда бывшимъ грозною Готамъ и другимъ народамъ и могущественнѣйшимъ властителемъ имперіи, такъ своевольно располагають теперь двѣ толпы; тогда вся прежняя энергія возвратилась къ нему; онъ выпрямился во весь свой гигантскій ростъ; лице его сдѣлалось грозно (191); какой-то паническій страхъ объялъ и варваровъ и солдатъ; первые думали, что онъ разгнѣванъ на

(190) Ευχερίου δε τοῦ παιδὸς ἐν τῷ ταῦτα γίνεσθαι πεφαιγμένος καὶ εἰς τὴν Ρώμην ἀναχωρήσας, ἤγετο Στελίχων ἐπὶ τὸν θάνατον.

(191) Τῶν δὲ περὶ αὐτὸν βαρβάρων καὶ οἰκετῶν καὶ ἄλλος οἰκειῶν (ἡσαν γὰρ πλῆθος οὐ μέτριον) ἀφέλεσθαι τῆς σφαγῆς αὐτὸν ὀρμησάντων, σὺν ἀπειλῇ πάσῃ καὶ φόβῳ ταύτης αὐτοὺς Στελίχων ἀποσχάας τῆς ἐγχειρήσεως τρόπον τινὰ αὐτὸς τὸν τράχηλον ὑπέσχε τῷ ξίφει, πάντων ὡς ἱεπεῖν τῶν ἐν ἐχέινῳ δυναστευσάντων τῷ χρόνῳ γεροντὶς μετριώτερος. Zos. lib. V, c. 31. Conf. Olympiod.

нихъ за ихъ послушаніе, другіе полагали, что онъ соглашается на требованіе варваровъ и хочетъ защищать свою жизнь; тѣ и другіе опять увидѣли въ немъ великаго полководца, и разступились предъ нимъ. Но скоро лице его приняло опять выраженіе спокойствія и преданности волѣ Божіей. Стилихонъ преклонилъ колѣна, нагнулъ голову, давая тѣмъ знать, что онъ соглашается принять казнь; никто изъ солдатъ не трогался съ мѣста; тогда самъ Геракліанъ выхватилъ мечъ и бросился на Стилихона (192); жельзо зашло надъ нимъ, кровь брызнула и окровавленная голова скатилась на землю. Варвары плакали.

Это случилось 23 Августа 408 года.

Мы довели свой рассказъ до послѣдней минуты жизни Стилихона. Однакожъ послѣ его смерти еще не совсѣмъ кончается исторія его. Прежде, нежели мы представимъ эти событія, непосредственно слѣдовавшія за смертію Стилихона и вѣщую тѣснѣйшую связь съ судьбою его, я считаю не лишнимъ обратиться назадъ — къ прежней жизни этого замѣчательнаго человѣка и изъ обстоятельствъ ея, согласно предположенному мною въ началѣ труда плану, вывести черты, существенно характеризующія его, и вмѣстѣ показать въ немногихъ словахъ, какая задача дана была его исторической дѣятельности для рѣшенія, какую роль назвачено было ему играть въ эти смутныя времена и какъ наконецъ рѣшилъ онъ эту задачу и выполнилъ эту роль. Тогда понятнѣе будутъ событія, случившіяся послѣ его смерти и служащія заключеніемъ исторіи его.

Глава IX (193).

Характеристика Стилихона. — Событія, бывшія слѣдствіемъ его смерти. — Заключение.

Стилихонъ былъ одаренъ отъ природы умомъ обширнымъ, глубокимъ и всестороннимъ, соображеніе имѣлъ необыкновенно-

(192) Zon. lib. V, 34, 35. Также можетъ найти немного замѣтокъ о послѣднихъ минутахъ Стилихона у Филосторгія. Христ. чт. 1834 г. Августъ.

(193) Свѣдѣнія для характеристики Стилихона я заимствовала преимущественно изъ Клавдіана. Для очерка происшествій послѣ его смерти

быстрое. Самые враги-поригатели отдавали ему въ этомъ отношеніи должное. Обширность и глубина его и быстрота соображенія отразились какъ въ военныхъ его подвигахъ, такъ и въ дѣлахъ управленія государствомъ. Какъ полководецъ, Стилихонъ не слѣдовалъ какой-либо однажды навсегда принятой тактикѣ, но все соображалъ съ обстоятельствами и характеромъ своихъ противниковъ. Можно однакожь принять за вѣрное, что Стилихонъ напередъ старался всегда помѣстить непріятеля въ возможно-гѣсное положеніе, и потому онъ сначала всегда уклонялся отъ боя, утомлялъ его разными маневрами, и потомъ, когда замѣчалъ, что тотъ ослабѣваетъ, стремительно нападалъ на него; послѣ этого онъ не давалъ своему врагу покоя, и оставлялъ его только тогда, когда тотъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, соглашался на всѣ его условія (194). Причина огромныхъ успѣховъ Стилихона на военномъ поприщѣ, безъ всякаго сомнѣнія, преимущественно заключается въ томъ, что онъ не полагался слишкомъ самонадѣянно на свой талантъ и никогда не увлекался воинскими порывомъ, или нетерпѣливостію, желаніемъ поскорѣ рѣшить дѣло битвою, что замѣчается въ дѣйствіяхъ многихъ талантливыхъ полководцевъ, но всѣ свои движенія соображалъ съ заранее составленнымъ планомъ. Каждый его планъ военныхъ дѣйствій былъ плодомъ долгихъ соображеній, строгаго обсужденія всѣхъ, даже малѣйшихъ обстоятельствъ, представлявшихся ему, и обыкновенно никогда не былъ измѣненъ его врагамъ. Самъ Аларихъ никогда не могъ разгадать его образа дѣйствій и, являясь въ опасныхъ положеніяхъ неустрашимымъ солдатомъ, мужественнымъ и искуснымъ вождемъ, въ отношеніи къ соображенію хода всей войны, стоитъ далеко ниже Стилихона; мы не видимъ, чтобы онъ съ такою отчетливостію, съ такою точностію обдумывалъ свои дѣйствія и съ такимъ спокойнымъ хладнокровіемъ

служили имъ источникомъ преимущественно Зосимъ (конецъ V и начало VI вѣка) и нѣсколько Олимпіодоръ.

(194) Клавдіанъ такъ характеризуетъ Стилихона, какъ полководца:

Unus in hoc Stilicho diversis artibus hoste

Tres potuit superare duces, fregitque furentem

Cunctando, vicitque manu, victumque relegat. De bello Get. 142.

велъ ихъ, какъ дѣлалъ это Стилихонъ, и потому сей послѣдній всегда побѣждалъ его. Вообще въ отношеніи къ военному искусству Стилихонъ можетъ стать на ряду съ великими полководцами всѣхъ временъ и народовъ.

Не менѣе великимъ является Стилихонъ и въ дѣлѣ управленія имперіею. При немъ не возникло новыхъ учрежденій, не было издано новыхъ законовъ, которые могли бы измѣнить государственное устройство; занятый постоянно войною, онъ слѣдовалъ прежде установленному порядку. Но не лѣзя не согласиться, что и это — заслуга съ его стороны чрезвычайно важная, если мы припомнимъ то плачевное, безнадежно-горькое состояніе, въ которомъ находилась при немъ имперія, если мы припомнимъ тотъ, такъ сказать, процессъ разрушенія, который совершался съ нею. Стилихонъ умѣлъ держать въ повиновеніи всѣ государственные чины, онъ умѣлъ властвовать надъ умами ихъ, такъ что они волю его считали для себя закономъ, и горе было тому, кого онъ замѣчалъ въ лихонимствѣ. Но всего замѣчательнѣе управленіе его по части финансовъ. Понятно, что при постоянныхъ войнахъ, корыстолюбивъ префектовъ, естественныхъ бѣдствійхъ, постигавшихъ имперію, народонаселеніе не могло надлежащимъ образомъ платить государству повинностей: финансы дѣйствительно находились въ дурномъ состояніи. Казнохранилище было пусто и не могло покрыть издержки двора. Стилихонъ находилъ средства и содержать войска, и устраивать празднества, и поддерживать различныя государственныя учрежденія. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ этихъ его мѣръ; извѣстно только, что онъ значительно противъ прѣжняго уменьшилъ расходы двора и ограничилъ незначительною суммою свои собственные.

Такимъ образомъ не лѣзя не удивляться обширному и необыкновенно-практическому уму Стилихона, его воинскимъ и правительственнымъ талантамъ. И это не былъ умъ эгоиста, умъ холодный, который исключаетъ всякое нѣжное чувство, чуждается наслажденія прекраснымъ и даже не допускаетъ возможности этого наслажденія; напротивъ, въ душѣ его жили мѣсто многія чувства благородныя, вполне человѣческія, и она не лишена была чувства эстетическаго. Его сердце сжималось, когда

нужно было ему подписывать смертный приговоръ, и часто слезы преступника заставляли его отмигать строгій приговоръ; онъ уважалъ въ каждомъ человѣческомъ достоинствѣ, и съ этой стороны онъ рѣзко выдается между своимъ современниками. Въ то время, какъ его вѣкъ смотрѣлъ на извѣстный классъ людей, какъ на вещь, которою позволительно распоряжаться, ни стѣснялся ничѣмъ; въ то время, какъ его современники были убѣждены, что не только имущество, семейство, свобода раба находятся въ полнѣйшей зависимости господина, что онъ имѣетъ право на его жизнь, Стилихонъ подалъ свой голосъ въ пользу рабовъ. Онъ не могъ уничтожить рабства, но по крайней мѣрѣ сдѣлалъ то, что господинъ не только не имѣлъ права на жизнь раба, называвшагося еще со времени Константина В. не *servus*, а *colonus*, но даже не могъ обременять его налогами и жестоко наказывать, и рабъ получилъ право откупаться на волю и искать въ судѣ на господина. Изданный, по желанію Стилихона, такого рода законъ (495) былъ одною изъ причинъ ненависти къ нему Римской аристократіи и безпримѣрнаго уваженія къ нему низшаго класса народонаселенія Италіи. Желая, чтобы всѣ люди пользовались человѣческими правами, Стилихонъ требовалъ отъ каждаго, чтобы онъ велъ себя сообразно съ достоинствомъ человѣка и Христіанина; вотъ почему онъ не терпѣлъ клеветы и лести, и со всякимъ обходился безъ всякой гордости; вообще, если и въ половину вѣрить Клавдіану, то и тогда Стилихонъ окажется съ рѣдкимъ благородствомъ души и съ рѣдкою любовію къ другимъ; съ близкими своимъ и друзьями онъ всегда былъ добродушно-веселъ, увлекалъ ихъ своимъ остроуміемъ. Жену и дѣтей своихъ Стилихонъ любилъ безгранично, однакожъ не пристрастно любовію, въ иныхъ людяхъ доходящею до излишней и приторной чувствительности, которая видитъ въ дѣтяхъ одни только совершенства, но спокойною любовію твердаго сердца; часто, утомленный походною жизнью, оставивъ лагерь, онъ скакалъ къ своей семьѣ, и тамъ, въ продолженіе немногихъ дней отдохнуть отъ трудовъ, опять возвращался на театръ войны. Отдохновеніе отъ государствен-

ныхъ трудовъ Стихонъ находилъ также въ циркѣ, гдѣ любилъ смотрѣть на бой зѣрей, — черта, столь свойственная тогдашнему времени, которой не былъ чуждъ и Стихонъ; онъ ничего не щадилъ, чтобы достать для цирка какую-нибудь дикозвѣтку изъ породы зѣрей, если только зналъ, что она гдѣ-нибудь находится. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ всею душою былъ преданъ истинному искусству: благоговѣлъ предъ твореніями Гомера и Виргилія, и старался, чтобы науки и искусства процвѣтали и въ Италиі; съ этою цѣлю онъ выписывалъ картины и статуи изъ Греціи, покровительствовалъ учебнымъ заведеніямъ и ученымъ мужамъ, равно какъ и поэтамъ. Плоды этихъ его заботъ остались въ твореніяхъ Клавдіана. Не лзя упустить изъ вниманія еще одной черты въ характерѣ Стихона: онъ былъ равнодушенъ къ тогдашней музыкѣ, нѣжащей слухъ, но заслушивался, когда какой-нибудь варваръ дико-увывымъ голосомъ напѣвалъ свою національную пѣсню. Вообще, надобно сказать о Стихонѣ, что онъ представлялъ въ себѣ соединеніе свѣжихъ, неиспорченныхъ силъ Германца съ Греко-Римскимъ образованіемъ.

Съ такими счастливыми способностями и съ такимъ прекраснымъ направленіемъ ихъ выступилъ Стихонъ на сцену свѣта, а потомъ и исторіи. Тяжелая однакожь судьба выпала на его долю, и трудную, почти нераварѣшимую задачу пришлось рѣшать ему. Жизнь его была одинъ трудъ и трудъ. Мы видѣли уже, что онъ въ самой ранней юности своей умечетъ былъ вихремъ войнъ, происходившихъ въ слѣдствіе бореція имперіи съ варварами и въ слѣдствіе споровъ Восточныхъ императоровъ съ Западными; тутъ онъ видѣлъ постоянно вблизи себя смерть; въ этихъ буряхъ имперіи образовался его характеръ. Стихонъ окрѣлъ духомъ, научился равнодушно смотрѣть на опасности и привыкъ смѣло глядѣть въ глаза смерти. Сохранивъ сердце свое отъ отравы всеобщаго разврата, Стихонъ сочувствовалъ всему высокому, благоговѣлъ предъ громкою славой Рима и гордился тѣмъ, что стоитъ въ рядахъ Римскихъ воиновъ. Несчастныя обстоятельства имперіи, громимой варварами, вызвала на сцену исторіи Θεодосія. Этотъ государь постигъ, что имперія тогда только можетъ продолжать свое су-

ществованіе, тогда только можетъ быть безопасна со стороны варваровъ, наводнившихъ ее, когда они сольются съ Римлянами въ одну націю, — и сообразно съ этимъ убѣжденіемъ началъ дѣйствовать по отношенію къ нимъ. Стилихонъ, отличенный Θεодосіемъ Великимъ, понявъ необходимость этой политики и, по смерти его оставшись главнымъ дѣятелемъ имперіи, исполнѣ послѣдовала ей. Но онъ въ то же время увидѣлъ, что для осуществленія мысли Θεодосія необходимы силы всей имперіи и что, слѣд., нужно соединять въ одно цѣлое Западъ и Востокъ, которые уже давно стремились идти различными дорогами и Θεодосіемъ были окончательно раздѣлены. Изъ-за этихъ попросовъ, изъ-за этой задачи произошли тѣ почти постоянныя войны, которыми ознаменованы были конецъ IV столѣтія и начало V-го и исторію которыхъ мы наложимъ. Стилихону принадлежить тутъ главная роль, и эту роль онъ выполнялъ блестящимъ образомъ. Отъ начала до конца въ этой страшной драмѣ онъ остался вѣренъ самому себѣ, не отступая ни на шагъ отъ своей задачи. Онъ трудился неутомимо. Что же побуждало его къ этому труду? Честолюбіе? Да; оно, жажда дѣятельности, и клятва, данная Θεодосію, когда тотъ лежалъ на одрѣ смерти, клятва пещись объ имперіи Гонорія были пружиною его дѣствий. Другихъ корыстныхъ видовъ онъ не имѣлъ. Зосимъ такъ говоритъ объ этомъ (196): «Стилихонъ былъ умѣреннѣйшій изъ всѣхъ, кто только въ его время былъ облеченъ высокою властію. Ибо хотя онъ былъ женатъ на дочери брата Θεодосія Великаго и царства обоихъ сыновей Θεодосія были вѣрены ему, и исправлялъ онъ должность полководца 23 года; но никогда не было замѣчено, чтобы онъ давалъ мѣста за деньги и никогда военный запасъ не обращалъ въ свою пользу. Будучи отцомъ единственнаго сына, онъ положилъ такую грань его гражданскимъ преимуществамъ, что, возвысившись до сана *Tribuni notariogum*, онъ не могъ получить никакой другой власти и степени». И это говоритъ писатель безпристрастный. Между тѣмъ нашлись люди, которые въ отношеніяхъ его къ варварамъ видѣли желаніе только усилить свое могущество, чтобы

чрезъ то имѣть болѣе возможности самовластвовать въ государствѣ, въ отношеніяхъ къ Востоку — намѣреніе посадить тамъ на престолѣ своего сына. Выросъ императоръ Гонорій и принялъ то же мнѣніе. Тайно готовились средства къ низверженію могущественнаго министра. Стилихонъ зналъ отчасти это. Онъ былъ одаренъ душою впечатлительною; но эта впечатлительность была особаго рода: онъ глубоко поражался несправедливостію людей, но скорѣе своей души затаялъ въ себѣ, съ грознымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на своихъ завистниковъ, и считая ихъ неопасными для себя, бодро шелъ по своему трудному пути. Бывали впрочемъ минуты, когда онъ, видя вмѣсто благодарности одну недовѣрчивость, какъ бы уставалъ, но скорѣе стыдился своей слабости и опять принимался идти впередъ. Но злоба враговъ его, непониманіе современниками дѣйствій его не дали ему достигнуть цѣли своихъ и Θεодосія Великаго предначертаній и заботъ. Онъ погибъ. Со смертію Стилихова, естественно, сами собою должны были рушиться мирныя отношенія, такъ недавно положенныя имъ между Римлянами и Готами и другими варварами. Оба эти элемента теперь опять стали другъ противъ друга и вступили въ борьбу; началъ Римляне.

Гонорій спѣшилъ доказать имперіи, что онъ за дѣло велѣлъ казнить министра. Но это было не легко: потому что никто не могъ представить доказательства преступленій, въ которыхъ его обвиняли. Напрасно въ этомъ случаѣ Олимпій прибѣгалъ къ насилію, заставляя нѣкоторыхъ друзей Стилихона сказать при торжественномъ допросѣ, что онъ домогался престола; никто ничего не сказалъ худаго о покойномъ. Всѣ почти за это молчаніе были умерщвлены. Такимъ образомъ безъ всякаго основанія Стилихонъ, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ послѣ своей смерти, былъ объявленъ въ императорскомъ адиктѣ *regis publicus* и обвиненъ въ расточеніи казны на варваровъ. Всякой, кто только считался другомъ, знакомымъ или приверженцемъ его, былъ убиваемъ. Евхерій, а потомъ и Серена погибли насильственною смертію. Той же участи подвергся шуринъ (мужъ сестры) Стилихона Батаварій, намѣстникъ Африканскій. Его мѣсто было отдано убійцѣ Стилихона Геракліану. Олимпій и императоръ какъ бы предчувствовали, что варвары,

жившіе въ городахъ Италіи, явятся мстителами за смерть Сти-
лихона. Варвары такъ и располагали сдѣлать. Олимпій рѣшился
предупредить ихъ и въ слѣдъ за его смертію разослалъ по
всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только жили варвары, къ тамошнимъ солда-
тамъ вѣсть, что Стилихона уже нѣтъ въ живыхъ и что теперь
варвары не опасны Римлянамъ. Вѣсть служила сигналомъ къ
убійству. Такъ какъ варвары, способные носить оружіе, стояли
тогда при Бононіи, и частію присоединились къ войску Ала-
риха, то солдаты, составлявшіе гарнизоны въ городахъ, начали
рѣзать ихъ женъ и дѣтей (197). Тогда тысячи Готевъ, Аланъ и
другихъ варваровъ обратились къ Алариху съ изъявленіемъ го-
товности быть ему путеводителями и храбрыми сподвижниками,
если онъ поведетъ ихъ въ Италію для мщенія. Готескій король
принялъ вызовъ и выступилъ мстителемъ за смерть Стилихона;
между прочимъ онъ потребовалъ, чтобы правительство дало ему
мѣсто убитаго министра и утвердило магистромъ *utriusque*
militiae (198).¹ Получивъ отказъ, онъ изъ Верхней Италіи вторг-
нулся въ Среднюю, которую нашелъ совершенно беззащитною:
потому что, въ слѣдствіе умерщвленія Стилихона и распоряже-
ній новаго министра Олимпія, не осталось ни одного легіона
отъ тѣхъ войскъ, которыми Гонорій незадолго предъ тѣмъ дѣ-
лалъ смотръ (199). Императоръ теперь увидѣлъ, чего лишился
въ Стилихонѣ; но уже было поздно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ
Аларихъ опустошилъ Италію вдоль и поперѣгъ и наконецъ взялъ
Римъ. Замѣчательно, что Римъ, погубившій Стилихона и воз-
ставшій противъ варваровъ, былъ взятъ въ тотъ же самый день,
когда былъ убитъ этотъ министр и когда Римляне начали пре-

(197) Οἱ τὰς πόλεις ἐνδρυνένοι στρατιῶται, τῆς Στελλίχωνος ἐκ αὐτοῦς
τελευτῆς ἐνεχθείσης, τὰς καθ' ἑκάστην πόλιν δύοαις γυναῖξι καὶ
παισὶ βαρβάρων ἐπέθεντο, καὶ ὥσπερ ἐκ συνδήματος πανωλεθρία
διαφείραντες, ὅσα ἦν αὐτοῖς ἐν οὐσίᾳ διηρπασαν. Zos. lib. V, 38.

(198) Подробности этой войны описаны у Зосима въ V книгѣ, отъ 36 главы
до конца ея. Также у Орозія есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ VII книгѣ,
главѣ 43.

(199) Въ какомъ духѣ были распоряженія новаго министра, видно изъ
слѣдующаго: Eos qui Catholicae sectae sunt inimici, intra palatium
militare prohibemus. Nullus sit nobis aliqua ratione conjunctus, qui a
nobis fide et religione discordat.

слѣдовать варваровъ. Ночью съ 23 на 24 Августа Готы вошли въ Porta Salariina и военнымъ крикъ непріятеля, пробудившій испуганныхъ жителей, возвѣстилъ имъ, что побѣдитель міра теперь самъ въ свою очередь достался на произволъ Германскихъ племенъ. Три дня продолжалось онустошеніе; только церкви не были тронуты Готами, которые, будучи Христіанами, чтли все святое и боялись прикасаться къ священнымъ мѣстамъ. Хотя Аларихъ въ этомъ же году (410) умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе многихъ своихъ плановъ, хотя преемникъ его Атаульфъ старался поддерживать все Римское; но это нисколько не предотвратило окончательнаго паденія въ имперіи Римскаго элемента. При занавѣніи Алариха на Италію многіе Римляне и Италианцы, и, безъ сомнѣнія, по преимуществу тѣ, которые составляли противъ варваровъ, бѣжали изъ отечества, и берега Африки и Азии были покрыты эмигрантами изъ благороднѣйшихъ семей, лишившихся при этомъ всего своего имуществъ (200). Теперь жизнь въ имперіи въ существенныхъ своихъ элементахъ слѣжалась варварскою. Варварамъ поручали всѣ высшія должности, и ими же были отправляемы всѣ маловажныя службы. Епископъ Сивезій говоритъ (201): «но русымъ волюсамъ всѣхъ водовозовъ; дровосѣковъ, банщиковъ и носильщиковъ можно узнать сѣверное ихъ происхожденіе; предсѣдателями правительственныхъ коллегій, предводителями войскъ и большая часть отвыкшихъ отъ всякой дисциплины солдатъ были также изъ варваровъ». Власть императора также окончательно пала. Хотя Гонорію удалось, при помощи воинскихъ талантовъ генерала Констанція, уничтожить узурпаторовъ (Константина, Геронція, Макоима) одного за другимъ, но это нисколько не мѣнило предводителямъ войскъ быть въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно

(200) S. Jeronym. in Kzech. I. III, p. 745. Святой Иеронимъ занимался въ это время составленіемъ толкованія на Пророка Іезекиіла, когда эти благородные бѣглецы въ рубищахъ явились въ Палестинѣ, и, пораженный столь великимъ и страшнымъ событіемъ, онъ въ этомъ комментаріи вложилъ свои чувства. Рук. къ Вс. Ист. Лоренца. 2 часть.

(201) Synesii, episcopi Cyrenae, oratio di regno ad Arcadium Imperatorem. in opp. a Petavio edit. Par. 1640. fol.

независимыми отъ правительства; всѣ вожди варваровъ, поселившихся въ областяхъ имперіи, признавали величество и верховную власть Рима только тѣмъ, что принимали титулы Римскихъ должностей. Всѣ послѣдующіе за Гоноріемъ императоры не нѣгли, можно сказать, и тѣни императорской власти; они служили полководцамъ орудіемъ для ихъ самовластия. Да и въ составѣ своемъ Западная имперія, въ короткое время послѣ смерти Стилихона, многое потеряла. Уничтоженіе узурпаторовъ, насколько не возмещенъ противъ прежняго власти императора, нѣло въ другомъ отношеніи огромнаго слѣдствія. По паденіи Геронція, варвары, накопившіеся у него въ службѣ, овладѣли большою частию Испаніи. Свевы, подъ предводительствомъ Гермариха, поселились въ Галицію, Алавы подъ предводительствомъ Атакса, — въ Португаліи, Вандалы, подъ предводительствомъ Гундериха, — въ Андалузіи. Хотя Готы, въ слѣдствіе договора, заключеннаго Атаульфомъ съ Римскимъ правительствомъ и возобновленнаго Валліею, принятые въ Римскую службу, и были посланы очистить Испанію отъ этихъ варваровъ, но они возвратили имперіи только восточныя ея части и немногія южныя области полуострова: вытѣснить же Свевовъ, Вандаловъ и Алавъ изъ занятыхъ ими земель не могли. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ владѣнія имперіи въ Испаніи не могли быть прочны. Въ такіе же отношенія къ имперіи поставлена была и Галлія поселеніемъ въ Аквитаніи Готевъ, которые получили эту землю отъ Римскаго правительства за свои заслуги, и поселеніемъ Бургундовъ въ Бургундіи. Когда такимъ образомъ въ Испаніи жили Свевы, Вандалы и Алавы, въ Галліи Готы и Бургунды, то образовалась цѣлая цѣпь варваровъ, которая частью облежала, частью пересѣкала Западную имперію на всемъ протяженіи ея отъ низовьевъ Дуная до самой отдаленной оконечности Пиренейскаго полуострова. Отъ этого сообщеніе съ странами, лежащими на сѣверъ отъ этой цѣпи, было отрезано; онѣ отложились, и правительство не сдѣлало никакой попытки, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи. Бритты и соплеменные съ ними Армарики, на Сѣверномъ берегу Галліи, объявили себя независимыми. Однимъ словомъ, въ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти Стилихона Западная имперія пришла въ такое со-

стояніе, что всякій разсудительный человѣкъ могъ сказать, что настало время ея паденія (202). Между тѣмъ востокъ, который ровню ничего не могъ сдѣлать западу, когда тотъ находился въ управленіи Стилихона, и едва не подпалъ его вліянію, — востокъ наслаждался спокойствіемъ, значительно усилился и по смерти Гонорія (423 года) могъ рѣшительно выѣшаться изъ дѣла Западной имперіи (203).

Соображая событія жизни и дѣятельности Стилихона съ обстоятельствами, случившимися въ продолженіе какихъ-нибудь 15-ти лѣтъ послѣ и частью въ слѣдствіе его смерти, невольно приходишь къ слѣдующему и, кажется, нисколько не преувеличенному заключенію: въ лицѣ его выразилось послѣднее, эвергическое усиліе Римской имперіи, — имперіи когда-то грозной и сильной, и въ его время явно умирающей, — стать на прежнюю степень величія, удержать свое владычество надъ различными варварскими народами и различными землями и преимущественно надъ востокомъ; въ лицѣ Стилихона явился для драхлющаго Рима искусный врачъ, который принесть ей послѣдніе средства, способныя поддержать въ немъ жизнь; Римъ привалъ эти средства, — и на минуту старческій видъ его озарился прежнимъ блескомъ и онъ сталъ грозою для варваровъ и Востока; но онъ отвергъ ихъ и презрѣлъ врача, — и быстро пошелъ опять къ разрушенію.

II. СЕРПЕНТЪ.

(202) Руководство къ Всеобщ. Ист. Др. Лоренца. II-й части отд. I стр. 201.

(203) Ibid. стр. 202.